

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА.

I.

ЗАПИСКИ эти для печати не предназначались. Писалъ я для себя, надѣясь когда-нибудь въ старости, когда мысленно переживается прошлое, раскрыть въ осенній или зимній вечеръ эту тетрадку и возобновить въ памяти событія, пережитыя въ молодые годы, когда силы, впечатлительность и отзывчивость были еще свѣжи. Другихъ претензій у меня не было. Теперь, когда этой тетрадкой исполнилось уже двадцать лѣтъ, ее случайно прочелъ любитель и знатокъ старины С. Н. Шубинскій. Онъ нашелъ содержаніе ея не лишеннымъ нѣкотораго интереса и гостепріимно раскрылъ для нея страницы «Историческаго Вѣстника.» Такова исторія появленія въ свѣтъ этихъ скромныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ и наблюдений.

Самое же зарожденіе этой тетрадки таково. Съ 1886 г. я сталъ работать въ отдѣлѣ «хроники» въ большой и распространенной петербургской газетѣ. Но газета, по тогдашнимъ цензурнымъ и инымъ условіямъ, была принуждена печатать отчеты о событіяхъ общественной жизни не иначе, какъ по извѣстному шаблону, въ основѣ котораго были положены краткость, сжатость, сдержанность и сухое изложеніе факта. Живая, интересная, а подчасъ и пикантная сторона событія, такимъ образомъ, въ газету не попадала. Да ее не пропустила бы и цензура. Мнѣ было жаль предавать забвенію эту живую сторону событій общественной жизни, и я иногда, усталый отъ репортерской и редакціонной работы, но волнуемый свѣжими впечатлѣніями, по ночамъ брался дома за перо и наносилъ на бумагу свои наблюденія, не стѣсняясь ни газетнымъ

шаблономъ, ни цензурою. Записывалъ я съ тою искренностью и правдивостью, съ какими человекъ ведетъ записки не для печати, а лично для себя.

Записки мои носятъ отрывочный, эпизодическій характеръ. Въ большинствѣ описываемыхъ случаевъ отсутствуютъ хронологическія даты; но кое-гдѣ онѣ и попадаются. Когда я писалъ, мнѣ не приходило въ голову, что эти даты могутъ быть сколько-нибудь интересны. Возстановлять же ихъ теперь—значило бы задать себѣ много кропотливаго и въ сущности почти ненужнаго труда: пришлось бы копаться въ архивной пыли старыхъ газетъ. Да и не все ли равно, когда случилось извѣстное событіе—въ 1886 или же въ 1891 году? Земская давность описываемой общественной жизни истекла уже два раза и самыя эти записки извлечены, можно сказать, почти что изъ архивной пыли. За двадцать лѣтъ воды утекло много, условія жизни съ тѣхъ поръ во многомъ измѣнились, много лицъ сошло со сцены и многое изъ записаннаго здѣсь частью обществомъ позабыто, а частью стало уже почти достояніемъ исторіи.

II.

Жизнь и работа хроникеровъ, или, какъ принято называть ихъ,—репортеровъ, одна изъ тѣхъ особыхъ жизней, которыя не укладываются ни въ какія рамки. Самымъ лучшимъ эпитафиемъ ей можно поставить изреченіе: «не вѣсте ни дне, ни часа»... Сонъ, обѣдъ, отдыхъ, работа—все зависитъ отъ случая и событія. Репортеръ никогда не принадлежитъ себѣ и никогда не можетъ сказать семьѣ опредѣленно, когда онъ возвратится домой. Для того, чтобы съ успѣхомъ заниматься репортажемъ, нужно быть молодымъ, крѣпкимъ, выносливымъ и отъ природы энергичнымъ, сообразительнымъ и находчивымъ человекомъ. Нужно быть вездѣ первымъ, нужно обладать чутьемъ и умѣніемъ быстро ориентироваться. Безъ этихъ качествъ репортеръ—не репортеръ, а простой ремесленникъ, нисколько не застрахованный отъ неудачъ и отъ ошибокъ. Читатель, пробѣгая газету, даже и не подозреваетъ, сколько иной разъ труда, усилій и энергій долженъ былъ затратить репортеръ для того, чтобы дать въ газету какихъ-нибудь 15—20 строкъ. Приведу примѣръ изъ собственной практики. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ самый разгаръ своей репортерской службы, зимою, часовъ въ восемь вечера, сидя благодушно съ семьей за чаемъ, я получилъ изъ редакціи лаконическую записку: «Публлка слышала гдѣ-то взрывъ. Узнайте.» Неопредѣленіе такого распоряженія для обыкновеннаго смертнаго, кажется, не можетъ быть ничего. Но для репортера такое увѣдомленіе—находка. Оставивъ чай недопитымъ, я немедленно одѣлся и отпра-

вился на поиски, а къ десяти съ половиною часамъ того же вечера уже доставилъ въ редакцію точныя извѣстія о томъ, что на Болотной улицѣ, на такомъ-то заводѣ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ взрывъ газоваго резервуара. И все это происшествіе было описано точно и подробно. И это—вовсе не какая-нибудь особенная заслуга съ моей стороны. Репортеры другихъ газетъ точно такъ же добыли на мѣстѣ эти свѣдѣнія и описали самый взрывъ съ не меньшею добросовѣстностью.

За репортерскія извѣстія различныя редакціи платили и платятъ разное: 3, 4, 5, 7 и даже 10 копеекъ за строчку; но средняя цѣна всегда была — пятачокъ. Бывали однакоже случаи, когда репортеръ получалъ и по двугривенному за строчку. Это былъ король петербургскихъ репортеровъ Шрейеръ, котораго я уже не засталъ въ живыхъ. Онъ работалъ одновременно въ редакціяхъ нѣсколькихъ газетъ и, раздобывъ какое-нибудь интересное и только одному ему извѣстное свѣдѣніе, ѣздилъ изъ редакціи въ редакцію и прямо ставилъ условіе:

— Есть такое извѣстіе, за которое вы пальчики оближете и котораго ни отъ кого, кромѣ меня, не достанете. Двугривенный строка...

И редакціи платили. О Шрейерѣ, какъ о репортерѣ, сложились цѣлыя легенды. Рассказывалось, напримѣръ, что въ судѣ разбиралось какое-то дѣло при закрытыхъ дверяхъ. Попасть въ залу суда было невозможно. У дверей стоялъ судебный приставъ. Но Шрейеръ попалъ. Онъ увѣрилъ пристава, что онъ явился спѣшно отъ жены одного изъ защитниковъ, въ домѣ котораго случилось что-то неладное. Приставъ впустилъ его въ залу, но взялъ съ него честное слово, что онъ никому не скажетъ ни слова о томъ, что увидитъ и услышитъ на судѣ. Никакого, конечно, разговора у Шрейера съ защитникомъ не было, а на другое утро публика прочла въ газетахъ именно то пикантное обстоятельство, изъ-за котораго дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Приставъ, встрѣтившись потомъ со Шрейеромъ, горько упрекнулъ его за то, что онъ не сдержалъ даннаго честнаго слова.

— Нужно быть очень наивнымъ человѣкомъ, чтобы вѣрить слову журналиста, — спокойно и нисколько не смущаясь, отвѣтилъ Шрейеръ.

Такихъ легендъ о немъ ходило много, и редакторы не разъ ставили его въ примѣръ намъ, репортерамъ, и называли его королемъ. Но ни одинъ изъ плеяды современныхъ мнѣ репортеровъ въ короли не попалъ, да и не гнался за этимъ. Всѣ работали по силамъ и по разуму, какіе Богъ послалъ. Позвонятъ ночью, въ четыре часа, подадутъ полицейскую телеграмму о пожарѣ гдѣ-нибудь у чорта на куличкахъ—за Московской заставой или въ Галерной гавани—летншь, не разсуждая и не взирая ни на разстояніе, ни

на погоду. Бываютъ дни, когда нѣтъ ровно никакого дѣла, но бываетъ и такъ, что въ воскресный или праздничный день въ одинъ и тотъ же часъ нужно побывать въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Случаются и такіе дни, когда съ утра и до глубокой ночи не выльзаешь изъ фрака, побываешь въ нѣсколькихъ министерствахъ, на двухъ-трехъ торжествахъ и вечеръ закончишь въ какомъ-нибудь ученомъ обществѣ. Приѣдешь домой такимъ усталымъ и разбитымъ, что даже ѣсть ничего не можешь, а на утро тебя ожидаетъ сюрпризъ. Развернешь газету и видишь, что добрая половина того, что ты добылъ съ такимъ трудомъ, не попала въ хронику по разнымъ редакціоннымъ соображеніямъ, или же по недостатку мѣста. Бываетъ очень обидно. Но еще обиднѣе бываетъ, когда дневной редакторъ поретъ горячку по поводу какого-нибудь событія и настаиваетъ, чтобы репортеры достали его, а вечерній редакторъ найдетъ все это не важнымъ и велитъ разобрать. Паны дерутся, а у мужиковъ чубы трещатъ. И такія неурядицы встрѣчаются довольно часто.

Въ Англіи, говорятъ, хроникеры и репортеры пользуются почетомъ. У насъ же до этого еще далеко. Публика у насъ относится къ репортерамъ довольно подозрительно. Но въ этомъ отчасти виноваты сами репортеры. Есть между ними очень порядочные и достойные люди, но есть и не ахти какіе. Много, должно быть, понадобится времени на то, чтобы въ глазахъ публики репортеры завоевали себѣ должное и заслуженное уваженіе.

Съ другой же стороны, репортажъ имѣетъ и свои хорошія стороны. Репортеры, вращаясь вездѣ и являясь во многихъ случаяхъ непрощенными и даже назойливыми гостями, поневолѣ наблюдаютъ, видятъ и узнаютъ много такого, что не всякому доступно и что, пожалуй, не всякому и вѣдать надлежитъ. Знакомства этихъ тружениковъ обширны. Что бы о нихъ ни говорили, по въ защиту ихъ нужно сказать, что профессія ихъ не легка и что хлѣбъ насущный нерѣдко бываетъ довольно горекъ.

Звонокъ. Подали телеграмму. На Большой Охтѣ горитъ лѣсной складъ. Загорѣлось въ 2 ч. 46 минутъ ночи. Теперь—четверть четвертаго и уже, по словамъ телеграфиста, весь громадный складъ въ огнѣ. Надо ѣхать. Спать, видно, не придется.

III.

— Съѣздите въ С—ское братство,—сказалъ мнѣ редакторъ.— Тамъ сегодня годовщина и чествованіе предсѣдателя. Онъ—добрый, но уже ни на что не годный больше старикъ. Напечатаемъ о немъ сочувственный отзывъ—и Богъ съ нимъ...

Отзывъ въ газетѣ о дѣятельности этого старика-генерала дѣйствительно былъ напечатанъ сочувственный, но это была не

правда, а, деликатно выражаясь,—только вѣжливая ерунда. Братство содержитъ на свои средства дѣтскій пріютъ и богадѣльню для старухъ. Дѣломъ завѣдуютъ великосвѣтскія патронессы, награждающія сѣрыхъ жертвователей очаровательной улыбкой и пожимающія имъ руку. Но послѣ этого аристократическія ручки усердно моются горячей водою съ мыломъ. Пріѣхавъ на торжество, я засталъ цѣлый букетъ такихъ патронессъ, нѣсколькихъ военныхъ и довольно плотную кучку жертвователей-братчиковъ. Среди этой публики вертѣлся юркій и очень изящный офицеръ—повидимому, распорядитель праздника. Настроеніе на лицахъ у всѣхъ было серьезное и торжественное. Виновникъ торжества, сѣденскій генералъ, держался въ сторонкѣ съ тѣмъ скромнымъ и полувиноватымъ, но довольнымъ выраженіемъ, какое бываетъ обыкновенно у юбиляровъ. Глаза его какъ будто бы говорили:

— Я сознаю отлично свои заслуги. Я поработалъ для васъ, господа, и многое для васъ и для братства сдѣлалъ. Но напрасно вы, господа, устроили эту шумиху, это публичное чествованіе, я вѣдь и безъ чествованія прекрасно сознавалъ бы свои заслуги. Впрочемъ, если ужъ вамъ такъ хочется почтить меня, то, дѣлать нечего: приношу себя въ жертву...

Я, по молодости и неопытности, обратился къ одному изъ присутствовавшихъ братчиковъ съ вопросомъ:

- Что особеннаго сдѣлалъ вашъ председатель для братства?
- Ровно ничего,—отвѣтилъ мнѣ братчикъ.
- За что же вы его чествуете?—удивился я.
- За то, что онъ уходитъ...

Я обидѣлся и съ недовольною миною отошелъ въ сторону. Мнѣ показалось, что братчикъ умышленно трунить надо мною. Улучивъ минутку, я обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ одной изъ патронессъ.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтила она.—Особеннаго нашъ председатель не сдѣлалъ ровно ничего. Занималъ только председательское, почетное мѣсто... А вы отъ какой газеты?

Я назвалъ.

— Въ такомъ случаѣ напишите о немъ что-нибудь этакое... ну, хорошее, что ли... Извините, мнѣ нужно по дѣлу...

Чествованіе началось. Патронессы и военные, вывихнувъ старичка-председателя впередъ и поставивъ его передъ собою, громко и внятно прочли ему адресъ, въ которомъ въ общихъ и туманныхъ выраженіяхъ было сказано, что онъ, председатель, сдѣлалъ для покидаемаго имъ братства такъ много хорошаго и добраго, что всѣ братчики оплакиваютъ его уходъ самыми горькими слезами.

Чествуемый генералъ прослезился. Впередъ выступилъ хоръ пріютскихъ дѣтей и, подъ руководствомъ учителя пѣнія, испол-

нить старинную кантату: «Тебя мы любимъ сердечно; будь нашимъ начальникомъ вѣчно...»

Виновникъ торжества опять прослезился.

Все было прекрасно; но нужно было только всмотрѣться въ лица, чтобы понять и оцѣнить это трогательное: «любимъ сердечно». Учитель пѣнія, дирижируя хоромъ малолѣтнихъ сиротъ, нервно жестикулировалъ, краснѣлъ и блѣднѣлъ изъ боязни, какъ бы хоръ его печально не совралъ, и со страхомъ поглядывалъ на начальницу приюта. Если, не дай Богъ, дѣти сфальшивятъ, то ему зададутъ выговоръ, а можетъ быть даже и откажутъ отъ урока. Дѣти поютъ и дрожатъ: они запуганы еще заранее во время спѣвокъ; въ своемъ пѣніи они видятъ одну только тягостную муку и не понимаютъ, что именно и для чего они поютъ и отчего учитель такъ страшно волнуется. Не мало эти призраваемые сироты, горланящія «тебя мы любимъ сердечно», получили всяческихъ внушеній и правоученій, пока заучили музыку и слова этой кантаты. По всему видно, что, одѣвая ихъ на праздничному въ чистыя платица и бѣлыя пелеринки, начальство такъ строго приказывало соблюдать чистоту и не начкаться, что этотъ костюмъ для нихъ—хуже инквизиціонной рубахи.

Начались поздравленія, но всѣ они были искусственныя и должностныя, и самъ виновникъ торжества отвѣчалъ не отъ души, хотя изрѣдка и ронялъ казенныя слезы или же усиленно мигалъ глазами, какъ бы желая вызвать на рѣсницы слезу. Изъ раскрытыхъ дверей съ другой стороны залы робко выглядывали призраваемые старухи-богачки въ туго накрахмаленныхъ бѣлыхъ чепцахъ, которые такъ и говорили сами за себя, что они, т. е. чепцы, какъ только кончится празднество, сейчасъ же, по командѣ, будутъ сняты и отнесены въ кладовую до новаго радостнаго событія; старухи же опять повязкутъ головы старыми грязными платками. У старухъ видъ—тоже испуганный и голодный. Дамы-благотворительницы нарочно одѣлись въ изящныя, но простые и скромныя туалеты, ибо истинная благотворительность болѣе всего гармонируетъ съ простотою костюмовъ.

Ложь и лицемеріе—на каждомъ шагу; ложь во всемъ, начинающая съ адреса и кончая чепцомъ на старухѣ. Повсюду—одна только казовая сторона. Одно только правда—это постныя лица призраваемыхъ и испуганные взгляды дѣтей. Это ужъ—сущая и не прикрашенная правда. Если бы репортеры, описывавшіе это торжество, заглянули (т. е., если бы ихъ пустили) въ этотъ же самый приютъ на другой день и при томъ неожиданно и безъ приглашенія, то они навѣрное увидѣли бы совсѣмъ иную жизнь въ будничной обстановкѣ. Вѣда только въ томъ, что въ будни ихъ не приглашаютъ никуда!

Послѣ привѣтствій, произнесенныхъ старшими, председателю поднесла вышитую скатерть крохотная дѣвчоночка, лѣтъ двухъ съ половиною (нарочно выбирали поменьше, чтобы вышло трогательнѣе) и сдѣлала что-то въ родѣ книксена. Генералъ забралъ въ ладони ея маленькую головку и умиленно поцѣловалъ въ лобъ. Окончивъ свою миссію, ребенокъ стоялъ, какъ вкопанный, не зная, что дѣлать, и не смѣя шевелиться. Надзирательница сейчасъ же отвела его за локоть въ толпу дѣтей и такъ сдержанно, ласково и съ такою улыбкой, что невольно бросалась въ глаза скрытая за этимъ грубость. Не было сомнѣнія, что дѣвочку задолго до торжества учили, какъ поднести, какъ подать скатерть, какъ присѣсть—и въ конецъ измучили репетиціями сначала передъ учительницей, потомъ передъ начальницей, а затѣмъ уже и передъ великосвѣтскими благотворительницами. И видно было, что ребенокъ измученъ и запуганъ. Все время среди присутствующихъ похаживалъ изящный офицеръ и приглашалъ, кого слѣдовало, «послѣ торжества закусить». Получилъ приглашеніе и я, но отказался. Тогда любезный офицеръ сообщилъ мнѣ, что «будетъ еще пѣніе»—попросту: новое вытягиваніе кантатъ изъ измученныхъ дѣтей.

Видѣлъ я на своемъ вѣку много картинъ, когда сытые благотворители пьютъ и ѣдятъ и провозглашаютъ тосты, а голодные благотворимые, искоса и алчно посматривая на ѣду, поютъ вымученныя кантаты. На этотъ разъ предстояло видѣть то же самое; поэтому я, поблагодаривъ радушнаго офицера, подъ предлогомъ спѣшной работы, ушелъ до закуски.

IV.

Повезло мнѣ на благотворительныя празднества. Пришлось побывать въ С—ской богадѣльнѣ на празднествѣ годовщины мѣстнаго благотворительнаго общества. Въ дверяхъ, когда я входилъ, какой-то бородатый господинъ опросилъ меня, кто я такой и отъ какой газеты, и, посмотрѣвъ въ списокъ на клочкѣ бумажки, снисходительно проговорилъ:

— Да, да, отъ этой газеты я приглашалъ. Пожалуйста. Только скажите на всякій случай, какъ васъ зовутъ.

Фамилія моя была немедленно занесена на тотъ же клочокъ, противъ названія газеты. Процедура эта обозначала, что если въ моемъ отчетѣ въ газетѣ проскользнетъ хоть одно неодобрительное слово о торжествѣ или о порядкахъ въ богадѣльнѣ, то меня, раба Божія, въ слѣдующій разъ сюда уже не пустятъ. Съ газетчиками нужно держать ухо востро...

Въ этомъ районѣ жертвователи—мѣстные домовладѣльцы, купцы и фабриканты Выборгской стороны. Они требуютъ, чтобы товаръ

быль показываемъ не какъ-нибудь, а лицомъ. Если они жертвуютъ на масло, такъ лампадки должны горѣть во всю, полнымъ огнемъ; если жертвуютъ матерію призываемымъ дѣтямъ на платица, такъ дѣти должны предстать непременно въ этихъ одѣяніяхъ; если лабазникъ отвалилъ полпуда гречневой крупы, такъ и весь праздничный обѣдъ долженъ состоять: изъ пироговъ съ кашей, изъ похлебки съ крупой и изъ гречневой каши. Начальство благотворительнаго общества знаетъ это и въ торжественные дни поступаетъ сообразно съ этими вкусами. Ко дню годового праздника все чистится, вылизывается и замазывается. Чепцы на старухахъ—туго накрахмаленные, и сироты блещутъ новыми рубашечками и платицами. Въ этотъ день старухъ кормятъ передъ публикой, официально и напоказъ, чтобы благотворители и жертвователи, съ медалями на шеяхъ, видѣли, какъ хорошо, сытно и лакомо эти старухи питаются «отъ щедротъ благотворительскихъ». Столъ накрытъ скатертью и на немъ разставлены приборы. Въ будніе дни этой роскоши не полагается, и богачки ѣдятъ на голомъ столѣ. Но при благотворителяхъ нужна скатерть, нужно благолѣпіе. Безъ этого нельзя. Не брезгаютъ и фарисействомъ. Передъ обѣдомъ, въ присутствіи всего сонма благотворителей, выстроились старухи на молитву и выпихнули впередъ дѣвочку-крошку изъ пріюта. Дѣвочка начала читать «Отче нашъ», безъ передышки крестясь и кланаясь. Старухи, молясь, искося и жадно поглядывали на пироги, разложенные на тарелкахъ, страстно ожидая конца молитвы, чтобы поскорѣе ринуться за столъ. У двухъ-трехъ, отъ расхолоднаго аппетита, заурчало въ животахъ. Но дѣвочка, произнеся «отъ лукаваго», вдругъ ни съ того, ни съ сего махнула «Вѣрую». Вышло неожиданно и некстати и сразу обнаружилась неумѣлая дрессировка, напоминающая дрессировку попугая, говорящаго безъ смысла и безъ пониманія. Старухи остановили младенца съ пинѣмъ, но притворно приласкали и даже похвалили, а затѣмъ грянули за столъ. Именно грянули, а не сѣли. Перспектива обѣда повкуснѣе ежедневнаго, тощаго, и при томъ на истощенный отъ ожиданія желудокъ—превратила ихъ въ голодныхъ звѣрей. Онѣ сажались быстро, съ несвойственной старости прытью и всѣ стремились, тѣся другъ друга и оттапывая другъ другу ноги, къ тѣмъ приборамъ, гдѣ пироги казались крупнѣе. Эта порывистость—характерна.

Дѣвочку-крошку за чрезмѣрное усердіе похвалили и даже представили одному изъ бородатыхъ благотворителей съ медалью, а тотъ, въ свою очередь, показалъ ее господину въ мундирѣ и съ лентой и похвасталъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, какъ у насъ сиротъ воспитываютъ: отъ земли не видать, а къ молитвѣ усердна...

Превосходительство хотѣло что-то отвѣтить, но въ это время въ сосѣдней комнатѣ зычно рывкнулъ голосъ дьякона, тоже начавшаго читать «Отче нашъ» передъ трапезой, уготованной для почетныхъ гостей. Здѣсь уже были не пироги, а кулебяка, семга, зернистая икра и всякая гастрономія.

Дѣвочки-сироты ѣли за особымъ столомъ и робко поглядывали на старухъ; точно ожидали, что которая-нибудь изъ нихъ, по привычкѣ, пошлетъ за нюхательнымъ табакомъ или за чѣмъ-нибудь другимъ и при этомъ снабдитъ на дорогу соотвѣтственной словесностью. Но на этотъ разъ опасенія младенцевъ были излишни: при гостяхъ-благотворителяхъ все должно быть чинно...

V.

Пришлось мнѣ—въ качествѣ репортера—хоронить вице-президента императорской академіи наукъ, извѣстнаго математика, автора знаменитаго въ свое время труда «Теорія вѣроятностей» Виктора Яковлевича Буняковского. Умеръ онъ въ такихъ лѣтахъ, когда уже органы отказались ему служить, а въ самой академіи злословили на тему, что и голова уже перестала быть полезной частью тѣла; осталась только та часть, которая необходима для того, чтобы сидѣть на вице-президентскомъ креслѣ. Острота эта, впрочемъ, стара. Покойный писатель Д. В. Григоровичъ, бывшій членомъ-корреспондентомъ академіи, не очень долголюбивалъ академиковъ за ихъ старость и малую продуктивность въ области науки и не разъ говаривалъ въ обществѣ, что современные академики пришли въ такую ветхость, что способны ѣсть одну только манную кашу.

Незадолго до смерти я встрѣтился съ В. Я. Буняковскимъ на лѣстницѣ въ академіи—не на парадной, а на той, которая ведетъ со двора въ малую конференцъ-залу и въ правленіе. Лѣстница эта—анаѶемская, съ вавилонами, закругленіями и ужасно крутая. Взойти на нее—то же, что подняться на Монбланъ. Восхождение на нее Буняковскій началъ вмѣстѣ со мною. Я поклонился ему и опередилъ его. Не спѣша поднялся я на самый верхъ, въ правленіе, раздѣлся, переговорилъ, съ кѣмъ нужно, о дѣлѣ, ради котораго явился, выкурилъ въ канцеляріи папиросу, не спѣша же одѣлся, простился и двинулся обратно. Велико же было мое удивленіе, когда я, спускаясь, увидѣлъ, что за это время старикъ Буняковскій едва-едва сдѣлалъ только половину лѣстницы: до такой степени ноги отказывались ему повиноваться. Вскорѣ послѣ этого онъ покинулъ этотъ міръ спокойно и безъ страданій, какъ умираютъ глубокіе старики. Хоронили его очень скромно и казенно—гораздо скромнѣе, чѣмъ онъ былъ достоинъ за свои ученые заслуги: впереди несли подушки съ орденами и

официальные вѣнки, за гробомъ шли товарищи-академики, тоже едва волочившіе ноги, въ золотыхъ треуголкахъ и тяжелыхъ, затхлыхъ мундирахъ. Рядомъ съ ними плелись два-три репортера и два-три случайныхъ человѣка—и больше никого. Покойный такъ основательно пережилъ своихъ родныхъ, сверстниковъ, друзей и знакомыхъ, что ихъ не осталось никого, чтобы проводить его до могилы. Великій князь—президентъ академіи—прибылъ въ церковь академіи художествъ на отпѣваніе и затѣмъ прошелъ вмѣстѣ съ печальной процессіей только до ближайшаго угла, а затѣмъ сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ. Многие академики тоже вернулись по домамъ съ половины дороги. До кладбища добрались только три академика: А. А. Штраухъ, Л. Н. Майковъ и Я. К. Гротъ, занявшій послѣ покойнаго его вице-президентское кресло. Прочіе же академики не были вовсе на похоронахъ, либо по слабости здоровья, либо—какъ кто-то сострилъ на кладбищѣ—изъ опасенія, чтобы могильные кресты и памятники не напомнили о близкой смерти каждаго изъ нихъ. На могилѣ рѣчей не было: некому было говорить, а главное, некому было слушать.

Кстати—о человѣкѣ и о профессіи. Профессія налагаетъ неизгладимый отпечатокъ. Я знаю репортера одной мелкой газеты, малаго замѣчательно добраго и неспособнаго обидѣть мухи. Но онъ всегда радуется крупнымъ убійствамъ и большимъ пожарамъ, потому что объ этихъ событіяхъ можно написать строкъ 200—300. Другой репортеръ, имени котораго я не назову, глядя во время этихъ похоронъ на академиковъ, покачалъ головою и любовно проговорилъ про себя:

— Эхъ, голубчики, господа академики! Вы и не подозреваете, что у меня уже давно заготовлены и написаны ваши некрологи... Смѣло можете умирать, хоть сейчасъ, а я заработаю...

Послѣ В. Я. Буняковского академія наукъ избрала своимъ вице-президентомъ академика Якова Карловича Грота, знаменитаго своимъ словаремъ русскаго языка, въ которомъ слово «ветчина» пишется, на основаніи какихъ-то высшихъ ученыхъ соображеній,—«видчина». Этотъ же словарь произвелъ и расколъ въ грамотной Россіи по части буквъ «ѣ» и «е» въ словахъ: «лекаръ и лечить»... Якову же Карловичу принадлежитъ и инициатива, въ силу которой академія стала дѣлать изъ отчетовъ о своей дѣятельности большой секретъ для публики. Академія ежегодно производитъ присужденія премій—пушкинскихъ, уваровскихъ, Бера, митрополита Макарія и другихъ. Отчеты объ этихъ присужденіяхъ читаются въ публичныхъ засѣданіяхъ въ малой конференцъ-залѣ. Засѣданія эти только называются публичными, потому что публика ихъ не посѣщаетъ и конференцъ-зала напоминаетъ собою пустыню аравійскую. По окончаніи чтенія присутствующимъ раздается на память и печатный отчетъ о присужденіи. Репортерамъ

и вообще представителямъ печати брошюрки эти обыкновенно раздавались экзекуторомъ тотчасъ же, какъ только академики входили въ залу и занимали свои мѣста. Репортеры прятали отчеты въ карманы и, не теряя времени, расходились по редакціямъ писать по нимъ свои газетные отчеты. Публикѣ брошюрки раздавались тоже передъ началомъ торжественнаго чтенія.

Но случился грѣхъ и, съ академической точки зрѣнія, даже ужаснѣйшій грѣхъ. Одинъ изъ членовъ цензурнаго комитета, имѣя у себя подобную брошюрку, еще наканунѣ публичнаго засѣданія выписалъ изъ нея, кому и за какія сочиненія присуждены будутъ завтра преміи и отослалъ эту выписку въ «Новое Время». Академики пришли въ ужасъ. Публичнаго засѣданія еще не было, а уже весь Петербургъ знаетъ изъ газеты то, что еще должно быть торжественно объявлено съ каедръ! Я. К. Гротъ, какъ вице-президентъ, при столь ужасномъ инцидентѣ не нашелъ ничего лучше, какъ воспретить раздавать брошюры газетнымъ сотрудникамъ ранѣе конца засѣданія. Сначала-де высиди все скучное засѣданіе и теряй понапрасну дорогое время, а потомъ уже и получай. Какъ его ни убѣждали представители печати, что въ преждевременномъ опубликованіи секрета виноваты не они, а цензура,—онъ все-таки упрямо стоялъ на своемъ и его распоряженіе надолго пріобрѣло въ стѣнахъ академіи силу закона—фактъ, показывающій, что подчасъ и академики проявляютъ похвальную сообразительность.

Съ Я. К. Гротомъ мнѣ приходилось неоднократно встрѣчаться и разговаривать. Человѣкъ онъ былъ, несомнѣнно, умный и, можетъ быть, даже и интересный. Но онъ весь ушелъ въ науку и въ свой словарь, и среди своихъ капитальныхъ и цѣнныхъ трудовъ весь высохъ и сталъ человѣкомъ не отъ міра сего. Онъ производилъ впечатлѣніе ученаго, которому доступны тончайшіе изгибы науки, но который не видитъ и не знаетъ того, что происходитъ на Божьемъ свѣтѣ, внѣ его ученой сферы. Говорили—только не знаю, справедливо ли это,—будто во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ руководила имъ супруга его, Наталья Петровна Гротъ, сестра сенатора П. П. Семенова. Случилось мнѣ побывать и въ квартирѣ Якова Карловича. Кабинетъ его помѣщался на самомъ верху его квартиры, и въ него вела прямо изъ передней очень крутая и неудобная лѣстница. Изъ кабинета внизъ шла жестяная говорная труба. Вся комната была уставлена шкапами и полками, которые ломились отъ обилія книгъ и бумагъ. Для письменнаго стола едва оставалось въ комнатѣ скромное мѣсто. Тутъ-то, среди этой обстановки и въ полномъ уединеніи онъ и предавался своимъ научнымъ работамъ.

Я. К. Гротъ умеръ внезапно и уже довольно глубокимъ старцемъ. Передъ обѣдомъ онъ имѣлъ обыкновеніе, гигиены ради, совершать небольшую прогулку. Послѣ одной такой прогулки онъ

пришелъ домой, прилегъ и скончался—старчески тихо, безболѣзненно и спокойно. Панихиды по немъ были многолюдны, но похороны—такъ же академически-казенны, какъ и похороны В. Я. Буняковского.

VI.

Нѣсколько словъ о современныхъ мнѣ репортерахъ. Съ ними мнѣ приходилось въ большинствѣ случаевъ работать вмѣстѣ, т. е. встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ: на различныхъ засѣданіяхъ, торжествахъ, пожарахъ и т. д. Всѣ они, за очень немногими исключеніями, народъ весьма добрый и милый и представляютъ собою скромныхъ тружениковъ, существованіе и хлѣбъ которыхъ оплачиваются газетною строкою и зависятъ отъ случайностей.

Когда я въ 1886 году занялся репортажемъ, каждая газета имѣла свой собственный кружокъ репортеровъ. Выдающимися среди репортеровъ были: очень почтенный и хорошо извѣстный не только въ Петербургѣ, но и за границей придворный корреспондентъ «Новаго Времени» В. А. Прокофьевъ, дѣловой и ловкій А. М. Лесманъ, работавшій въ «Новостяхъ». Въ этой же редакціи работалъ и милѣйшій И. Е. Кастальскій. Въ «Петербургскомъ Листкѣ» выдѣлялись своей дѣловитостью И. К. Маркузе и И. С. Соколовъ и въ «Петербургской Газетѣ»—А. К. Шайкинъ, М. Н. Сахаровъ и К. В. Хряпинъ. Въ «Петербургскомъ Листкѣ» работалъ и злополучный Коссовскій, закончившій свое бречное существованіе въ сумасшедшемъ домѣ. Были также и репортеры, не принадлежавшіе ни къ какой отдѣльной редакціи и дававшіе свѣдѣнія и замѣтки во всѣ газеты. Къ числу ихъ принадлежалъ милѣйшій и симпатичный Н. И. Котовъ.

Дѣло было поставлено у нихъ такъ, что они не только дѣйствовали врозь, но даже старались всячески мѣшать другъ другу. Петербургскія газеты — большія и малыя — жестоко враждовали между собою и это естественнымъ образомъ отражалось и на сотрудникахъ. «Новое Время» воевало съ «Новостями», а «Петербургская Газета»—съ «Петербургскимъ Листкомъ». Главари дрались передовицами, а репортеры старались обмануть другъ друга на происшествіяхъ. Если кто-либо изъ нихъ зналъ какую-либо новость, то старался повести дѣло такъ, чтобы эта новость попала въ одну только его газету. Пронюхать что-либо и утаить отъ товарищей по ремеслу считалось дѣломъ обычнымъ, а надуть и навести на ложный слѣдъ вовсе не считалось грѣхомъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличался Н. Н. Животовъ. Это былъ господинъ, въ которомъ въ одинаковой мѣрѣ уживались и хорошія и дурныя стороны. Въ общемъ онъ былъ малый недурной, а въ частностяхъ—не всегда безукоризненный. Прошлое его

мнѣ неизвѣстно и короткаго знакомства у меня съ нимъ не было. Я засталъ его уже прочно установившимся репортеромъ. Работалъ онъ главнымъ образомъ въ «Новостяхъ», но не брезгалъ въ то же время и другими газетами. Впослѣдствіи онъ окончательно перешелъ въ мелкую прессу, гдѣ обнаружилъ самую разностороннюю дѣятельность, былъ и репортеромъ, и романистомъ—писалъ сердцецпиательные уголовные романы съ тѣмъ обиліемъ любви и страшныхъ приключеній, отъ котораго у довѣрчиваго читателя волосы на головѣ становятся дыбомъ. Съ однимъ изъ романовъ, который онъ печаталъ въ маленькой газетѣ, произошелъ казусъ. Авторъ писалъ его въ видѣ фельетоновъ и гонораръ получалъ за каждый фельетонъ. Условился онъ съ издателемъ вмѣстѣ весь романъ въ опредѣленное число фельетоновъ, но затянулъ и повелъ завязку такъ, что издатель не предвидѣлъ и конца фельетонамъ. А на мѣсто Животова редакціей были уже припасены другой романистъ. Издатель поставилъ Животову ультиматумъ.

— Заканчивайте, Н. Н., вашъ романъ. Даю вамъ еще одинъ—и послѣдній—фельетонъ, а затѣмъ совсѣмъ прекращу печатать васъ.

Животовъ, прижатый къ стѣнѣ, волей-неволей долженъ былъ подчиниться. Но какъ выйти изъ затруднительнаго положенія и какъ закончить романъ въ одномъ фельетонѣ? Авторъ нашелся и вышелъ изъ затрудненія съ честью: онъ посадилъ всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ на пароходъ, отошедшій въ Кронштадтъ, и по дорогѣ утопилъ ихъ всѣхъ, вмѣстѣ съ пароходомъ.

Мастеръ онъ былъ на всѣ руки. До репортерства, говорятъ, занимался тѣмъ, что скупалъ платину на Уралѣ и перепродавалъ ее; числился кѣмъ-то въ Человѣколюбивомъ Обществѣ и носилъ поэтому вицъ-мундиръ какого-то неопредѣленнаго вѣдомства; состоялъ членомъ Общества покровительства животнымъ и даже редактировалъ журналъ этого общества. Редактировалъ онъ его удивительно просто: перепечатывалъ изъ газетъ скачки и бѣга и на томъ и заканчивалъ. Обществу онъ былъ полезенъ тѣмъ, что на усиленіе его средствъ устраивалъ подъ его флагомъ лоттерей-аллегри. Но на одной изъ такихъ лоттерей въ Нижнемъ-Новгородѣ прорвался и былъ высланъ, по распоряженію губернатора Н. М. Баранова, изъ Нижняго въ 24 часа. Ярмарочная полиція обнаружила, что онъ будто бы не положилъ въ лоттерейное колесо самыхъ главныхъ и дорогихъ выигрышей. Вышелъ скандалъ. Въ Петербургѣ правленіе Общества покровительства животнымъ, разрѣшившее устройство этой лоттереи, всполошилось, и Н. Н. Животову пришлось давать публичный отчетъ общему собранію. Собраніе происходило въ залѣ городской думы. Къ отвѣту Н. Н. явился въ вицъ-мундирѣ и на каедрѣ взошелъ съ видомъ чело-

вѣка, глубоко оскорбленнаго взводимой на него клеветою и незаслуженнымъ недовѣріемъ общества. Отчетъ онъ сталъ читать по тетрадкѣ, но изъ этого чтенія никто ровно ничего не понималъ. Выходило только одно, что онъ, Н. Н. Животовъ, хлопоталъ только въ интересахъ Общества, а его за это оскорбили подозрѣніемъ. А если такъ, то онъ лучше предпочтетъ питаться той овсянкой, которой Общество кормитъ бродячихъ собакъ въ своемъ пріютѣ, но членомъ общества ни за что дольше не останется, какъ бы усиленно его объ этомъ ни просили. Произнеся эту громкую фразу, онъ съ паѳосомъ захлопнулъ тетрадку и вышелъ изъ залы при гробовомъ, но краснорѣчивомъ молчаніи всего общаго собранія.

Со мною онъ также продѣлалъ каверзу. Праздновался пятидесятилѣтній юбилей Сергія Васильевича Максимова. Состоялся многочисленный парадный обѣдъ въ ресторанѣ Понсе. Говорились рѣчи—самыя задушевныя, остроумныя и милыя, читались стихотворенія и цѣлая куча привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Весь этотъ бумажный матеріалъ складывался въ руки артиста Ивана Ѳедоровича Горбунова. Мы, репортеры, присутствовавшіе на обѣдѣ,—въ томъ числѣ и Животовъ—условились взять весь этотъ матеріалъ, необходимый при описаніи юбилея, поѣхать всѣмъ содомомъ ко мнѣ на квартиру и у меня въ кабинетѣ снять коніи—что кому нужно. Уѣхали мы изъ ресторана ранѣе, чѣмъ кончилось пиршество, чтобы не задерживать своими отчетами типографій. Нужно замѣтить, что юбилей прошелъ съ рѣдкимъ единодушіемъ. На этомъ праздникѣ хѣтъ на одинъ только вечеръ слились всѣ газетныя партіи. Вражды и полемики точно не существовало, а потому и репортерамъ утаивать другъ отъ друга было нечего: можно было воспользоваться матеріаломъ и совместно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень обиленъ и богатъ. И. Ѳ. Горбуновъ передалъ всю пачку бумагъ мнѣ и возложилъ на меня отвѣтственность за ея цѣлость. Пріѣхали ко мнѣ. Разобрались на моемъ письменномъ столѣ. Стали списывать. Вдругъ оказывается недочетъ: не хватаетъ одного стихотворенія, и именно — самаго изящнаго и остроумнаго, которое предполагалось напечатать въ газетахъ цѣлкомъ. Бросились мы искать и на столѣ, и подъ столомъ. Нѣтъ нигдѣ. Рѣшили ѣхать обратно въ ресторанъ къ Понсе и спросить И. Ѳ. Горбунова, не завалились ли стихи гдѣ-нибудь у него въ карманѣ, благо онъ пилъ, какъ подобаетъ пить на юбилей. Хотя товарищи и увѣряли всѣ въ одинъ голосъ, что стихотвореніе я привезъ и что они видѣли его уже у меня на столѣ, и хотя и самому мнѣ помнилось, что я держалъ его въ рукахъ уже у себя дома, тѣмъ не менѣе для очистки совѣсти поѣхалъ въ ресторанъ я и со мною—Животовъ. Прочіе товарищи остались ждать у меня въ кабинетѣ. И. Ѳ. Горбуновъ обшарилъ всѣ свои карманы, но — безуспѣшно. Съ тѣмъ мы и вернулись и

стали снова искать у меня на столѣ, подъ столомъ, на креслахъ и подъ креслами. Перетрясли даже всю подстольную корзину. Животовъ обнаруживалъ самое дѣятельное участіе въ поискахъ и больше всѣхъ волновался и сожалѣлъ о пропажѣ и о томъ, что въ газетѣ, гдѣ онъ работалъ, не будетъ этихъ стиховъ. На томъ и успокоились: пропало—такъ пропало; можетъ быть, завтра найдется. На утро открываю газеты и первое, что попадаетъ мнѣ на глаза въ описаніи юбилея, это злополучное, исчезнувшее стихотвореніе. Воспроизведено оно было въ одной только газетѣ и именно въ той, гдѣ юбилей былъ писанъ Животовымъ. Остальное понятно само собою.

Въ другой разъ приходитъ онъ ко мнѣ съ просьбою. Изъ «Новостей» его уже изгнали и онъ пристроился въ газетѣ «День», гдѣ его еще не знали и поручили ему вести хронику. Просьба заключалась въ томъ, чтобы я написалъ за него въ «День» торжественное засѣданіе академіи наукъ — вещь очень длинную и требующую утомительнаго и долгаго писанія. Былъ уже поздній вечеръ, и я страшно усталъ, продѣлавъ только что эту же самую работу для своей газеты. Отказать товарищу у меня не хватило духа, тѣмъ болѣе, что онъ самымъ жалостнымъ тономъ увѣрялъ, что если въ «Днѣ» не появится отчета объ этомъ торжествѣ, то онъ можетъ лишиться своего теперешняго мѣста въ редакціи. Наговорилъ онъ при этомъ три короба теплыхъ словъ о порядочности и товарищескихъ отношеніяхъ и ушелъ, взявши съ меня слово, что въ назначенный день я непременно явлюсь въ контору газеты получить за работу гонораръ. Просидѣлъ я за этой работой часа полтора, отнесъ статью въ типографію «Дня» и вернулся домой совсѣмъ разбитый. Отчетъ былъ напечатанъ, но когда я въ условленный день явился за деньгами, то мнѣ отвѣтили:

— Животовъ отмѣтилъ засѣданіе въ академіи на себя и деньги за эту статью уже получилъ.

Послѣ этого Животовъ встрѣчался со мною, какъ ни въ чемъ не бывало. Товарищей онъ надувалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Одинъ разъ мелкій и робкій сотрудникъ, только что начинавшій писать въ «Петербургской Газетѣ», попросилъ его подѣлиться подробностями о какомъ-то событіи. Животовъ охотно исполнилъ его просьбу, но при этомъ умышленно навралъ такой чепухи, которой никогда и не бывало, и даже въ числѣ присутствовавшихъ высокопоставленныхъ лицъ продиктовалъ двухъ покойниковъ. По счастью, обманутый товарищъ спросилъ о томъ же еще кого-то изъ репортеровъ и на этотъ разъ получилъ свѣдѣнія уже правильныя и достовѣрныя. Не случись этого, онъ такъ и напечаталъ бы въ своей газетѣ завѣдомую ложь и, конечно, былъ бы изгнанъ изъ редакціи. Онъ же одному, тоже начинаю-

щему репортеру изъ евреевъ, описывавшему похороны генерала, продиктовалъ, что гробъ съ останками покойнаго былъ покрытъ епитимьею. И такія вещи онъ продѣлывалъ не одинъ разъ.

Сдѣлалъ онъ мнѣ еще какую-то пакость, и я сталъ избѣгать встрѣчъ съ нимъ. На улицѣ я дѣлалъ видъ, будто бы не замѣчаю его. Оказалось потомъ, что и другіе репортеры—не всѣ, впрочемъ,—перестали ему кланяться и подавать руку. Но для Живонова это не значило ровно ничего. Понадобились ему какія-то свѣдѣнія, которыя онъ прозѣвалъ, и онъ безъ церемоніи зашелъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто бы ничего предшествовавшего и не бывало.

Мало-по-малу онъ, начавъ въ большихъ газетахъ, сталъ опускаться и послѣдніе годы своей жизни работалъ только въ мелкой прессѣ: въ большой онъ уже потерялъ кредитъ. Какъ репортеръ, онъ былъ готовъ итти на все. Понадобилось одной газетѣ описать житье-бытье столичнаго извозчика—и онъ, не задумываясь ни минуты, вошелъ въ сношеніе съ содержателемъ одного изъ извозничьихъ дворовъ, одѣлся въ армякъ, сѣлъ на козлы и двѣ недѣли проѣздилъ по Питеру извозчикомъ. При этомъ онъ умышленно наѣзжалъ на городскихъ и ругался у подѣздовъ съ швейцарами для того, чтобы попасть въ участокъ и въ яркихъ краскахъ описать злключенія ваньки. Подобныхъ подвиговъ числилось за нимъ не мало. Съ такими способностями онъ могъ бы прекрасно пристроиться при какой-нибудь редакціи и имѣть постоянный и обезпеченный кусокъ хлѣба. Но судьба его преслѣдовала: ему не удавалось нигдѣ ужиться. Умеръ онъ въ одной изъ городскихъ больницъ отъ порока сердца.

Изъ другихъ современныхъ мнѣ репортеровъ интересенъ былъ Николай Ивановичъ Волокитинъ—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Засталъ я его беззубымъ старикомъ, со впалымъ ртомъ и постоянно плохо выбритымъ подбородкомъ. Отъ него всегда пахло пивомъ. Говорили про него, будто бы онъ утро начиналъ, вмѣсто чая, пивомъ. Почеркъ у него, какъ у большинства старыхъ и слабыхъ людей, былъ угловатый и неразборчивый. Руки отъ старости и отъ хроническаго употребленія нива у него тряслись, и товарищи по профессіи иногда острили надъ нимъ, рассказывая, будто бы правая рука его, вмѣстѣ съ карандашомъ, соскакивала съ бумаги подъ столъ и тамъ по инерціи чертила по воздуху до тѣхъ поръ, пока онъ не улавливалъ ея лѣвою и не водворялъ снова на бумагу. Бывало это будто бы съ похмелья. Но къ чести Н. И. нужно сказать, что онъ, хотя и пилъ, но никогда не напивался до неприличія. Я встрѣчался съ нимъ много разъ, но пьянымъ не видалъ его никогда. Работалъ онъ больше сиднемъ, т. е. самъ лично посѣщалъ засѣданія двухъ или трехъ ученыхъ обществъ, а прочія свѣдѣнія доставляли ему рыскавшіе

по городу подручные, которыхъ у него было нѣсколько человѣкъ. Получая самъ по пятакъ за печатную строчку, онъ уплачивалъ имъ отъ себя по три и даже по двѣ копейки. Жилъ онъ на Петербургской сторонѣ, но каждое утро аккуратно являлся въ Аничковскій трактиръ у Аничкова моста, гдѣ была его постоянная резиденція, требовалъ себѣ пива и сидѣлъ за столомъ до вечера. Сюда сходились къ нему его подручные молодцы—народъ по большей части не особенно грамотный и выпивающій, но способный узнать, какой архіерей или какой протоіерей служилъ на такомъ-то церковномъ торжествѣ и какіе пѣли пѣвчіе. Они приносили ему со всѣхъ концовъ Петербурга свѣдѣнія, а онъ кроилъ изъ нихъ газетныя замѣтки и разсылалъ по редакціямъ разныхъ газетъ подъ своею фирмою. У него для этой цѣли существовалъ даже и именной каучуковый штампель, который онъ прикладывалъ къ каждому листку. Писалъ онъ черезъ синюю переводную бумагу по нѣскольку оттисковъ сразу и всюду отправлялъ одинъ и тотъ же текстъ безъ варіацій. Газеты за старые годы онъ сохранялъ тщательно и пользовался ими: во время лѣтняго затишья онъ перелистывалъ старые номера, выдергивалъ изъ нихъ все то, что раньше «предполагалось» и «проектировалось», и придавалъ этому значеніе уже совершающагося и даже совершившагося факта, но всякій разъ осторожно оговаривался фразою: «мы слышали», «намъ сообщаютъ» и т. п. Если, напримѣръ, какое-нибудь ученое общество въ прошломъ году предполагало учредить комиссію для рѣшенія какого-нибудь вопроса, то въ нынѣшнемъ году Волокитинъ сообщалъ, что такая-то комиссія «организуется», и при этомъ нисколько не заботился о томъ, существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ, или же ея вовсе никогда и не бывало. Писалъ онъ безграмотно и черезчуръ длинно. Сокращать его писанія приходилось въ редакціяхъ иногда болѣе, чѣмъ на половину. Не одинъ разъ, когда онъ являлся въ нашу редакцію, нашъ редакторъ Христомъ-Богомъ умолялъ его писать покороче. Но Волокитинъ каждый разъ отвѣчалъ все одно и то же:

— Сколько бы я ни написалъ,—вы все равно сократите и выбросите половину. Поэтому я нарочно стараюсь писать подлиннѣе, чтобы побольше строкъ осталось послѣ того, какъ вы пройдете карандашомъ по замѣткѣ.

Съ этимъ почтеннымъ репортеромъ однажды случился грѣхъ. Отправляясь однажды вечеромъ на засѣданіе какого-то ученаго общества, онъ выпилъ пива немножко болѣе, чѣмъ слѣдовало. Докладъ затянулся и вышелъ такъ интересенъ, что оставить залу хотя на минуту было невозможно изъ опасенія прозвѣвать что-нибудь важное для газеты. Между тѣмъ пиво сдѣлало свое дѣло и явилась неотложная необходимость выйти, и эта потребность съ каждою минутою становилась все настойчивѣе. Старикъ однакоже

не выпелъ. Зато на другой день сторожа, убирая залу, были не въ духѣ...

Н. П. когда-то окончилъ университетъ со степенью кандидата. Но теперь, глядя на него, этому даже и повѣрить нельзя. Жилъ онъ исключительно одною лишь грошевою газетною работою. Лѣтомъ, когда Петербургъ разѣзжается по дачамъ и репортерамъ дѣлать почти нечего, онъ ходилъ въ камеры мировыхъ судей и вылавливалъ тамъ для газетъ курьезныя дѣла и разбирательства. Умеръ онъ отъ старости. Не будь пива—прожилъ бы дольше. Похоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ. Отъ сотрудниковъ газетъ былъ возложенъ вѣнокъ. Въ одной изъ прилегающихъ къ кладбищу кухмистерскихъ была тризна, но большинство товарищей, въ томъ числѣ и я, отъ нея отказались. День похоронъ былъ зимній, пасмурный, безъ солнца. Кто-то сказалъ на кладбищѣ, что такую же безпросвѣтною и пасмурною была и вся жизнь покойнаго.

Ко всему сказанному о жизни репортерской богемы слѣдуетъ прибавить, что большинство ея представителей — люди семейные, но уже по самому складу жизни они мало живутъ дома и проводятъ почти все свое время въ бѣготнѣ и разѣздахъ по городу, въ редакціяхъ, въ трактирахъ и портерныхъ. Если понадобится репортеръ мелкой прессы, не нужно спрашивать адресъ, а нужно только спросить, въ какомъ «капернаумѣ» онъ засѣдаетъ. Но за пребываніе въ трактирахъ осуждать репортеровъ нельзя: другого мѣста для собраній и для обмѣна свѣдѣніями выбрать нельзя. Посѣщать трактиръ вовсе не значитъ—пить. Я знаю репортеровъ, ровно ничего не пьющихъ, но постоянно засѣдающихъ въ «капернаумахъ».

Приведу примѣръ того, какъ фабрикуются иногда мелкими сотрудниками газетныя извѣстія. Одного изъ знакомыхъ мнѣ репортеровъ, семейнаго человѣка, временно изгнали изъ газеты. Произошло это по слѣдующему поводу. Было въ какомъ-то высшемъ учебномъ заведеніи какое-то торжество. Доставить въ газету свѣдѣнія объ этомъ событіи поручено было редакціей этому самому репортеру. По дорогѣ въ учебное заведеніе бѣдняга застрѣлъ въ портерной—и опоздалъ: явился на торжество, когда оно уже кончилось. Безъ извѣстія однакоже вернуться въ редакцію было невозможно. Въ трактиръ у пріятелей узнать тоже не удалось ничего. Тогда онъ ноступилъ такъ. Сообразивъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ торжества носятъ обыкновенно одинъ и тотъ же officialный и казенный характеръ, онъ, ничтоже сумняшеся, сѣлъ къ столу и описалъ торжество такъ, какъ будто бы самъ на немъ присутствовалъ и все видѣлъ собственными глазами. Въ его отчетѣ духовенство отслужило молебенъ, начальникъ учрежденія произнесъ рѣчь и т. д. Все это было напечатано. Но на другой день по выходѣ газеты редакція получила письмо отъ этого са-

мага начальника, гласящее, что никакого молебна не было, что начальникъ рѣчи не произносилъ, и прочее. Репортеръ, конечно, получилъ отъ редактора здоровую головомопку и счелъ за нужное обидѣться—не на себя однакоже, а на начальника учебнаго заведенія. Рѣшилъ онъ ему отомстить—и отомстилъ. Дня черезъ три онъ напечаталъ въ той же мелкой газетѣ сенсационное, но выдуманное изъ головы извѣстіе, будто бы начальникъ такого-то высшаго учебнаго заведенія переводится на болѣе высокій постъ, а на его мѣсто назначается «болѣе опытный администраторъ». Результатъ для изобрѣтательнаго репортера получился однакоже довольно плачевный. Начальникъ заведенія прислалъ въ редакцію новое и, на этотъ разъ, уже сердитое письмо. Его, вѣроятно, задѣлъ за живое намекъ насчетъ того, что помимо него существуютъ болѣе опытные администраторы. Находчиваго репортера изгнали изъ редакціи, но мѣсяца черезъ полтора приняли снова.

Однако пѣсня о репортерахъ вышла у меня довольно длинной, хотя и далеко еще не исчерпанной. Придется разговоръ о нихъ отложить до другого раза, а теперь надо подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ записать скорѣе знаменательное событіе, которому газеты посвятили цѣлые столбцы хвалебнаго оиміама. Событіе это—юбилей о. Іоанна Кронштадтскаго.

VII.

Вѣроятно, я долго буду помнить день 12 декабря 1890 г. Много мнѣ въ этотъ день пришлось видѣть и слышать, многое наблюдать и даже кое-чему удивиться. Наканунѣ, около часовъ двѣнадцати ночи собрались мы въ редакціи и болтали о текущихъ событіяхъ. Неожиданно кто-то вспомнилъ, что завтра въ Кронштадтѣ празднуется 35-лѣтній юбилей о. Іоанна Сергіева. Всполошились. Заговорили о томъ, что такого событія пропустить нельзя, и рѣшили командировать меня, снабдивъ при этомъ деньгами на путевые расходы. Командировка эта не очень порадовала меня: приходилось, поздно улегшись въ постель, вставать до зори, чтобы попасть на Балтійскій вокзалъ къ раннему поѣзду, отходящему въ Ореніенбаумъ еще до наступленія утра. А въ эту пору въ Петербургѣ свѣтаетъ поздно. Ночь провелъ я, какъ и всѣ нервныя люди, безпокойно, изъ боязни, какъ бы не проспать, но на утро былъ уже на вокзалѣ. Было еще очень темно, а вокзалъ почему-то былъ освѣщенъ довольно скудно. Нужно было сѣсть на такой поѣздъ, чтобы успѣть совершить путь до Ореніенбаума, оттуда—по льду въ Кронштадтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть къ обѣднѣ, чтобы попасть хоть на конецъ духовнаго торжества въ церкви, которое тоже входило въ программу моего будущаго описанія. Несмотря на очень ранній часъ, въ пассажирской залѣ собралось

уже очень много поклонниковъ о. Іоанна, спѣшившихъ на его юбилей. Многіе были съ адресами и подарками. Былъ тутъ же и извѣстный всему Петербургу секретарь славянскаго благотворительнаго общества Василій Ивановичъ Аристовъ—одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Былъ и докторъ Николай Николаевичъ Дворяшинъ, дважды сидѣвшій въ домѣ сумасшедшихъ, но тѣмъ не менѣе ухитрившійся основать въ Петербургѣ домъ трудолюбія и отвоевать у Александрo-Невской лавры одинъ изъ магазиновъ на берегу Невы подъ ночлежный домъ. Мы втроемъ засѣли въ вагонъ въ одно купе и ѣхать намъ было не скучно. Пока мы были въ дорогѣ, начало свѣтать, и я чуть ли не впервые въ жизни увидѣлъ восходъ зимняго солнца не изъ-за петербургскихъ крышъ, а прямо въ полѣ. Сначала востокъ покрылся густою малиновой краской, а потомъ мало-по-малу освѣтился красными и розовыми лучами. Картина была великолѣпная: и снѣгъ, и деревья, и далекія избы—все стало розовымъ. Я невольно залюбовался этимъ восходомъ, а В. И. Аристовъ, тоже глядѣвшій въ окно, слегка толкнулъ меня и проговорилъ:

— Напиши-ка у себя въ газетѣ, что природа крадетъ красочные тона у художника Клевера...

Дѣйствительно, это была одна изъ клеверовскихъ картинъ, но живая и грандіозная. Изъ Ораніенбаума дорога по льду, при слабомъ морозцѣ, была тоже недурна. Саней тянулся очень длинный рядъ. Я съ Аристовымъ ѣхалъ на одномъ извозчикѣ. Но дорогою мы оба больше молчали. Прибыли мы во время—какъ разъ къ обѣднѣ, но передъ этимъ побывали въ думѣ, гдѣ изъ рукъ самого городского головы получили по два билета—красенькій для входа въ церковь Успенія Божіей Матери и синенькій для «участія въ обѣдѣ въ день 35-лѣтняго юбилея о. протоіерея Іоанна Ильича Сергіева 12 декабря 1890 г.». Устроители обѣда, вѣроятно, предвидѣли, или, вѣрнѣе, сознавали, что почитателей юбиляра надо фильтровать и потому на билетѣ прибавили фразу: «Билетъ просятъ не передавать другому лицу и предъявлять при входѣ».

Все въ этотъ день въ Кронштадтѣ было проникнуто о. Іоанномъ. Чувствовалось это на каждомъ шагѣ. О. Іоаннъ—личность популярная и творить чудеса. На него смотрятъ одни, какъ на пророка, цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ и какъ на святого человѣка; другіе—скептики—какъ на человѣка, одареннаго магнетическою силою и способностью оказывать гипнотическое вліяніе даже на разстояніи. Говорятъ также, что будь онъ міряниномъ—врачомъ, офицеромъ, чиновникомъ или вообще человѣкомъ свѣтскимъ—его цѣлебная сила была бы одна и та же. Но такъ какъ онъ ходитъ въ рясахъ и священствуешь, то его силу и вліяніе приписываютъ святости. Третьи же утверждаютъ, что никакой особенной силы въ немъ нѣтъ и что ему просто «повезло»,

какъ повезло когда-то московскому прорицателю и юродивому Ивану Яковлевичу Корейшѣ. Какъ бы тамъ ни было, но объ его чудесахъ ходитъ много и устныхъ, и печатныхъ рассказовъ. Уличные продавцы газетъ и брошюръ постоянно выкрикиваютъ на Невскомъ либо: «Новое чудо о. Іоанна Кронштадскаго за пять копеекъ», либо «Новая молитва о. Іоанна, цѣна три копейки». Выкрикивали одно время даже курьезное названіе брошюры: «Преступное воровство, открытое по молитвѣ о. Іоанна Сергіева». Въ рукахъ у меня этой книжки не было, но фразу эту я слышалъ на Невскомъ самъ. Портреты его, фотографическіе, фототипическіе и литографированные, до грубой мазни включительно, продаются вездѣ и всюду. Мелкая пресса извѣстнаго пошиба печатаетъ ему чуть не каждый день хвалебные гимны.

О. Іоаннъ посѣщаетъ приглашающихъ его здоровыхъ и болящихъ, пріѣзжаетъ въ каретѣ и служить молебны. За это онъ ничего не беретъ, или же беретъ только то, что даютъ, но деньги эти куда-нибудь жертвуетъ, или на глазахъ у всѣхъ отдаетъ какому-нибудь калѣкѣ или оборванцу. Въ виду этого его считаютъ божсребренникомъ. Но за него берутъ другіе. Разъѣзжаетъ онъ въ каретѣ въ сопровожденіи двухъ чередующихся кронштадтскихъ дамъ. Дамы эти—и одну изъ нихъ я знаю лично—объявили, что отдаютъ свои силы и время на безкорыстное служеніе «благодати» и что, посвятивъ себя на служеніе о. Іоанну, онѣ служатъ Богу. Между тѣмъ, если обывателю нужно пригласить къ себѣ на молебенъ святого мужа, то онъ, обыватель, долженъ войти сперва въ соглашеніе съ очередною дамою и внести ей предварительную контрибуцію не менѣе десяти рублей. Дѣлается это частью открыто, частью же келейно—какъ случится. Вѣдомо ли о. Іоанну объ этихъ наглыхъ поборкахъ, совершаемыхъ за его спиною,—сказать трудно. Но объ этихъ барыняхъ ходили и ходятъ по городу слухи въ томъ смыслѣ, что будто бы онѣ самымъ беззащитнымъ образомъ обогащаются за счетъ славы и популярности о. Іоанна. Увѣряютъ даже, будто бы одна изъ этихъ дамъ, позабывъ очередь, пріѣхала за нимъ въ каретѣ и увезла молебствовать. Другая не снесла обиды и вторженія въ свои права и задала своей соперницѣ на улицѣ, при публикѣ, трепку. При этомъ соперница въ долгу не осталась, и на мостовой, на мѣстѣ битвы, оказались ключья волосъ и тряпокъ. Наиболѣе же ядовитые скептики злобно утверждаютъ, будто бы и батюшка состоитъ въ заговорѣ съ дамами и онѣ дѣлятся съ нимъ. Вообще же насколько вѣрующіе умиляются, благохвалятъ и уповаютъ, настолько же скептики злорадствуютъ и изрыгаютъ хулу.

На молебнахъ о. Іоаннъ ведетъ себя скромно и просто и отъ предлагаемыхъ ястій и нитій отказывается рѣдко, чѣмъ очень радуется пригласившихъ его хозяевъ, увѣряющихъ и увѣренныхъ,

что на нихъ отъ этого снизойдетъ благодать. Общій голосъ говорить, что гдѣ о. Іоаннъ сподобилъ откушать, тамъ благословіе Божіе пребудетъ и почіетъ. Съ о. Іоанномъ мнѣ приходилось встрѣчаться и бесѣдовать не одинъ разъ. Это—простой, милый и, повидимому, вѣрующій, но далеко не блестящій образованіемъ и глубиною мысли человѣкъ. Сердца у него много и разсуждаетъ онъ здраво, не выказывая въ бесѣдѣ ни ханжества, ни елейности. Проповѣди его не краснорѣчивы и не глубоки, а сочиняемыя имъ молитвы, афоризмы и мысли—весьма заурядны и приходятъ отъ нихъ въ священный восторгъ могутъ развѣ только очень ужъ вѣрующіе поклонники и почитатели его. Но ни хулить, ни защищать его я не берусь. Его оцѣнить со временемъ исторія; для меня же онъ—только объектъ для наблюденія. Можетъ случиться, что онъ такъ и скончается въ ореолѣ своей теперешней славы и его провозгласятъ святымъ, а можетъ быть онъ и прорвется какъ-нибудь нечаянно—и его развѣнчаютъ. За популярностью онъ гонится очень и любитъ, чтобы о немъ говорили и писали. Теперешняя популярность его, несомнѣнно, велика, а юбилей его представляетъ крупное событіе.

Чествованіе въ стѣнахъ Успенской церкви, куда впускали по краснымъ билетамъ, заключалось въ томъ, что юбиляръ въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ отслужилъ обѣдню и послѣ нея вышелъ на середину церкви, гдѣ духовенство читало ему адреса и подносило иконы. Все время онъ стоялъ въ облаченіи, смиренно поникнувъ головою, и только каждую минуту тяжело вздыхалъ—не знаю только, отъ умиленія ли, или же отъ усталости. Поздравленія духовенства, при всемъ стараніи придать имъ побольше сердечности, вышли немного натянутыми, официальными и, если такъ можно выразиться, казенно-синодальными. Адреса и привѣтствія были написаны семинарскимъ, витіеватымъ слогомъ и особеннаго собою ничего не представляли. Однакоже эта церемонія длилась около часа. Въ числѣ поздравителей и депутатовъ было не мало лицъ въ мундирахъ, съ лентами и съ орденами. Во время этой длинной церемоніи часть публики умиленно плакала, а другая часть безъ всякой церемоніи шмыгала взадъ и впередъ по церкви, выказывая очень мало уваженія и къ юбилею и къ самому торжеству.

Изъ церкви всѣ почетные гости перекочевали въ городскую думу, гдѣ въ огромной залѣ уже былъ накрытъ покоемъ безконечный обѣденный столъ. Распорядительскую часть, т.-е. роль радушныхъ хозяевъ, взяли на себя морскіе офицеры—и, нужно отдать имъ справедливость, оказались очень внимательными и гостепріимными хозяевами. Все у нихъ шло стройно, гладко и въ образцовомъ порядкѣ. Они не сажались за столъ и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы гости ни въ чемъ не терпѣли недостатка. А гостей

было много: огромная зала была полна. Мой голубенькій входной билетъ помѣченъ № 113, но я былъ далеко не изъ послѣднихъ: не мало такихъ же билетовъ было роздано и другимъ почетнымъ гостямъ, прибывшимъ изъ Петербурга со слѣдующими поѣздами.

Въ сторонѣ отъ обѣденнаго стола былъ сервированъ другой столъ—съ водками и обильнѣйшими закусками. О. Іоаннъ, побывавъ дома и переодѣвшись, прибылъ на обѣдъ въ великолѣпнѣйшей цвѣтной шелковой рясѣ. Какъ только онъ явился, сейчасъ же приступили къ закускамъ и прямо-таки набросились на нихъ, потому что всѣ были голодны. В. И. Аристовъ, оказавшійся одноклассникомъ юбиляра, расцѣловался съ нимъ. Цѣловались и многіе другіе. Каждый изъ гостей старался чокнуться рюмкой съ о. Іоанномъ и выпить за его здоровье. О. Іоаннъ не отказывался. Пилъ онъ, не спѣша, плотно закусывая и въ то же время бесѣдуя со всѣми окружавшими его. Я вертѣлся около него и отъ нечего дѣлать слѣдилъ за тѣмъ, сколько онъ выпьетъ. На моихъ глазахъ онъ выпилъ за закускою шесть рюмокъ рябиновой и пять сосудцевъ прочихъ водокъ. При этомъ онъ нисколько не охмелѣлъ, а только сталъ веселѣе, привѣтливѣе и разговорчивѣе.

Во время закуски случился и курьезный эпизодъ. Юбилей праздновался какъ разъ въ то время, когда въ Петербургѣ героемъ дня былъ сотникъ Пѣшковъ. Прогремѣлъ онъ тѣмъ, что пріѣхалъ изъ далекой Сибири въ Петербургъ верхомъ на своемъ «Сѣромъ», сдѣлавъ что-то около восьми тысячъ верстъ. И всадникъ и конь выдержали путешествіе прекрасно и этимъ доказали двѣ вещи—свою выносливость и возможность сдѣлать безъ вреда для здоровья нѣсколько тысячъ верстъ. Сотника Пѣшкова принимали нарасхватъ во всѣхъ великосвѣтскихъ и не великосвѣтскихъ гостиныхъ, слушали его рассказы, удивлялись ему, хвалили и вообще баловали, а большинство иллюстрированныхъ журналовъ помѣстило портреты и его, и его Сѣраго. Конь его понравился наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу, и сотникъ счелъ за счастье для себя подарить своего Сѣраго великому князю. Объ этомъ много писалось въ газетѣ.

Этотъ сотникъ Пѣшковъ былъ также на юбилеѣ въ числѣ почетныхъ гостей и обращалъ на себя столько же почти вниманія, сколько и самъ юбиляръ, хотя и держался очень скромно и просто. Я съ нимъ познакомился здѣсь и между прочимъ спросилъ его:

— Не жаль вамъ было разставаться съ вашимъ конемъ, на которомъ вы продѣлали такой огромный путь?

— Конечно, жаль... Привыкъ къ нему... Но что же дѣлать,—отвѣтилъ онъ скромно.

Его кто-то подвелъ къ о. Іоанну и отрекомендовалъ:

— Вотъ, батюшка, сотникъ Пѣшковъ, который пріѣхалъ изъ Сибири верхомъ...

— Изъ Сибири? — переспросилъ о. Іоаннъ и тутъ же прибавилъ: — Это хорошо, что изъ Сибири...

— Это, батюшка, тотъ самый извѣстный сотникъ, который...

— А-а, умникъ, умникъ, — спохватился юбиляръ и погладилъ Пѣшкова по головѣ, какъ ребенка.

Сотникъ, уже привыкшій къ выраженіямъ удивленія въ гостиныхъ, былъ, повидимому, нѣсколько смущенъ такимъ своеобразнымъ отношеніемъ къ своему — какъ говорили тогда — бравому подвигу. Но въ это время позвали къ обѣду. О. Іоаннъ помѣстился, какъ главное дѣйствующее лицо, въ центрѣ стола, а по бокамъ его усѣлись по убывающимъ степенямъ важности почетные гости. Я выбралъ себѣ такое мѣсто, откуда мнѣ было видно каждое движеніе юбиляра и слышно каждое его слово. Обѣдъ былъ весь отъ начала до конца постный. Передъ каждымъ приборомъ было положено тисненное золотомъ меню и на немъ значилось: «Кронштадтъ. 12 декабря. 1855—XXXV—1890. Закуска разная. Обѣдъ: уха изъ живыхъ стерлядей; кулебяка и растегаи; осетрина холодная; стерляди по-руски; бѣлорыбица жареная и дичь; компотъ изъ разныхъ фруктовъ; чай и кофе». Дичь представляла собою единственное скоромное блюдо среди лукулловскаго обилія рыбныхъ блюдъ. За обѣдомъ шли послѣдовательно: хересъ, мадера, рейнвейны, красное и бѣлое и, наконецъ, шампанское. О. Іоаннъ выпилъ всѣхъ этихъ винъ — не пропуская ни одного — по сосудцу и, кромѣ того, осушилъ пять бокаловъ шампанскаго, но при этомъ ѣлъ съ прекраснымъ аппетитомъ и все-таки, несмотря на выпитую за закускою водку, не опьянѣлъ ни сколько. Я удивился. Но это были пока еще цвѣточки; ягодки оказались впереди.

За обѣдомъ говорилось много самыхъ разнообразныхъ по формѣ, но одинаковыхъ по содержанію рѣчей. Но была произнесена и особенная рѣчь. Произнесъ ее бывшій кронштадтскій городской голова Волковъ. О немъ мнѣ сообщили слѣдующее. Былъ онъ головою, но не поладилъ съ сильными міра сего, потому что оказался либераломъ. Его смѣстили и на его мѣсто назначили нынѣшняго голову. Такимъ образомъ нынѣ въ Кронштадтѣ сидитъ не выборный, а назначенный правительствомъ голова. Провѣрять эту исторію было некогда, и я записываю ее такъ, какъ слышалъ отъ одного изъ распорядителей обѣда — очень любезнаго морского офицера, неусыпно хлопотавшаго о томъ, чтобы я не уѣхалъ съ юбилея голоднымъ...

Итакъ, бывшій городской голова г. Волковъ имѣлъ право считать себя въ извѣстной степени обиженнымъ. Онъ, впрочемъ, и не скрывалъ этого въ своей рѣчи, которую произнесъ уже въ самомъ концѣ обѣда. Началъ онъ съ привѣтствія о. Іоанну, затѣмъ перешелъ на обличеніе враговъ, на недостатки теперешняго городского самоуправленія и, наконецъ, какъ говорится, ударился въ поли-

тику и произнесъ цѣлую филиппику, но говорилъ красно и кругло, и затѣмъ снова съѣхалъ на юбилей. Видно было, что, пользуясь случаемъ, онъ сводилъ счеты со своими обидчиками и отстаивалъ свою роль либерала и развѣнчаннаго головы. Такое впечатлѣніе произвела эта рѣчь, по крайней мѣрѣ, на меня. Послѣ этого онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Туда же, вслѣдъ за нимъ, вышелъ и присутствовавшій на обѣдѣ сотрудникъ одной изъ мелкихъ газетъ. Вернулся онъ оттуда сіяющій, довольный и, ощупывая карманъ, спросилъ меня:

— Вы будете печатать рѣчь Волкова?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—не буду.

— Напрасно. Рѣчь превосходная. Я завтра въ своей газетѣ напечатаю ее цѣликомъ...

Дѣйствительно, на другой день рѣчь была напечатана, но оказалась, хотя и либеральной, но такой невинной, что вчерашней рѣчи въ ней узнать было нельзя. Видно было, что сотрудникъ сіялъ не даромъ...

Съ этого обильнаго обѣда о. Іоаннъ поѣхалъ на второй обѣдъ въ основанный имъ домъ трудолюбія. Здѣсь угощали его бѣдняки. Сюда перекочевали, вслѣдъ за батюшкою, и многіе сытые до отвала гости—въ томъ числѣ и я. О. Іоаннъ сѣлъ за столъ, выпилъ рюмку водки и, слушая адреса и привѣтственныя рѣчи, поѣлъ ухи, потомъ рыбы и т. д. Словомъ, добросовѣстнѣйшимъ образомъ использовалъ все меню и при этомъ, не отказываясь, пилъ по порядку хересъ, мадеру, бѣлое, красное и шампанское. Я невольно удивился и отъ души позавидовалъ его желѣзному здоровью, а въ особенности тому, что онъ послѣ столькихъ смѣшанныхъ винъ и водокъ не только не захворалъ, но даже и не опьянѣлъ. А ему въ это время, по самому скромному подсчету, было уже болѣе пятидесяти лѣтъ. Удивительно крѣпкая и здоровая натура!

Назадъ я возвращался опять вмѣстѣ съ В. И. Аристовымъ. Когда мы ѣхали по льду, была уже ночь. Кругомъ—пусто. Направо и налево — безконечная, теряющаяся во мракъ ледяная равнина. Возница намъ попался какой-то подростокъ, почти мальчуганъ. Дорогою старикъ Аристовъ расшутился. Разсказалъ онъ мнѣ между прочимъ, что въ Болгарію онъ показываться не смѣетъ, потому что тамъ онъ за политическія преступленія приговоренъ къ смертной казни и что голова его оцѣнена. Разспрашивалъ онъ мальчугана-извозчика, сколько тотъ зарабатываетъ, а потомъ, когда мы оказались одни-одинешеньки на ледяной пустынѣ между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, онъ вдругъ зловѣщимъ тономъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Гдѣ у тебя ножъ? За голенищемъ? Доставай его скорѣе. Обдѣлаемъ дѣло, пока близко никого нѣтъ...

Мальчуганъ, услышавъ эту рѣчь, погналъ лошадей изъ всей силы и успокоился только тогда, когда уже показались близко огни ораніенбаумскаго вокзала. Высадивъ насъ и получивъ плату за проѣздъ, онъ снялъ шапку и, косясь на насъ, набожно перекрестился. Въ вагонѣ мы ѣхали цѣлой компаніей и всю дорогу, до самаго Петербурга, рассказывали анекдоты...

VIII.

Заболѣлъ министръ финансовъ И. А. Вишнеградскій—и заболѣлъ серьезно. Объ этомъ было напечатано въ газетахъ. Болѣзнь министра—дѣло не шуточное. Весь Петербургъ заговорилъ объ этомъ событіи. У подѣзда заболѣвшаго министра стояли цѣлыя вереницы экипажей и нарядъ полиціи. Въ экипажахъ пріѣзжали выразить свое соболѣзнованіе лица высшаго круга, а полиція блюла за тѣмъ, чтобы экипажи становились въ рядъ. Въ городѣ уже называли трехъ лицъ его преемниками, а о болѣзни толковали двояко: одни говорили, будто бы онъ, устраивая русскіе финансы, заработался до переутомленія и слегъ, а по словамъ другихъ—будто бы онъ покушалъ чего-то вреднаго для печени.

Хворалъ онъ долго и такъ упорно, что уже стали ждать его смерти. Въ редакціяхъ газетъ въ виду этого были заблаговременно заготовлены и даже набраны некрологи. Оставалось только при первомъ извѣстіи о смерти пустить наборъ въ машину—и дѣло готово. Извѣстіе это не заставило себя ждать. Пріѣзжаетъ кто-то изъ сотрудниковъ изъ клуба и рассказываетъ, что Вишнеградскій въ одиннадцать часовъ вечера съ миромъ отыде въ вѣчность. Объ этомъ-де говорили въ клубѣ, какъ о фактѣ, уже совершившемся, достовѣрномъ и уже не подлежащемъ ни малѣйшему сомнѣнію. Надо было, стало быть, пускать въ ходъ некрологъ. Но редакция поколебалась и рѣшила, что печатать некрологъ безъ провѣрки—рискованно, а съ другой стороны и остаться безъ некролога, буде министръ умеръ, тоже было неудобно. Отрядили меня—благо я на свою бѣду тутъ оказался—сѣсть на извозчика и ѣхать во всю прыть на квартиру къ Вишнеградскому, наводить справки, точно ли онъ умеръ. Было уже два часа ночи, и мое положеніе оказалось въ высшей степени щекотливымъ. Мнѣ невольно вспомнился одинъ изъ романовъ Диккенса, въ которомъ дѣйствующее лицо—гробовщикъ—говоритъ, что онъ не имѣетъ права спрашивать у своихъ знакомыхъ, какъ ихъ здоровье: могутъ подумать, что онъ въ интересахъ своего ремесла справляется, скоро ли они умрутъ. Нѣчто похожее на это было и въ моемъ положеніи. Въ головѣ у меня невольно мелькнула картина, какими глазами посмотрятъ

на меня домашніе, или даже прислуга Вышнеградскаго, если я явлюсь за справкою въ третьемъ часу ночи. А что, если онъ еще не умеръ и я своимъ неделикатнымъ ночнымъ звонкомъ нарушу строго оберегаемый покой умирающаго? Да, наконецъ, живъ онъ или умеръ, но вѣдь и швейцару нуженъ сонъ и покой, и онъ будетъ исполнѣ правъ, если пошлетъ меня ко всѣмъ чертямъ за мой несвоевременный визитъ. Но отказываться отъ порученія было нельзя. Оставить газету безъ некролога невозможно. Не я, такъ другой поѣхалъ бы все равно и испыталъ бы ту же самую горькую участь. Одѣлся я безъ разговоровъ и поѣхалъ. Часы показывали четверть третьяго, а когда я прибылъ къ мѣсту назначенія, то было уже почти три. Улицы были пусты. Фонари горѣли тускло. Въ окнахъ дома, гдѣ жилъ Вышнеградскій, ни въ одномъ этажѣ не было видно огня. Передъ фасадомъ стоялъ и дремалъ одинъ-единственный городской. Онъ изнывалъ отъ скуки и отъ одиночества, потому что былъ поставленъ не для порядка, а по положенію: передъ подъѣздами у всѣхъ министровъ стоятъ и днемъ и ночью, почета ради, городовые. Нигдѣ въ окнахъ ни одной искорки и ни малѣйшаго внѣшняго признака, по которому можно было бы снаружи судить, есть въ домѣ покойникъ, или нѣтъ. Дѣлать нечего. Пришлось слѣзть съ извозчика и звонить. Не скажу, чтобы я дернулъ за сонетку храбро. Мнѣ казалось, что я совершаю страшно неделикатный поступокъ. Отвѣта не послѣдовало. Скрѣпя сердце, дернулъ я еще разъ, потомъ—другой, третій и четвертый. Ни звука, ни отклика. Прошло не менѣ четверти часа. Весь домъ спалъ мертвымъ сномъ. Позвонилъ я въ пятый разъ—и мнѣ стало, наконецъ, стыдно. Прождалъ я еще минутъ восемь и въ душѣ искренно желалъ, чтобы ко мнѣ никто не вышелъ. Желаніе мое исполнилось. Я попрежнему стоялъ передъ подъѣздомъ одинъ-одинешенекъ.

— Должно, дома никого нѣтути,—утѣшилъ меня извозчикъ.

Наконецъ, городской, которому, видимо, надоѣло смотрѣть, какъ человѣкъ ломится ночью въ чужую квартиру, вышелъ изъ своей сонной апатіи и подошелъ ко мнѣ.

— Кого вамъ?—спросилъ онъ.

— Живъ министръ Вышнеградскій?—отвѣтилъ я вопросомъ на вопросъ.

— А кто же его знаетъ? Я сталъ на дежурство поздно, когда парадная была уже заперта. Надо полагать, что еще живъ.

— А можетъ быть и умеръ?

— Можетъ быть, и умеръ. Пріѣзжайте завтра. Днемъ скорѣе узнаете...

Съ тѣмъ я и вернулся въ редакцію, нимало не выяснивъ дѣла. Рѣшили съ некрологомъ подождать—и не ошиблись. Вышнеградскій умеръ только черезъ два дня послѣ моей поѣздки.

Почти такое же точно неловкое положеніе испыталъ я и въ другой разъ. Случилось какое-то событіе въ Германіи. По поводу этого событія въ Петербургѣ, въ германскомъ посольствѣ состоялось не то торжество какое-то, не то дипломатическій пріемъ. Репортеры въ нашу редакцію извѣстія объ этомъ событіи не доставили—по какой причинѣ—не вѣдаю. Пришлось поздно вечеромъ, почти ночью, ѣхать въ посольство мнѣ же, узнавать, въ чемъ дѣло. До этого ни въ одномъ посольствѣ я еще ни разу не бывалъ и на всякій случай приготовилъ трехрублевку швейцару на чай. Меня предупредили, что съ меньшею суммою обращаться къ посольскому швейцару нельзя: если дать ему рубль, то онъ дастъ два сдачи. Когда я пріѣхалъ къ дверямъ посольства, было уже такъ поздно, что огни были погашены и швейцаръ безъ сюртука, въ одномъ только жилетѣ и вязанной фуфайкѣ подметалъ на сонъ грядущій устланную ковромъ лѣстницу. Когда я обратился къ нему съ вопросомъ, состоялось ли такое-то событіе, онъ отвѣтилъ съ досадою:

— Ach, mein Gott, да состоялось же! И такія-то, и такія-то особы пріѣзжали... Aber ich binн самый проклятый шеловѣкъ, который весь день не имѣетъ никакой покой. Газетныхъ людей приходило такъ много и всякій спрашивалъ такъ подробно, что у меня даже языкъ заболѣлъ отвѣчать.

Разгнѣванный нѣмецъ повернулся ко мнѣ спиною и заработалъ щеткою съ ожесточеніемъ. Мнѣ стало жаль его и очень неловко передъ нимъ. По неопытности я замялся и не сумѣлъ вручить ему трешницу. Пришлось уѣхать чуть не со срамомъ и безъ матеріаловъ для газеты. Но когда я сообщилъ въ редакціи, что событіе состоялось и что къ германскому послу пріѣзжали такія-то и такія-то особы, то этого оказалось совершенно достаточнымъ для сотрудника, который велъ политическій отдѣлъ: статья была написана...

IX.

Умеръ заслуженный профессоръ П. Г. Рѣдкинъ. Въ свое время онъ былъ величиною. На панихиды по немъ на его квартирѣ собиралось довольно много народа; пріѣзжалъ даже министръ народного просвѣщенія Иванъ Давыдовичъ Деяновъ. Похороны однако же были не особенно многолюдны и носили такой же академически-формальный характеръ, какъ и похороны покойныхъ Буняковского и Грота, съ тою только разнѣею особенностью, что православный человѣкъ былъ опущенъ въ могилу на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ похоронена его жена—лютеранка. Отпѣвали его въ церкви академіи художествъ. Тутъ было много профессоровъ университета, но всѣ они очень скоро, во главѣ съ ректоромъ, поло-

жили форменныя треуголки подъ мышки, надѣли фуражки и шляпы и разошлись во-свояси. На кладбище пришла только небольшая горсточка провожатыхъ и то больше родные и знакомые. Ордена на подушкахъ понесли было изъ церкви сенатскіе чиновники, но у нихъ скоро озябли руки, и они сложили подушки въ кучу при первой же литіи на 2-й линіи Васильевского острова. Дальнѣйшее шествіе совершилось безъ орденовъ. На могилѣ профессоръ Бершадскій сказалъ умную, но все же казенную рѣчь. Публичныхъ рѣчей въ наше время, безъ разрѣшенія начальства, говорить нельзя. На всѣхъ почти похоронахъ вертятся переодѣтые полицейскіе, прислушивающіеся къ каждой произносимой рѣчи. Одного изъ такихъ сыщиковъ я зналъ въ лицо и разъ даже пилъ вмѣстѣ съ нимъ пиво въ портерной. Человѣкъ онъ необразованный и служить на маленькомъ жалованьѣ.

— Мое дѣло доложить, кто именно уста разверзалъ, а тамъ начальство уже само знаетъ, какъ поступить,—сообщилъ онъ мнѣ въ минуту пивной откровенности.—Списокъ ораторовъ ведется на всякій случай, кромѣ купеческихъ...

— Какихъ купеческихъ?—удивился я.

— Тѣхъ, что на купеческихъ похоронахъ по найму слезныя рѣчи произносятъ...

— Развѣ есть и такіе?

— Ого-го! И какъ еще живутъ! На своихъ лошадяхъ ѣздятъ... Тѣ у насъ въ особомъ списокѣ состоятъ...

Наканунѣ похоронъ П. Г. Рѣдкина редація поручила мнѣ достать отъ родныхъ покойнаго его портретъ для напечатанія. Клятвенно утверждаю, что нѣтъ ничего глупѣе положенія, въ которомъ находится газетный сотрудникъ, которому дано такое порученіе. Семья покойнаго убита горемъ; семья занята погребальными хлопотами; зеркала завѣшены, всѣ ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ шопотомъ и т. д.—и тутъ вдругъ, точно изъ земли, вырастаетъ фигура редакціоннаго посланца и проситъ у родныхъ карточку. Родные сначала не понимаютъ, въ чемъ дѣло, потомъ начинаютъ думать и обсуждать, созывается чуть ли не семейный совѣтъ, шепчутся, боятся, не обманъ ли, и уже затѣмъ рѣшаются вручить незнакомому человѣку карточку. Но при этомъ, разъ рѣшившись, даютъ уже не одинъ портретъ, а нѣсколько хронологически разныхъ, для выбора. Такъ случилось и здѣсь. Дочь покойнаго Елизавета Петровна дала мнѣ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, двѣ карточки, но подъ условіемъ, чтобы при печатаніи въ газетѣ голова покойнаго профессора была взята съ одного портрета, а сюртукъ—съ другого и даже написала это распоряженіе на оборотѣ карточекъ собственноручно. Само собою разумѣется, что желаніе ея редакціей выполнено не было вслѣдствіе технической невозможности. Дѣлать изъ двухъ карточекъ одну—далеко не легкая задача.

Не лишне по поводу карточекъ отмѣтить курьезъ. Родные, давая карточку покойнаго для печати, не только думаютъ, но даже и заявляютъ, что дѣлаютъ этимъ одолженіе редакціи; редакція же, въ свою очередь говоритъ, что она сама, печатая портретъ, оказываетъ любезность родственникамъ покойнаго. Тутъ и разбирайся, какъ знаешь... Несмотря на это, нашелся все-таки нѣкій господинъ А. Х., именующій себя сотрудникомъ большихъ газетъ, который избралъ своей специальностью собираніе карточекъ архіереевъ, генераловъ и вообще важныхъ особъ. Онъ является въ домъ, рекомендуется сотрудникомъ «Новаго Времени», «Новостей» или «Нивы» и заявляетъ хозяину, что такая-то газета или журналъ желалъ бы напечатать на своихъ страницахъ его портретъ. Тутъ въ практикѣ г. А. Х.—ва бываетъ два случая: либо особа чувствуетъ себя польщенной и тотчасъ же даетъ свой портретъ съ удовольствіемъ, либо гонитъ г. сотрудника въ шею. Последнее случалось чаще, потому что г. А. Х.—въ беретъ съ оригинала карточки отъ 3 до 5 рублей «за напечатаніе». Сначала въ редакціяхъ брали у Х. этотъ товаръ и платили ему гонораръ, но когда въ редакціи стали поступать отъ родныхъ лицъ жалобы и запросы, что же, дескать, господа, портрета моего не печатаете? Мы вашему сотруднику 5 цѣлковыхъ безъ торгу заплатили, — то г. А. Х.—ву почти вездѣ показали дверь, а въ двухъ газетахъ было напечатано даже официальное извѣщеніе, что онъ сотрудникомъ не состоитъ. Но съ этого господина все какъ съ гуся вода...

X.

Основалось въ Петербургѣ общество трезвости, поставившее своей задачей противодѣйствовать пьянству и спасать пьяницъ отъ пагубнаго порока. Первые члены его обязались клятвою абсолютнаго воздержанія въ толстовскомъ духѣ: «общаемся и сами въ ротъ спиртнаго не брать, и никому не предлагать, никого не угощать и всѣхъ отъ спирта отклонять». Общество открылось, но дѣла его, по первому же абцугу, пошли, если не плохо, то вяло. Надо было для того, чтобы поднять дѣло и дать ему ходъ, посадить во главѣ архитрезвенника, пользующагося популярностью. Подумали, погадали и рѣшили предложить мѣсто почетнаго предсѣдателя о. Іоанну Кронштадтскому. О. Іоаннъ принялъ предложеніе и согласился. Когда я прочелъ объ этомъ въ газетахъ, то мнѣ невольно вспомнился его недавній юбилей...

Александръ Чеховъ (Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

~~~~~

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XI.

ОЛИТИКА, вездѣ и во всемъ политика. Даже въ такомъ повидимому, всенаучномъ и безпартійномъ учрежденіи, какъ академія наукъ, соблюдается политика. Не знаю, по какому поводу, за какія заслуги императорская академія наукъ избрала въ свои почетные члены папу Льва XIII. Возможно и даже вѣроятно, что это сдѣлано изъ высшихъ политическихъ соображеній, коихъ намъ, простымъ смертнымъ, знать не дано. Публичное провозглашеніе такихъ почетныхъ избраній приурочивается обыкновенно къ торжественному годовому собранію, бывающему всегда 29 декабря въ большой конференцъ-залѣ, украшенной бюстомъ Петра I и портретами императоровъ. Зала эта обыкновенно цѣлый годъ пустуетъ за исключеніемъ тѣхъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда въ ней открываются художественныя выставки. Зимой она за ненужностью и ради экономіи не отапливается и въ ней держится полярный холодъ. Когда же подходитъ 29 декабря, то ее нагрѣваютъ и нагрѣваніе начинаютъ довольно любопытно за полторы недѣли. Сразу вывести ее изъ полярнаго климата нельзя: можетъ пострадать зданіе. Поэтому отопленіе ведутъ такъ, что за полторы недѣли нагрѣваютъ ее каждый день на одинъ градусъ, начиная съ нуля. Ко дню торжественнаго засѣданія въ ней бываетъ сносно, но все же случается иногда поеживаться во фракѣ. Фракъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XIX, стр. 71.

же въ этотъ день обязателенъ, потому что вся публика сплошь состоитъ изъ высокопоставленныхъ особъ, приѣзжающихъ въ полной парадной формѣ. Особы эти получаютъ именныя приглашенія отъ академіи. Приглашается и высшее духовенство. Благодаря избранію Льва XIII въ почетные члены, на этотъ разъ были приглашены академіей и два высшихъ представителя римско-католической церкви, проживающіе въ Петербургѣ. Они должны были собственными ушами услышать провозглашеніе имени его святѣйшества и отписать ему объ этомъ въ Римъ. Приглашены были также и россійскіе іерархи, въ томъ числѣ митрополитъ Іоанникій. Казалось бы, вѣжливость соблюдена и все обстоитъ благополучно. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Передъ началомъ торжественнаго собранія экзекуторъ академіи былъ очень озабоченъ вопросомъ, куда посадить представителей католическаго духовенства съ такимъ расчетомъ, чтобы и честь была имъ оказана, и чтобы они не встрѣтились съ Іоанникіемъ.

— Вамъ-то не все ли равно?—спросилъ я.

— Митрополитъ можетъ обидѣться. У нихъ своя политика,— отвѣтилъ озабоченно экзекуторъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ посадилъ католиковъ во второмъ ряду справа, а митрополиту Іоанникію предоставилъ мѣсто въ первомъ ряду слѣва. Католики въ своихъ цвѣтныхъ мантияхъ и шапочкахъ, напоминающихъ середину между ермолкою и скуфьею, держали себя скромно и старались не обращать на себя вниманія, но большинство присутствующихъ съ нетерпѣніемъ ожидало конца засѣданія, чтобы посмотреть, раскланяются ли между собою представители восточной и западной церкви. Отъ Іоанникія отвѣта на поклонъ не ждали заранее. Такъ оно и вышло. Какъ только закрылось засѣданіе, католики быстро, робко и точно конфузясь поднялись съ своихъ мѣстъ и торопливо пробрались къ выходу. Іоанникій же выждалъ ихъ ухода и затѣмъ уже прошелъ величественно и строго. Политическая душа почтеннаго экзекутора успокоилась...

ХII.

По Петербургу разнеслось грустное извѣстіе—умеръ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ). Проводить его до могилы и написать о томъ, что происходило на похоронахъ, редакція поручила мнѣ, но сдѣлалъ это гораздо талантливѣе, нежели сдѣлалъ бы я, Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ (Леонтьевъ), напечатавшій статью: «Миръ праху». Описаніе его правдиво. Утверждаю это, какъ очевидецъ, но поправку въ его описаніе внести необходимо. Дѣло въ томъ, что онъ черезчуръ снисходительно отнесся къ надгробной рѣчи, произнесенной надъ открытой могилой Щедрина. Иванъ Леонтьевичъ, повидимому, плохо запомнилъ, или, можетъ

быть, изъ присущей ему деликатности смягчилъ эту рѣчь. Но она, по яркой храбрости произнесшаго ее оратора, заслуживаетъ того, чтобы ее не только запомнить, но даже и записать. Произнесъ ее господинъ въ малороссійской рубахѣ, нѣкто Петръ П—новъ—личность въ своемъ родѣ замѣчательная. Это—человѣкъ мятущійся, всюду слонявшійся, всѣмъ недовольный, все порицающій, но глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ изображаетъ собою сосудъ, вмѣщающій высокія идеи, а потому и имѣющій неотъемлемое право примазать свою невѣдомую личность къ похоронамъ знаменитаго человѣка: знайте и нашихъ! Пробовалъ онъ и учиться, и пѣть, и въ народъ ходить, и даже былъ вольнымъ слушателемъ технологическаго института, но вездѣ и всюду дѣлалъ дѣло только на половину, ничего не заканчивалъ, вездѣ оказывался не у мѣста и изъ всѣхъ перипетій вынесъ на своихъ плечахъ одну только малороссійскую рубаху. Таковъ ужъ, видно, жребій!.. Пока шествовала къ могилѣ траурная процессія, онъ у кладбища, въ одной изъ лавочекъ, торгующихъ вѣнками, купилъ деревянный, аляповатый крестъ съ цвѣтами изъ папиросной бумаги, подошелъ съ нимъ къ краю могилы Салтыкова, выдвинулъ крестъ передъ собою, какъ священникъ, и разрѣшился слѣдующей рѣчью:

«Передъ свѣжей, зіяющей могилой нѣтъ мѣста краснорѣчію и рѣчамъ. Я буду кротокъ: могила говоритъ сама за себя. Мы опускаемъ въ нее дѣятеля, и поэта, и сатирика, вѣрившаго въ народъ и умершаго за народъ. Мы погребаемъ писателя, который, если бы теперь и всталъ изъ гроба, то всталъ бы только для того, чтобы сказать намъ всѣмъ, что мы не имѣемъ права жить. Аминь».

Вдова Салтыкова—мнѣ пришлось стоять около нея—не выдержала и, несмотря на душившія ее слезы, тихо сказала сыну-гимназисту:

— Это что еще за олухъ?

Сынъ тоже рыдалъ и рыдалъ неутѣшно. Онъ во все время погребенія цѣловалъ у матери руки и сквозь рыданія старался утѣшать ее. Когда рѣчи замолкли, могилу грубо и прозаически засыпали землей. На свѣжій холмъ были положены вѣнки. Публика идолопоклоннически набросилась на нихъ и стала разрывать на части, чтобы унести на память о почившемъ сатирикѣ хоть листокъ или лепестокъ. Сынъ посмотрѣлъ на эту картину хищничества грустными глазами и сказалъ:

— Пойдемте, мама. Здѣсь намъ больше дѣлать нечего...

Возвращаясь съ кладбища домой на конкѣ, я почему-то вспомнилъ фразу изъ сочиненій Щедрина: «Жилъ-жилъ старичина, да и умеръ»... Мнѣ кажется, что фраза эта могла бы служить самымъ лучшимъ образцомъ надгробныхъ рѣчей. Даже выдающимся ораторамъ иногда не слѣдовало бы переступать ея предѣловъ...

XIII.

Какіе мы въ душѣ глубокіе и несправимые чиновники, привыкшіе все и вся облекать въ канцелярскую форму, съ «сими» и «оними»! Александровскій кадетскій корпусъ праздновалъ свой двадцатипятилѣтній юбилей. Одинъ изъ газетныхъ сотрудниковъ, нѣкто Лурье, за день до юбилея побывалъ въ канцеляріи корпуса, чтобы заблаговременно запастись матеріаломъ для изложенія историческаго очерка въ газетахъ. Матеріалы ему дали въ видѣ корректурнаго оттиска, но это ему обошлось не дешево. Секретарь канцеляріи бѣгалъ къ директору корпуса за разрѣшеніемъ дать этотъ матеріалъ, затѣмъ произвелъ злополучному Лурье цѣлый инквизиторскій допросъ, выдалъ оттискъ только подъ расписку и при этомъ отобралъ подписку въ томъ, что оттискъ будетъ возвращенъ. Разсказывалъ мнѣ объ этихъ мытарствахъ самъ Лурье. Я сначала не повѣрилъ было ему и подумалъ, что человѣкъ привираетъ ради краснаго словца. Не можетъ же быть, чтобы такую простую просьбу облекли въ такую каторжно-канцелярскую форму! Но потомъ мнѣ пришлось допустить, что подобное событіе весьма возможно. Дѣло въ томъ, что наша редакція получила написанное на Ремингтонѣ приглашеніе прислать на юбилей своего сотрудника. Обычный и принятый повсюду типъ приглашеній на торжества таковъ: «Такое-то учрежденіе или общество, свидѣтельствуя вамъ, милостивый государь, свое почтеніе, покорнѣйше проситъ почтить своимъ присутствіемъ такое-то торжество». Коротко и ясно. Иногда прибавляется: «Военныхъ просятъ быть въ мундирахъ, а статскихъ во фракахъ». Или же еще проще: «форма одежды парадная». Такихъ приглашеній у меня уже накопилось около сотни и всѣ они—на одинъ ладъ. Начальство же корпуса прислало въ нашу редакцію слѣдующій перлъ:

«Министерство военное. Александровскій кадетскій корпусъ. Число и годъ. № 0000. Въ С.-Петербургѣ. Канцелярія. Въ редакцію газеты (такой-то)».

«По порученію директора корпуса, канцелярія онаго проситъ редакцію газеты (имярекъ), если она найдетъ это для себя возможнымъ, прислать на имѣющее быть въ корпусѣ такого-то числа по случаю 25-лѣтняго юбилея со дня его основанія торжество своего корреспондента, такъ какъ препятствій къ присутствію корреспондентовъ на торжествѣ со стороны заведенія не будетъ встрѣчено. Секретарь корпуса надворный совѣтникъ. (Подпись)».

Сколько, подумаешь, труда и мозга потрачено для того, чтобы «сочинить» многословную «исходящую» и занумерованную приглашительную бумагу «съ препятствіями». Разъ «заведеніе» приглашаетъ корреспондента, значитъ входъ открытъ, препятствій не полагается, стало быть, и расписывать о нихъ нечего. Честь быть

«присланнымъ» на торжество выпала на мою долю. Но торжество вышло обычное, казенное и закончилось праздничнымъ обѣдомъ для кадетъ. Въ газетахъ оно описано подробно.

XIV.

То, что я пережилъ сегодня, кажется, долго не изгладится изъ моей памяти. На Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ Невскаго стояло круглое большое кирпичное зданіе панорамы съ стеклянною крышею на желѣзныхъ стропилахъ. Зданіе это отслужило свой короткий вѣкъ и было продано на сломъ. При разборкѣ его крыша рухнула и убила нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Происшествіе это надѣлало много шума, и о немъ заговорили и газеты, и общество, а на мѣсто происшествія полетѣли судебныя власти. Общественное мнѣніе ругнуло архитектора-строителя и подрядчиковъ. Убитыхъ рабочихъ убрали и свезли въ покойницкія для обычнаго судебно-медицинскаго вскрытія, а на мѣсто несчастія стала толпами стекаться праздная публика, но уже ничего она тамъ не находила, кромѣ двухъ-трехъ желѣзныхъ стропилъ и груды кирпичей.

Объ этомъ несчастіи прочиталъ въ газетахъ за утреннимъ чаемъ и никакъ не подозрѣвалъ, что въ этомъ печальномъ событіи придется играть нѣкоторую роль и быть свидѣтелемъ глубокаго трагизма и мнѣ.

Часовъ около двѣнадцати дня, или немножко попозже, сидѣлъ я въ редакціи и прочитывалъ послѣднія иностранныя газеты, которыя редакціями получаютъ безъ цензурной «икры». Подходить ко мнѣ лакеи и говорить, что звонятъ въ телефонъ и просятъ кого-либо изъ сотрудниковъ. Я подошелъ къ аппарату и слышу незнакомый голосъ:

— Пришлите опытнаго репортера на Фонтанку, въ домъ № 00.

— Зачѣмъ? Кто говоритъ?

— Нужно. Насчетъ панорамы, на которой людей убило. Нуженъ репортеръ опытный...

— А вы кто?

— Послѣ узнаете... А впрочемъ, скажу и теперь. Я подрядчикъ. Я разбиралъ эту самую крышу и это моихъ людей убило...

— Такъ что же вамъ собственно угодно?

— Въ газетахъ написана неправда, а я хочу, чтобы правду.

Пришлите опытнаго...

— Хорошо. Я сейчасъ къ вамъ приѣду. Повторите адресъ.

— А вы кто?

— Репортеръ.

— Опытный?

— Опытный.

— Тогда прїѣзжайте. А ежели неопытный, то не надо: я въ другую газету позвоню...

Послѣдовалъ отбой, а затѣмъ новый сильный звонокъ.

— Что еще?—спросилъ я.

— Вы не сумнѣвайтесь. Я вамъ за ваши труды заплачу.

— Платить мнѣ не нужно. Мнѣ заплатитъ редакція.

— Ну, все равно. Какъ хотите. Я заплачу, чтобы въ газетѣ напечатали. Если вамъ брать не велятъ, такъ я самой газетѣ заплачу, чтобы напечатали. Такъ прїѣдете?

— Если будете говорить о платѣ, то не поѣду.

— Ну, все равно, дома у меня сторгуемся... Только чтобы опытный...

Трясаясь на извозчикѣ по набережной Фонтанки, я раздумывалъ надъ необычайнымъ приглашеніемъ. Несчастіе уже было описано въ газетахъ; стало быть, репортеры дѣло свое уже сдѣлали. Странно то, что приглашаетъ репортера самъ подрядчикъ, судя по всему, человѣкъ простой и не особенный поклонникъ гласности. И для чего собственно понадобился ему именно репортеръ и при томъ такой, которому можно заплатить? Я знаю, что репортеры мелкой прессы иногда берутъ; но въ такомъ случаѣ ему и слѣдовало бы обратиться именно туда, а не въ нашу редакцію, которая сама очень щедро платитъ за все... Не понадобилось ли подрядчику облить себя и доказать свою невинность путемъ печати? Можетъ быть, онъ во всемъ этомъ несчастномъ происшествіи и въ этихъ смертяхъ рабочихъ дѣйствительно не виноватъ нисколько, а между прочимъ общественное мнѣніе, привыкшее обвинять въ такихъ случаяхъ архитекторовъ, инженеровъ и подрядчиковъ, сваливаетъ всю вину именно на него — и ему тяжело? Что онъ хочетъ заплатить репортеру и даже газетѣ — меня нисколько не удивляетъ: онъ — человѣкъ коммерческій и мѣряетъ деньгами все. Кромѣ того, я уже привыкъ къ тому, что къ намъ въ редакцію нерѣдко являются авторы статей и въ особенности стихотвореній и предлагаютъ газетѣ плату за то только, чтобы увидѣть себя въ печати.

Добрую половину набережной Фонтанки мы уже проѣхали. Все чаще и чаще стали попадаться дома небольшіе и непохожіе на дворцы центральной части города. Я рисовалъ себѣ подрядчика человѣкомъ бородатымъ, толстымъ, въ картузѣ и въ сапогахъ бутылками и непременно съ золотой, тяжелой цѣпью поперекъ объемистаго брюха. Еще не видя его, я уже представлялъ себѣ его не иначе, какъ несимпатичнымъ кулакомъ. Но я ошибся. Подѣхали мы съ извозчикомъ къ небольшому домику довольно грязной внѣшности и съ порядочно грязнымъ дворомъ. Искать квартиру, указанную по телефону, пришлось довольно долго въ какихъ-то закоулкахъ съ темными, грязными и скользкими отъ

пролитыхъ помоевъ лѣстницами. Самая квартира, въ которую я вошелъ, поразила меня своею бѣдностью, ситцевыми занавѣсками и грязью. На полу стояло корыто, и въ немъ спалъ завернутый въ засаленное одѣяло изъ ситцевыхъ кусочковъ ребенокъ. Около него копошилась простая грязная баба съ другимъ ребенкомъ на рукахъ. Комнаты были маленькія и пропитанныя какимъ-то неприятнымъ запахомъ.

Встрѣтилъ меня небольшой и тщедушный, средняго рода человѣчекъ съ заплаканными глазами. Похожъ онъ былъ на рабочаго. Волосы и борода были всклокочены, и весь онъ и лицомъ, и походкой производилъ впечатлѣніе человѣка испуганнаго и растерявшагося.

— Вы звонили по телефону и просили пріѣхать... — началъ было я.

— Вы, стало быть, репортеръ? Очень пріятно. Пожалуйста сюда, а то здѣсь грязно.

Онъ провелъ меня въ слѣдующую, тоже маленькую комнату, но немного почище первой и съ круглымъ столомъ, покрытымъ запятнанной скатертью.

— Садитесь пожалуйста.

— Въ чемъ дѣло?

— Слыхали, какое несчастіе случилось? Знаете?

— Знаю.

— Вотъ то-то и оно! Горе-то, горе какое... И не думалъ, и не гадалъ... А скажите пожалуйста за что? Чѣмъ я передъ Господомъ Богомъ согрѣшилъ? Жилъ я, можно сказать, тихо, никого не обижалъ...

— На что собственно я вамъ понадобился?—перебилъ я.

— Насчетъ газетъ понадобились. Въ газетахъ написано неправильно и выходитъ, будто я виноватъ во всемъ, а я—ни Боже мой. Я во всю свою жизнь, можно сказать, мухи не обидѣлъ. Вся сила въ томъ, что панорама построена нахально... Она не такъ построена, какъ надо...

— По строительной части я ничего не понимаю,—снова перебилъ я.—Говорите прямо, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ...

— Чѣмъ полезенъ? А вотъ чѣмъ. Скажите пожалуйста, чѣмъ я-то виноватъ въ этой исторіи? Сколько народу безвиннаго перебито! Страшно даже подумать... А все—будто бы я...

Подрядчикъ заморгалъ ушащенно глазами, закрылъ лицо обѣими руками и заплакалъ, встряхивая плечами. Слезы его показались мнѣ искренними и мнѣ стало жаль его. Вытеревъ лицо ладонью и высморкавшись на полъ, онъ нродолжалъ:

— Вы послушайте, какъ я вамъ разскажу, и такъ и напечатайте въ газетѣ. Тогда будетъ правда настоящая. А то, что написано,—это неправильно, и страдаю я напрасно... Можно сказать,

всю свою жизнь ничего въ ротъ не бралъ, а теперь съ горя выпилъ... Понимаете вы это?

Тутъ только я замѣтилъ, что онъ слегка на взводѣ, и тотчасъ же слезы его показались мнѣ не нормальными, а вызванными и потрясеніемъ и алкоголемъ—и мнѣ стало жаль его еще болѣе.

— Вотъ поглядите, я сейчасъ вамъ нарисую,—продолжалъ онъ, вынувъ изъ кармана засаленную записную книжку и огрызокъ карандаша.—Тамъ, на крышѣ, въ панорамѣ этой, желѣзныя стропила положены не какъ слѣдуетъ, а черезъ одну... Оттого онѣ и провалились. Поняли?

— Нѣтъ, не понялъ...

— Ну, погодите, я вамъ лучше нарисую.

Густо послюнивъ карандашъ, онъ снова началъ чертить какіе-то іероглифы.

— Это вотъ посрединѣ—кругъ и отъ него во всѣ стороны идутъ желѣзныя стропила... Понимаете теперь? Только идутъ они не рядомъ, не одно за другимъ, а черезъ одно... Построено совершенно нахально. Какъ только рабочіе сняли одну балку, такъ прочія полетѣли внизъ... Теперь поняли?

— Къ сожалѣнію, и теперь плохо понимаю...

— Ахъ, ты Господи, незадача какая! Вѣдь говорилъ я, чтобы прислали репортера опытнаго! Ну, какъ я вамъ въ голову втолкую?

— Я васъ предупредилъ, что я въ строительномъ дѣлѣ ничего не понимаю,—обидѣлся я.—Поэтому самое лучшее—распрощаться съ вами и уѣхать. Если все дѣло—въ балкахъ и въ стропилахъ, то вы обратитесь къ инженеру или къ архитектору. Пусть ояъ вамъ напишетъ то, что нужно, а вы пришлите или принесите въ редакцію. Если это будетъ статья дѣльная и если вы дѣйствительно неповинны въ несчастномъ случаѣ, то мы напечатаемъ. А теперь—будьте здоровы.

Подрядчикъ вскочилъ съ мѣста, испуганно замигалъ глазами и почти вскрикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, стойте... Куда же вы?.. Человѣкъ, можно сказать, погибаетъ и тонетъ, а вы отъ помощи отказываетесь... На васъ вся надежда... Это даже передъ Богомъ грѣшно... Пожалѣйте...

— Я вамъ вполне сочувствую и мнѣ жаль васъ. Но что же дѣлать, если мы другъ друга не понимаемъ?! Вѣдь съ такими чертежами и съ балками черезъ одну мы съ вами ни до чего не договоримся...

— Эхъ,—махнулъ онъ горестно рукою,—все это оттого, что я, грѣшнымъ дѣломъ, съ горя выпивши и языкъ не то говоритъ, что голова хочетъ... Будь я въ себѣ и при своемъ разумѣ, я сразу выложилъ бы передъ вами все, какъ на ладони... Вотъ что,

господинъ хорошій, не бросайте меня въ моемъ горѣ, поѣдьте вмѣстѣ со мною въ панораму. Вы тамъ посмотрите—и все сразу сами поймете... Отъ этого, можно сказать, вся моя жизнь зависитъ... Можетъ, когда вы правду истинную напишете, меня легче судить будутъ... Будьте благодѣтелемъ, поѣдьте... Вѣкъ свой буду за васъ Бога молить.

— Поѣдьте,—согласился я.—Только скорѣе. Время дорого.

— Сейчасъ, сію минуту. Только пальто и картузь надѣну.

Подрядчикъ завертѣлся и безтолково засуетился по комнатѣ.

Въ это время вошелъ рабочій—тоже съ вклокоченной головой и растеряннымъ взглядомъ.

— Это ты?—обратился къ нему подрядчикъ.

— Я... Тамъ анатомить кончили... Говорятъ, что теперь можно и панафиду...

— Панафиду?.. Да, да, панафиду... Ты ужъ похлопочи тамъ насчетъ панафиды безъ меня... Чтобы и свѣчи, и ладанъ, и все по православному. Я на панафиду не попаду—съ господиномъ на стройку ѣду... Пожалуйста постарайся... Надо, чтобы въ газетахъ пронечатали истинно, какъ оно было... Ты тамъ скажи, что хоронить буду я, за свои деньги... Не моя вина, самъ знаешь, а погребеніе пущай будетъ мое... По-христіански, по-Божьему... Такъ тамъ и объясни...

— Да кому объяснять-то?—замаялся рабочій.

— Все равно кому... Главное, чтобы знали, что похороны—мои, отъ меня...

— Некому объяснять... Деньжатъ надо бы...

— Денегъ? Много? Ну, вотъ тебѣ три рубля... Будетъ? Хватитъ?

— Маловато будто бы... Какъ-нибудь обойдемся... Не во время ты загулялъ...

— Загулялъ? Стрясись надъ тобою горе такое, ты развѣ не выпилъ бы?... Я вѣдь не отъ баловства, а отъ горя... Самъ видишь...

— Оно, положимъ,—согласился рабочій.

— Такъ похлопочи насчетъ панафиды... Ладонъ... Чтобы свѣчи... Пойдемте, господинъ хорошій. Смотри же, чтобы все было какъ слѣдуетъ...

— Ладно. Съ горя-то по дорогѣ въ трактиры не заѣзжай: послѣднюю голову потеряешь и господина даромъ замучаешь...

— Ни Боже мой!.. Какіе тутъ трактиры... Я не одинъ, а съ ними... Такъ похлопочи насчетъ панафиды...

Послѣ этого разговора между хозяиномъ и рабочимъ предстоящая перспектива улыбалась мнѣ мало. Я понялъ, что и подрядчикъ, и рабочій были страшно потрясены неожиданными смертями ближнихъ, что положеніе ихъ полно трагизма и что подряд-

L. Pauc

ГРАФЪ ЛЮДОВИКЪ ПАЦЪ.

чикъ, какъ человѣкъ слабый характеромъ, сейчасъ же прибѣгъ къ алкоголю. Теперь онъ былъ, если не пьянъ, то полупьянъ, но, можетъ быть, по дорогѣ на мѣсто происшествія очухается, и я дѣйствительно могу оказаться ему хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ. Но если онъ, какъ опасался рабочій, будетъ заѣзжать въ трактиры, то мнѣ придется съ нимъ разстаться, не сдѣлавъ ничего.

Выйдя на улицу, подрядчикъ нанялъ извозчика на панораму, и мы поѣхали. Усаживаясь рядомъ со мною, онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Вотъ сейчасъ сами увидите—и все поймете...

Два трактира мы миновали благополучно, но противъ третьяго подрядчикъ приказалъ извозчику остановиться.

— Я здѣсь слѣзу на минуточку, а вы будьте милостивы, подождите. Я въ одинъ моментъ... Можетъ быть, и вы рюмочку коньячку выпьете? У меня сердце горитъ... Какъ вспомню, что ихъ анатомили и внутренности наружу выворачивали, такъ у меня сердце и перевернется.

Я началъ было протестовать, но онъ скрылся въ дверяхъ заведенія. Я не зналъ что мнѣ дѣлать: оставаться на извозчикѣ, или же слѣзть и уйти. Послѣднее показалось мнѣ недобросовѣстнымъ. Къ тому же и желаніе посмотрѣть картину разрушенія большого зданія было любопытно. Пока я колебался, мой компаньонъ спѣшно выскочилъ изъ трактира и, что-то жуя, проговорилъ:

— Видите, не задержалъ... Теперь легче стало. Пошелъ!..

— Только пожалуйста въ слѣдующіе трактиры не заѣзжайте. Иначе я уйду.

— Ни Боже мой... Будьте спокойны...

Онъ повеселѣлъ, пріободрился и даже сталъ рассказывать, какъ произошло несчастіе, но не проѣхали мы и ста саженей, какъ онъ снова скомандовалъ:

-- Свороти-ка, любезный, въ переулокъ... Тамъ у меня двоюродный братъ живетъ... Надо будетъ ему документы изъ кармана на сохраненіе оставить... Всего одна минуточка...

Двоюродный братъ оказался живущимъ въ трактирѣ. Я началъ протестовать. Подрядчикъ сложилъ руки крестомъ на груди и самымъ убѣдительнымъ образомъ проговорилъ:

— Вы думаете, я пить? Ей же ей нѣтъ. Только документы за буфетъ отдать... Человѣкъ я слабый. Будьте добры и милостивы, зайдемъ вмѣстѣ, чтобы вы сами видѣли, что я только бумаги отдамъ... Зайдите для вѣрности... Благодарные мнѣ окажете... Отдамъ документы—и махнемъ на панораму.

Дѣлать нечего. Пришлось согласиться. Зашли. За буфетомъ дѣйствительно оказался какой-то родственникъ, которому подряд-

чикъ передалъ на сохраненіе свою записную книжку съ торчавшими изъ нея во всѣ стороны разноцвѣтными клочками бумаги.

— Сбереги, Вася, пожалуйста,—попросилъ онъ буфетчика.— Горе-то какое, а? Слышалъ небось? Вотъ съ господиномъ репортеромъ ѣду: въ газетахъ будемъ писать... Дай намъ по этому случаю но рюмочкѣ коньяку, только покрупнѣе... Будьте милостивы, чокнитесь, перепрокиньте...

Отказавшись наотрѣзъ, я сталъ прощаться.

— Куда же вы?—опять испугался подрядчикъ.—А панорама.

— Такъ мы съ вами и до ночи не доѣдемъ. Будьте здоровы.

— Голубчикъ, господинъ хорошій... Вы же хотѣли мнѣ помочь... Засудятъ вѣдь меня... Помогите...

— И въ самомъ дѣлѣ, сударь,—обратился ко мнѣ буфетчикъ:—помогите ему, если вы можете написать въ газетахъ... Отдѣльный кабинетикъ съ нимъ займите... Человѣкъ—въ напасти и вѣрно съ самаго утра только пилъ, а ничего не ѣлъ... Селяночку подамъ... Рыбка самая свѣжая, малосольная...

— Окажите благодареніе,—взмолился и подрядчикъ.—Вася, дай-ка мнѣ еще...

Я положительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. И жалъ мнѣ было бѣднаго загулявшаго подрядчика и страшное зло брало меня на то, что онъ такъ слабъ, и на всю обстановку. А онъ, между тѣмъ, выпивъ налитую рюмку, бодро и радостно заговорилъ:

— Именно, Вася, именно, съ утра маковой росинки не было... Селяночку покислѣе... Поѣмъ, отойду и все имъ какъ слѣдуетъ расскажу, а они напишутъ... Въ кабинетъ мы послѣ, а покамѣстъ—къ окошечку за этотъ столикъ сядемъ... Милости просимъ, пожалте, садитесь... Безъ васъ, господинъ хорошій, меня засудятъ и сошлютъ, а я—какъ передъ Богомъ—не виновать... Постройка нахальная... Вася, ты намъ водочки, семушки, грибка, огурчика... Садитесь...

Я все еще колебался и съ жалостью смотрѣлъ на него, но въ то же время серьезно помышлялъ о бѣгствѣ. Грубо оборвать и прямо уйти казалось мнѣ неделикатнымъ: человѣкъ и безъ того убитъ и разстроенъ. Къ тому же онъ рассчитывалъ такъ довѣрчиво на мою помощь. А чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть, правдивымъ освѣщеніемъ факта въ печати я могъ бы оказать ему, темному человѣку, хоть маленькую услугу. Я остановился на мысли оставить ему свой адресъ и посоветовать пріѣхать ко мнѣ на квартиру, когда онъ отрезвится. Но я не успѣлъ привести свои мысли въ исполненіе. Подрядчикъ положилъ на столъ руку, легъ на нее вискомъ и—заснулъ. Я взялся за шанку и направился мимо буфета къ выходу. Буфетчика за стойкой уже не было: онъ ушелъ заказывать селянку. Двое половыхъ смотрѣли на меня равнодушно и устало. На улицѣ извозчикъ, увидѣвъ меня одного, освѣдомился о судьбѣ моего компаньона.

— Онъ заснулъ,—отвѣтилъ я и не безъ грусти направилъ стопы къ дому. Уже была пора обѣдать.

Вотъ онъ типъ настоящаго русскаго, слабаго и робкаго чело-вѣка! Свалилась на голову бѣда, въ которой онъ вовсе не виноватъ—и онъ, вмѣсто того, чтобы защитить себя, первымъ дѣломъ прибѣгаетъ къ чарѣ зелена вина и этимъ, можетъ быть, губить и себя, и дѣло, и самую защиту, и возможность во время оправдаться. Это ли не трагедія?..

XV.

Беллетристъ Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ умеръ душевно-больнымъ и покончилъ съ собою трагически. За послѣдніе дни его земного бытія потребовался за нимъ такой же тщательный уходъ и бдительный надзоръ, какой сопровождаетъ печальное существованіе сумасшедшихъ. Но дѣло не обошлось безъ грѣха: за нимъ не досмотрѣли. Онъ ухитрился выбѣжать на площадку лѣстницы, перевѣсился черезъ перила и бросился головою внизъ. Подняли его уже мертвымъ. Такова повѣсть, облетѣвшая весь Петербургъ въ день его смерти. Отпѣвали его на Волковомъ кладбищѣ и опустили въ могилу на Литераторскихъ мосткахъ. Провожавшихъ было порядочно, и большинство изъ нихъ были поклонники и въ особенности поклонницы покойнаго писателя. Преобладала молодежь. На могилѣ, какъ и подобало, произносились рѣчи. Въ нихъ была искренность, была и дѣланность. Послѣдняя особенно рельефно выступала въ словоизверженіяхъ поэтовъ, изъ числа которыхъ въ этомъ отношеніи отличился поэтъ Минскій (Виленинъ). Я—не юдофобъ, но этому поэту, право, посовѣтовалъ бы воздержаться отъ надгробныхъ рѣчей: до того онъ былъ некрасивъ на могилѣ Гаршина, до того онъ чувствовалъ себя актеромъ на театральныхъ подмосткахъ, до того видно было, что онъ произноситъ рѣчь не въ силу потребности души, но для того лишь, чтобы на могилѣ Всеволода Гаршина отрекомендоваться, что онъ есть не кто иной, какъ поэтъ Минскій. Гимназисты и гимназистки, бывшіе на похоронахъ, должны были узрѣть его фигуру съ высоты могильной насыпи, плѣниться его надгробнымъ стихотвореніемъ и узнать, что онъ—есть онъ. Жаль и даже досадно было смотрѣть на него въ это время. Весь онъ былъ дѣланный. Читалъ онъ свои собственные стихи, въ которыхъ онъ, конечно, оплакивалъ Гаршина. Стихи были не очень высокой пробы, но жалостные, а, стало быть, и прочесть ихъ надобно было жалостно для того, чтобы порисоваться передъ молодежью. По смыслу стихотворенія нужно было «уронить слезу», но настоящихъ слезъ на глазахъ, какъ на грѣхъ, не было. Онъ скорчилъ гримасу, надулся, запыхтѣлъ и зажмурился, но слезъ все нѣтъ. Получилась одна только типичная еврейская фізіономія. Чтобы помочь горю, онъ началъ послѣ

каждой строки дѣлать паузы, какъ будто его «душать слезы»,— но и тутъ ничего не выходило. Чувствовалъ онъ это и самъ... Между тѣмъ стихотвореніе подходило къ концу, а добиться желаемого «слезнаго» эффекта все-таки нужно было во что бы то ни стало, иначе поэтъ рисковалъ потерпѣть передъ публикой фіаско. Что было дѣлать? Надо было собрать послѣднія силы и дѣйствовать во всю. Онъ такъ и поступилъ. Онъ поднесъ руку къ глазамъ, закрылся ею, будто бы отъ слезъ, но такъ, что изъ-подъ ладони могъ свободно читать по бумажкѣ, надулся, взвизгнулъ и патетически крикнулъ:

— «Безъ тебя намъ стыдно жить!..»

Кое-гдѣ послышался смѣхъ, а какой-то господинъ въ сорочкѣ съ косымъ воротомъ довольно громко и демонстративно проговорилъ:

— Вѣр-р-р-но! А съ такими виршами выступать еще стыднѣе!..

Но поэтъ сдѣлалъ видъ, будто бы не слышалъ этого возгласа и сходилъ съ могильнаго помоста съ такою улыбкой, какой плохіе актеры благодарятъ публику за жиденькіе аплодисменты.

Сказалъ надгробное слово и Максимъ Вѣлинскій (Іеронимъ Ясинскій). Взобрался онъ на помость съ трудомъ, пыхтя и задыхаясь отъ тучности. Говорилъ онъ скромно, безъ аффектаціи, но вся его рѣчь сводилась къ одному: ряды наши рѣдѣютъ, съ каждымъ днемъ насъ становится все меньше и жить намъ дѣлается тяжелѣе. Трудно намъ жить, но еще труднѣе намъ писать. Мы и т. д. Однимъ словомъ «мы»...

Досталось и ему, бѣдному, на орѣхи: кто-то въ толпѣ жалостно замѣтилъ:

— И чего онъ лѣзетъ съ такою одышкой!..

XVI.

Умеръ много лѣтъ сидѣвшій въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ. Знавалъ я его при жизни и много разъ видѣлъ во времена своего студенчества. Относился онъ къ московскимъ студентамъ хорошо и съ большимъ тактомъ. Студенты, въ свою очередь, каждый годъ приглашали его почетнымъ гостемъ на «студенческій балъ», гдѣ всегда составляли вокругъ него цѣпь. Онъ обходилъ раза два вкругъ всей большой залы московскаго дворянскаго собранія и, оказавъ такимъ образомъ своимъ визитомъ студенчеству вниманіе, уѣзжалъ ранѣе полночи, а молодежь продолжала веселиться до утра.

Умеръ онъ въ Парижѣ и когда тѣло его привезли въ Петербургъ для погребенія въ фамильномъ склепѣ, то я почувствовалъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы встрѣтился съ прахомъ своего давняго, хотя и отдаленнаго знакомаго. Фамильный склепъ Долго-

руковыхъ помѣщается на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Похороны, какъ и подобаетъ, сопровождались воинскими почестями и залпами, но были очень обыкновенны, чинны и даже сухи. Умри онъ въ Москвѣ—его похоронили бы иначе. За гробомъ шли высокопоставленныя гражданскія и военныя лица. Было не мало дамъ изъ большого свѣта, и всѣ онѣ были, конечно, въ глубокомъ траурѣ. Однѣ шли пѣшкомъ, другія же ѣхали въ экипажахъ, составлявшихъ довольно длинный кортежъ. Лица у всѣхъ были, если не траурныя, то во всякомъ случаѣ соотвѣтственныя обстановкѣ.

Въ одной изъ каретъ ѣхала какая-то великосвѣтская дама, не особенно молодая. Она очень заинтересовала насъ, репортеровъ, и всѣхъ, кто ее видѣлъ, своею набожностью. Сколько разъ мы и товарищамъ ни приходилось заглядывать случайно и нарочно въ окно ея кареты, оказывалось, что она усердно и безъ перерыва молится по маленькому карманному молитвеннику и ничѣмъ не развлекается. Такъ продолжалось всю дорогу до самого кладбища. Все время выраженіе лица ея было благочестиво и полно молитвеннаго настроенія. Выходя у воротъ кладбища изъ кареты, она спрятала молитвенникъ въ карманъ и пошла вслѣдъ за другими за гробомъ, стараясь итти какъ можно ближе къ браннымъ останкамъ. Подошли къ склепу, который представляетъ собою очень часто встрѣчающійся въ Петербургѣ типъ небольшого грота, сложеннаго изъ гранитныхъ камней. На днѣ грота было открыто отверстіе, ведущее въ подземелье съ гробами. Весь гротъ обнесенъ желѣзной рѣшеткой, за которой могло помѣститься не болѣе девяти-десяти человѣкъ. Внесли за рѣшетку гробъ съ тѣломъ князя, вошло духовенство, и затѣмъ остальное тѣсное пространство заняли люди, близкіе къ покойному. Въ числѣ ихъ была и великосвѣтская дама, о которой идетъ рѣчь. Остальная толпа размѣстилась внѣ рѣшетки.

Тѣло опустили въ могилу. Дьяконъ провозгласилъ «вѣчную память». Присутствовавшіе стали креститься, а дамы сочли за нужное, какъ того требуетъ этикетъ, поднести къ сухимъ глазамъ платки. Благочестивая дама также полѣзла въ карманъ и, вынимая платокъ, выронила свою книжечку — молитвенникъ. Въ тѣснотѣ въ этотъ моментъ поднять его было невозможно. Для этого нужно было дождаться конца церемоніи. Но, къ общему удивленію, дама, вмѣсто того, чтобы поднять свой молитвенникъ, наступила на него ногою и начала потихоньку запихивать его носкомъ ботинки въ щель между двумя ближайшими памятниками, стараясь при этомъ дѣлать это какъ можно незамѣтно. Но это ей не удалось, несмотря на всѣ ея старанія. Тогда она сдѣлала глазами едва уловимый знакъ стоявшему подлѣ нея молодому человѣку и уступила ему свое мѣсто. Тотъ въ свою очередь сначала наступилъ на

книжку ногой, а потомъ сталъ тоже толкать ее кончикомъ сапога въ ту же щель. Но и ему это не удалось. Въ это время погребеніе уже кончилось и надо было очистить мѣсто могильщикамъ. Всѣ вышли изъ-за рѣшетки, и молитвенникъ такъ и остался на мѣстѣ. Очевидно, его оставили на произволъ судьбы. Публика стала расходиться. Начались взаимныя прощанія, и всѣ стали разъѣзжаться. Улучивъ минуту, я зашелъ за рѣшетку и поднялъ книжку. Взглянувъ на обертку, мы, репортеры, сразу всѣ расхохотались. Набожная дама благочестиво молилась въ каретѣ по итальянской скабрёзной книжечкѣ. На оберткѣ былъ рисунокъ, изображающій молодую голоногую даму, сидящую въ своемъ будуарѣ верхомъ на стулѣ въ самой вызывающей позѣ. Заглавіе гласитъ: «*I pescatti de una bella donnina*», т. е. «Прегрѣшенія миленькой барыньки». Само собою разумѣется, что дама о своей потерѣ предержащимъ властямъ не заявляла, и книжка осталась у меня... на память.

XVII.

Вблизи Московской заставы стоитъ Воскресенскій женскій монастырь, который въ Петербургѣ почему-то принято и печатно и устно называть Новодѣвичимъ. Название это невѣрно и не мало волнуетъ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, который при неоднократныхъ встрѣчахъ со мною всякій разъ заводилъ одну и ту же рѣчь:

— Почему въ газетахъ все пишутъ: Новодѣвичій? Какой онъ Новодѣвичій монастырь?—тотъ въ Москвѣ. Пишите всегда правильно, а именно Воскресенскій женскій монастырь.

Но рвеніе отца іерея пропало даромъ. Ему не вняли, и монастырь попрежнему ходитъ въ устахъ и въ печати подъ неправильною кличкой. Монастырь этотъ очень богатъ и живетъ, помимо вкладовъ и капиталовъ, главнымъ образомъ своимъ аристократическимъ кладбищемъ, вѣчное упокоеніе на которомъ стоитъ очень крупныхъ денегъ, даже въ самомъ отдаленномъ углу. Между прочимъ за послѣднее время кладбище это расширилось покупкою новаго клочка земли, что само по себѣ указываетъ на благотворное воздѣйствіе смертности на монастырскую казну.

Обитель сія купила за Московской заставой, или, кажется, около нея, мѣсто для возведенія монастырской школы. Закладка зданія совершена была съ великимъ торжествомъ. Изъ монастыря двинулся крестный ходъ, въ которомъ управляющій канцеляріей святѣйшаго синода Владимиръ Карловичъ Саблеръ — первое лицо послѣ К. П. Побѣдоносцева—самолично несъ икону. Игуменья монастыря, дебелая, упитанная и важная мать Валентина, блиставшая золотымъ крестомъ на груди, молилась на насыни фундамента такъ величественно, что хоть отбавляй. Съ нею рядомъ молилась

приѣхавшая съ Кавказа игуменья грузинскаго монастыря св. Нины (приѣхала за подаяніемъ). Въ сравненіи съ Валентиной она казалась убогою, захудалою монашенкой съ восточнымъ, горбатымъ носомъ. Тутъ же была и черномазая дѣвица, по имени Марія, вывезенная кѣмъ-то изъ Абиссиніи и отданная временно на жительство въ монастырь. Она выдавалась своей соломенной шляпой и рванными ушами. Она, дополняя собою духовное торжество, обращала на себя всеобщее вниманіе. За что и кѣмъ у нея были изуродованы и разорваны мочки ушей—сказать трудно. Вѣроятно, это—слѣды любезности какого-нибудь абиссинскаго кавалера, сорвавшаго съ нея серьги. Въ это время, какъ разъ, общественное мнѣніе было занято абиссинскими подвигами вольнаго казака Ашинова.

На закладкѣ было не мало представителей и представительницъ большого свѣта. Былъ между прочимъ камергеръ Константинъ Константиновичъ Случевскій, были и другія важныя лица, которыхъ я не называю, потому что въ этой повѣсти они роли не играютъ.

Закладка окончилась, и крестный ходъ двинулся обратно въ монастырь. Въ монастырѣ, въ келіи игуменьи Валентины для высокопоставленныхъ лицъ былъ сервированъ монашескій столъ, куда и были приглашены всѣ именитыя персоны. Затесались туда незванные-непрошенные и два газетныхъ сотрудника—я и еще одинъ репортеръ изъ «Сына Отечества». Сначала мы оба думали было освободить себя отъ этой тяготы, но потомъ, посовѣтовавшись между собою, рѣшили остаться, предполагая, что за трапезой будутъ рѣчи, интересныя для газетъ. Приглашены мы не были, поэтому положеніе наше было очень неловкое. Но назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.

Во всю длину келіи, которую въ мірѣ можно было бы назвать большою залой, протянулся прекрасно сервированный столъ, замѣчательный однако тѣмъ, что на немъ не было ни одной бутылки вина, но зато блестяло нѣсколько хрустальныхъ графиновъ съ прекраснымъ монастырскимъ квасомъ. Для утѣшенія мірянъ въ сторонкѣ стоялъ второй столъ съ водками и закусками. Столъ этотъ соблазнялъ всѣхъ присутствовавшихъ, порядочно проголодавшихся во время церемоніи. К. К. Случевскій, усладившись шедшей въ это время натянутой бесѣдой о предстоящемъ престольномъ праздникѣ, повидимому, потерялъ терпѣніе и, указывая на боковой столъ, дерзнулъ сказать:

— Что же, пора бы уже, кажется, и приступить?!

Но одинъ изъ присутствовавшихъ іереевъ степенно и строго замѣтилъ:

— Безъ благословенія нельзя. Слѣдуетъ предварительно молитву прочесть.

Молитвы этой за отсутствіемъ игуменьи, переодѣвавшей рясу, пришлось ждать еще минутъ десять. Наконецъ она явилась, и молитва была прочтена. Водки и закуски опустошены были быстро. Всѣ, въ томъ числѣ и мы съ товарищемъ, сѣли за столъ. Игуменья Валентина изрѣдко бросала на насъ косые вопросительные взгляды, въ которыхъ мы ясно читали: «Что это за незнакомые люди? Какъ они сюда затесались?»—Это насъ еще болѣе конфузило, но мы рѣшили терпѣть до конца, въ надеждѣ, что кѣмъ-либо будетъ произнесено: «слово о значеніи вновь устрояемой школы», о ея цѣляхъ, средствахъ и т. д. Но уха слѣдовала за кулебякою, отварная рыба за ухюю, а рѣчи говорить, по всѣмъ видимостямъ, никто не собирался,—можетъ быть, потому еще, что къ застольнымъ рѣчамъ располагаютъ вина, а ихъ-то здѣсь и не было. Гостямъ былъ предоставленъ только квасъ.

Съ этимъ-то квасомъ и случилась исторія. Послѣ рыбы и сухихъ взглядовъ игуменьи у насъ съ товарищемъ явилось желаніе промочить горло. Я протянулъ руку къ графину, стоявшему между моимъ приборомъ и приборомъ моей визави — аристократки съ громкимъ именемъ — и наполнилъ стаканы себѣ и коллегѣ. Выпили мы съ наслажденіемъ. Но зато какъ посмотрѣла на меня великосвѣтская дама! Какимъ взглядомъ укоризны окинула она меня за дерзость, съ которою я позволилъ себѣ взять графинъ, предназначавшійся, какъ оказалось потомъ, собственно для нея! Онъ, этотъ графинъ, составлялъ принадлежность ея прибора и вовсе не предназначался для сосѣдей!.. Кромѣ того, я, какъ оказалось, совершилъ безтактность, за которую въ большомъ свѣтѣ строго наказываютъ. Игуменья, въ свою очередь, окатила меня свирѣпѣйшимъ взглядомъ...

Намъ съ товарищемъ стало одновременно досадно. Что въ самомъ дѣлѣ за чертовщина! Мы явились на этотъ глупый обѣдъ не для собственнаго удовольствія, а по порученію редакцій и не для себя, а для того, чтобы та же Валентина прочла завтра въ газетахъ о своемъ духовномъ торжествѣ и та же аристократка встрѣтила свое имя въ печати. За что же насъ, людей, явившихся не по собственной волѣ, а по обязанности, награждаютъ такими убійственными взглядами?! Всему есть мѣра. Человѣческое достоинство оскорбляется...

Мы шепнули другъ другу: «пойдемте», встали изъ-за стола, не дождавшись конца длиннаго обѣда, и ушли, глубоко обиженные въ душѣ. Но едва мы вышли изъ «келіи» на чистый воздухъ и сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ, какъ намъ стало вдругъ ужасно весело, и мы оба расхохотались и хохотали долго, произнося хвалебные гимны квасу.

Въ графинѣ, изъ котораго мы такъ дерзко выпили по стакану, подъ видомъ кваса было шампанское. Теперь мы поняли, что знали убійственные взгляды...

XVIII.

Быль въ Питерѣ созванъ первый пчеловодный съѣздъ. Созвало его російское общество пчеловодства. При съѣздѣ была устроена и пчеловодная выставка. Руководилъ всѣмъ дѣломъ астрономъ, онъ же и пчеловодъ, профессоръ петербургскаго университета Сергѣй Павловичъ Глазенапъ. Съѣздъ былъ многолюденъ. Пчеловоды съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи. Были даже пріѣзжіе и съ Кавказа. Засѣданія велись въ Соляномъ Городкѣ и сошли хорошо и гладко. Не мало было рѣшено вопросовъ, не мало намѣчено и новыхъ для будущихъ съѣздовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ числѣ членовъ этого всеросійскаго съѣзда были и люди интеллигентные, и простецы-мужики. Послѣдніе преобладали. Говорить красно они не умѣли, но зато познанія въ своемъ дѣлѣ выказывали удивительныя.

Когда съѣздъ кончился, составилось послѣднее, прощальное засѣданіе. Стали говорить рѣчи. Первымъ говорилъ, какъ и подобало, профессоръ Глазенапъ, а за нимъ и остальные ораторы. Когда интеллигентные ораторы кончили, одинъ изъ мужиковъ-простецовъ кашлянулъ, сталъ усиленно копать у себя за пазухой, вытащилъ оттуда измятый листокъ и прочелъ по нему слѣдующую благодарственную рѣчь:

— Позвольте и мнѣ сказать окончаніе дѣла. Черезъ съѣздъ мы, пчеловоды, собравшись, и держали рѣчь, и я теперь могу стать въ центръ себя и тоже сказать отъ себя. Съ искреннею любовію души моею подѣлиться намѣренія моего, всѣ другіе, чувствомъ тронутые. Давайте же дружныѣ, рука за руку цвѣсти, чтобы было значеніе съ пользой. Желательно соединиться въ одну семью примѣнительно. Желательно выразить благодарность русскому обществу пчеловодства за ихъ принятіе, гостепріимство и покровительство; особливо приняли насъ, малыхъ некрупновладѣльцевъ. Царскіе дворцы мы видѣли и всякое такое удивительное съ богатствомъ. Мнѣніе моего намѣренія такое: примите отъ насъ, пріѣзжающихъ, благодарность и обществу и намъ всѣмъ!..

Отвѣтомъ на эту безхитростную и симпатичную рѣчь послужили дружныя аплодисменты. Подобныхъ публичныхъ рѣчей я еще ни разу ни на какихъ засѣданіяхъ не слыхивалъ.

XIX.

Петербургъ долго хлопоталъ о томъ, чтобы засыпать рѣчку Лиговку, или, вѣрнѣе, вонючій Лиговскій каналъ. Если вѣрить знатоку старины М. И. Пылаеву, каналъ этотъ былъ прорытъ для питанія прудовъ Таврическаго дворца Петромъ Великимъ и въ первое время вода въ немъ была такъ чиста и хороша, что счи-

талась лучшею во всемъ Петербургѣ для самоваровъ. Теперь времена уже не тѣ: въ Лиговкѣ плаваютъ утки, и бабы полощутъ бѣлье, а подъ мостами скопляется всякая дрянь и соръ, отъ которыхъ несетъ страшной вонью. Каналъ Лиговскій замѣчателенъ также и однимъ изъ рѣдкихъ инженерныхъ сооружений, а именно—акведукомъ. Лиговка пересѣкаетъ почти перпендикулярно Обводный каналъ, но не смѣшиваетъ своихъ водъ съ его водами, а проходитъ по особому водопроводу, проложенному внутри каменнаго моста, перекинутого въ этомъ мѣстѣ черезъ Обводный каналъ. Мостъ этотъ въ мірѣ специалистовъ-техниковъ считается какимъ-то особеннымъ и замѣчательнымъ сооруженіемъ прежнихъ временъ.

Вопросъ о засыпкѣ Лиговки поднимался неоднократно и въ думѣ и въ печати. Въ думѣ особенно хлопоталъ о засыпкѣ гласный и заводчикъ Ф. Ф. Санъ-Галли и имѣлъ полное къ тому основаніе, такъ какъ его роскошный домъ выходитъ фасадомъ прямо на этотъ вонючій каналъ. Интересъ къ засыпкѣ былъ такъ великъ, что едва только дума рѣшила положительно лишь въ принципѣ какъ журналъ «Нива» поспѣшилъ уже дать на своихъ страницахъ рисунокъ прекрасныхъ бульваровъ, разведенныхъ и уже разросшихся на мѣстѣ Лиговки. Вскорѣ послѣ этого приступлено было къ работамъ по засыпкѣ, за которыя взялся какой-то инженеръ. Работы эти состояли въ томъ, что каналъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ запрудили, спустили воду и стали насыпать на обнажившееся, грязное дно слой песку, а на песокъ начали класть керамиковыя трубы сравнительно очень небольшого діаметра. Работы начались отъ Обводнаго канала, и начало ихъ было ознаменовано своеобразнымъ торжествомъ закладки въ тотъ моментъ, когда труба была доведена уже до больницы принца Ольденбургскаго. Закладка состояла въ томъ, что къ извѣстному часу прибылъ градоначальникъ Грессеръ, нѣсколько думцевъ и нѣсколько репортеровъ. Въ присутствіи всей этой компаніи было уложено нѣсколько керамиковыхъ звеньевъ и пазы между ними были залиты гудрономъ. Этимъ дѣло и закончилось. Черезъ нѣсколько времени, когда засыпка была почти уже закончена, а у больницы принца Ольденбургскаго торчало изъ земли отверстіе трубы, состоялось второе торжество—открытіе засыпанаго Лиговскаго канала. Собрались предрежащія власти, гласные думы и репортеры и сгруппировались у этого отверстія. Тутъ же находился и инженеръ-строитель. Когда наступилъ торжественный моментъ, инженеръ подаль условный знакъ по направленію къ Обводному каналу своему подручному, тотъ передалъ этотъ знакъ слѣдующему и т. д. Это значило, что настало время пустить по трубамъ воду. Скоро получился обратный условный знакъ, обозначавшій, что вода пущена. Всѣ почетные гости сгруппировались тѣснѣе и съ напряженіемъ стали ждать, когда изъ трубы покажется первая

струя воды. Инженеръ-строитель сталъ у самой трубы и, наклонившись надъ нею, вставилъ въ ея просвѣтъ кисти своихъ рукъ.

— Вотъ гдѣ надо грѣть руки!—произнесъ онъ.

— На такомъ хорошемъ дѣлѣ руки погрѣть можно,—послышался сдержанный, но довольно громкій голосъ кого-то изъ присутствующихъ.

Всѣ расхохотались. Инженеръ слегка сконфузился. Вышелъ каламбуръ. Инженеръ своею фразою хотѣлъ сказать, что воздухъ, вытѣсняемый изъ трубы хлынувшей въ нее водою гораздо теплѣе наружнаго осенняго воздуха. Невинная фраза эта однакоже подала поводъ къ довольно колкому каламбуру.

Торжество закончилось тѣмъ, что гласные думы сѣли въ заранее приготовленные вагоны конки съ надписью «заказные» и проѣхали въ нихъ вдоль по Лиговкѣ туда и обратно. Эта поѣздка обозначала, что отцы города обзрѣваютъ, хорошо ли произведена работа. Не думаю, чтобы они, лицомъ другъ къ другу въ закрытыхъ вагонахъ, что-нибудь увидѣли...

XX.

Военно-медицинская академія совершенно неожиданно понесла большую потерю. Заболѣлъ брюшнымъ тифомъ извѣстный гигиенистъ профессоръ А. П. Доброславинъ. Тифъ осложнился еще какимъ-то недугомъ—и онъ умеръ. Потеря эта дѣйствительно громадная. При жизни—сравнительно очень короткой—онъ написалъ много сочиненій и прочелъ не мало публичныхъ серьезныхъ и популярныхъ, платныхъ и бесплатныхъ лекцій и всюду проповѣдывалъ гигиеническую обстановку; главнымъ же условіемъ здоровья ставилъ чистоту окружающей человѣка обстановки. Злые языки между тѣмъ утверждали, будто у самого проповѣдника чистоты на черной лѣстницѣ квартиры лежитъ такая грязь, которая смѣло могла бы послужить прекрасной иллюстраціей къ его лекціямъ на тему: какъ не должно содержать квартиру. Можетъ быть, это была и правда, а можетъ быть и нѣтъ, но нѣтъ сомнѣнія, что если это и было, то Доброславинъ не вѣдалъ объ этомъ, потому что никогда не ходилъ по своей черной лѣстницѣ. Въ Петербургѣ это не рѣдкость. Я могу назвать сотни лицъ, которыя живутъ по нѣскольку лѣтъ въ одной и той же квартирѣ и о существованіи черной лѣстницы вспоминаютъ только тогда, когда отъ парадной двери потеряется ключъ, или сломается замокъ, или же случится что-либо, выходящее изъ ряда вонъ. Наконецъ, я самъ живу нѣсколько лѣтъ въ квартирѣ, лѣстница которой для меня служить единственной—и парадной, и черной, а для моихъ сосѣдей—визави—только черной, потому что у нихъ есть настоящая парадная, со швейцаромъ. Никогда ни одного изъ этихъ со-

сѣдей я не видывалъ на своей лѣстницѣ: видѣлъ только ихъ прислугу и не одинъ разъ страдалъ отъ кухоннаго чада, котормъ угощали меня и моихъ присныхъ сосѣдскія кухарки, растворяя свои черныя двери на мою «парадную» лѣстницу. Никто изъ этихъ сосѣдей, стало быть, не видѣлъ и той грязи, которая царитъ на ней вѣчно. Могъ, слѣдовательно, и Доброславинъ не знать о томъ, что у него дѣлается на задворкахъ. Но это, впрочемъ, только къ слову.

Умеръ онъ какъ разъ въ то самое время, когда находился на высотѣ своей широкой популярности, послѣ ряда интересныхъ лекцій въ Солянмъ Городкѣ и въ залѣ Кредитнаго общества. Некрологъ его въ газетѣ писалъ я, какъ сотрудникъ, напечатавшій цѣлую уйму отчетовъ о его лекціяхъ. Когда я явился на квартиру къ покойному за свѣдѣніями и за его портретомъ,—дѣло было позднимъ вечеромъ,—я засталъ тамъ цѣлый ареопагъ профессоровъ военно-медицинской академіи, которые встрѣтили меня очень любезно и сообщили мнѣ всѣ необходимыя біографическія данныя. Особенно много помогъ мнѣ профессоръ Сергѣй Владимировичъ Шидловскій, тоже гигиенистъ, занимающій очень почетное мѣсто на поприщѣ охраненія народнаго здравія, въ ряду гигиенистовъ. Съ научными трудами Доброславина я былъ знакомъ не вполне; въ некрологахъ же принято упоминать два-три сочиненія покойнаго, если они у него существуютъ. Поэтому я попросилъ гг. профессоровъ назвать мнѣ одно-два. Въмѣсто отвѣта С. В. Шидловскій развернулъ передо мою цѣлый печатный каталогъ, въ которомъ названія статей, брошюръ и сочиненій покойнаго на разныхъ языкахъ занимали нѣсколько страницъ.

— Выбирайте, какое вамъ будетъ угодно,—не безъ легкой ироніи прибавилъ С. В. Шидловскій.

Увидѣвъ такой длинный и обширный списокъ, я устыдился своего невѣжества...

Во время похоронъ за гробомъ Доброславина шло много публики и особенно учащейся молодежи обоего пола. На могилѣ говорились рѣчи. Похоронили его въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ композиторовъ Даргомыжскаго, Бородина и Лишина, но опустили въ землю не такъ-то скоро. Тѣло его было набальзамировано, и близкими были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы оно, лежа въ гробу, сохранилось, если не вѣчно, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно дольше. Поэтому его положили въ металлическій гробъ, который рѣшено было запаять, чтобы туда не попала ни одна гнилостная бактерія и не заползъ бы ни одинъ червякъ. По окончаніи духовной церемоніи и послѣ рѣчей, паяльщики отнесли гробъ въ сторону, на нѣсколько шаговъ отъ могилы, сняли крышку и тотчасъ приступили къ дѣлу. Завизжали два подпилка, очищавшіе на гробѣ и на крышкѣ мѣста для спайки, загудѣла жаровня,

нагрѣвавшая паяльники. Особое лицо съ серьезной миной и дѣловымъ видомъ наблюдало за тѣмъ, чтобы спайка была произведена какъ можно тщательно и чтобы наружный воздухъ не проникалъ къ покойнику отнынѣ и довѣка. Послѣ долгой и усердной работы тѣло запаляли герметически, какъ сардинку. Но всѣ эти хлопоты пропали даромъ. Оказалось, что упустили изъ виду двѣ большія круглыя дыры въ крышѣ, сквозь которыя пропущены толстыя проволоки, прикрѣплявшія обычный на гробахъ металлическій, вызолоченный крестъ. Спихнулись, когда было уже поздно. Каждая дыра была не менѣе дюйма въ діаметрѣ и запаять ее можно было не иначе, какъ только изнутри. Оторвать же крестъ, чтобы запасть ихъ теперь, было невозможно. Посудили, порядили, похвалили себя за догадливость и кончили тѣмъ, что опустили прахъ Доброславина въ могилу на сѣденіе тѣмъ гнилостнымъ бактеріямъ, противъ которыхъ онъ безпощадно вооружался при жизни. Но если эти незапаянныя двери озаботили живыхъ, то онѣ во всякомъ случаѣ должны доставлять удовольствіе самому покойнику: Доброславинъ такъ же, какъ и извѣстнѣйшій гигиенистъ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, при жизни проповѣдывалъ, что трупъ дѣлается тѣмъ безвреднѣе для живущаго въ мірѣ человѣчества, чѣмъ онъ скорѣе разложится и сгніетъ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра.

Возвращался я съ кладбища вмѣстѣ съ химикомъ, профессоромъ Александромъ Васильевичемъ Пелемъ, знаменитымъ по тому шуму, который надѣлалъ его сперминъ. А. В. Пель довезъ меня въ своей каретѣ до моей квартиры.

— Хорошій былъ человѣкъ Доброславинъ, — сказалъ онъ мнѣ по дорогѣ. — Жаль только, что онъ изъ науки сдѣлалъ доходную для себя статью и нерѣдко, ради своей выгоды, подтасовывалъ факты. Вспомните исторію съ маргариномъ...

Я закусилъ губу, чтобы не засмѣяться. Доброславинъ при жизни неоднократно отзывался объ А. В. Пелѣ такъ:

— Это—настоящій и самый патентованный дѣлецъ. Онъ прикрывается наукой, какъ щитомъ, чтобы лучше надуть публику своимъ сперминомъ. Лучше его никто не сумѣетъ подтасовать факты, лишь бы извлечь пользу для своего кармана...

Выходитъ, что своя своихъ не познаша...

XXI.

Исторія съ маргариномъ и исторія со сперминомъ—обѣ одинаково интересны и заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать два слова.

Начну съ маргарина. На Обводномъ каналѣ, недалеко отъ его впаденія въ одну изъ вонючихъ рѣчекъ, омывающихъ Екатерин-

гофъ, стоитъ маргариновый заводъ, нѣкоего Андерсена, снабжающій этимъ благодатнымъ продуктомъ не только Петербургъ, но и провинцію. Петербургскія бойни каждое утро доставляютъ на этотъ заводъ въ закрытыхъ фургонахъ массы всякаго скотскаго сала и жира, вмѣстѣ съ потрохами и всякой дрянью. На заводѣ рабочіе валятъ сало въ котлы, гдѣ оно нагрѣвается при помощи пара и затѣмъ изъ него прессованіемъ нагрѣтой массы въ особыхъ мѣшкахъ выдѣляютъ съѣдобное животное сало. Въ мѣшкахъ же остается негодный для внутренняго употребленія стеаринъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ ученые мужи и техники о производствѣ маргарина.

Долгое время и на заводѣ и на рынкахъ все шло прекрасно. Петербургъ превосходно ѣлъ маргаринъ въ видѣ подмѣсей къ коровьему маслу и въ чистомъ видѣ, думая, что это — масло. Торговцы не клали охулки на руку по части фальсификаціи и валили маргаринъ въ масло безъ церемоніи. Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, пока кому-то,—а кому, доподлинно не знаю—не вздумалось поднять голосъ противъ маргарина. Газеты забили въ набатъ, общество насторожилось, «Новое Время», по личному распоряженію А. С. Суворина, стало ежедневно печатать свое знаменитое «Memento» объ опасности маргарина для общественнаго здоровья, на андерсеновскій заводъ нагрянули санитарныя власти (въ томъ числѣ и профессоръ А. В. Пель)—и пошла писать губернія. Маргарину была объявлена открытая и при томъ беспощадная война.

Дѣло, между прочимъ, заключается въ слѣдующемъ. Всѣ мы ѣдимъ животные жиры и не морщимся. Если бы кухня держалась на одномъ только чистомъ коровьемъ маслѣ, то нашъ столъ стоилъ бы втрое дороже. Хорошія хозяйки, купивъ на рынкѣ мясо съ жиромъ, ежедневно вытапливаютъ сало и даже утверждаютъ, что картофеля нельзя пожарить иначе, какъ «на салѣ»; пирожки во фритюрѣ, рыба-кольбѣръ, оладьи и т. п. должны обязательно жариться въ кипящемъ салѣ. Сало уступаетъ коровьему маслу только тѣмъ, что въ составъ его входитъ плохо усвояемая желудкомъ стеариновая кислота. Французскій химикъ Межь-Мурье нашелъ способъ удалять заводскимъ и фабричнымъ путемъ эту ненужную для организма кислоту. Послѣ его операцій надъ жиромъ остаются только удобоваримыя олеиновая и другія кислоты, входящія также и въ составъ коровьяго масла. Этотъ-то продуктъ химика Межь-Мурье, имѣющій видъ топленаго коровьяго масла, и былъ названъ маргариномъ. Будучи прекраснымъ и недорогимъ пищевымъ веществомъ, маргаринъ нашелъ себѣ широкое примѣненіе во всей Европѣ и его расхвалили такъ, что многіе петербургскіе первоклассные рестораны, а за ними и наши богатые дома стали выписывать изъ Франціи маргаринъ и ѣсть его подъ именемъ французскаго масла. Но этотъ маргаринъ имѣетъ очень

мало общаго съ тѣмъ маргариномъ, которымъ кормить петербуржцевъ заводъ Андерсена.

Появленіе въ Петербургѣ самостоятельнаго маргариноваго завода, съ коммерческой точки зрѣнія, понятно само собою и андерсеновская фабрикація шла очень успѣшно до тѣхъ поръ, пока не пошло на маргаринъ гоненіе, къ слову сказать, вполне заслуженное. Профессоръ А. В. Пель при обзорѣ завода выудилъ изъ котла кусокъ какого-то животнаго органа съ заключавшимися въ немъ животными же нечистотами, замуrowалъ его въ глицеринъ или въ какую-то уплотняющую жидкость и демонстрировалъ его повсюду, какъ доказательство того, что на заводѣ Андерсена изготовляется продуктъ вредный. Другимъ санитарамъ тоже удалось вытащить кое-что изъ заводскихъ котловъ. Но все это служило пока еще только уликою въ нечистоплотности; главное же обвиненіе, предъявленное заводу, заключалось въ томъ, что онъ изготовляетъ не настоящій и безвредный маргаринъ Межъ-Мурье, а какую-то дрянъ и притомъ—вредную дрянъ. Отсюда и загорѣлся весь сыръ-боръ. «Новое Время» стало метать громы и молніи; публика вдругъ начала чувствовать изжогу и другіе признаки отравленія; досужіе языки заговорили, будто бы въ заводскіе котлы попадаетъ жиръ съдохлыхъ собакъ и кошекъ; въ лавкахъ покупатели стали брать пробы масла и отсылать ихъ къ химикамъ; въ городской думѣ поднялся шумъ; въ ученыхъ обществахъ стали дѣлать доклады о вредѣ этого продукта; мужи науки стали препираться въ спеціальныхъ журналахъ; профессоръ А. П. Доброславинъ началъ читать публичныя лекціи о нежелательности и небезвредности маргарина, репортеры были поставлены на ноги и къ гигиенистамъ былъ предъявленъ вопросъ: вреденъ маргаринъ или полезенъ? Словомъ, началась шумная маргариновая эпопея, на нѣкоторое время всколыхнувшая петербургскую общественную жизнь. Заводу Андерсена, повидимому, стало угрожать банкротство.

Весь этотъ шумъ кончился, однакоже, довольно курьезно. Заводъ на Обводномъ каналѣ принужденъ былъ на время пріостановить свою дѣятельность. Ему предержавшими властями предложено было перенести свои работы изъ столицы въ провинцію (какъ будто бы въ провинціи живутъ не люди, а существа, на желудокъ которыхъ посягать можно безнаказанно!). Въ столицѣ же разрѣшено было продавать вредный продуктъ желающимъ и любителямъ не иначе, какъ изъ бочекъ, снабженныхъ красными жестяными вывѣсками съ устрашающею надписью «Маргаринъ». Въ концѣ концовъ профессоръ А. В. Пель въ числѣ реакцій на маргаринъ помѣстилъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что крысы и мыши, охотно поѣдающія коровье масло и сало, упорно отказываются отъ маргарина.

Все въ мірѣ кончается. Замолкъ, наконецъ, и газетный набатъ. Замолкъ и противникъ маргарина А. П. Доброславинъ, громившій этотъ продуктъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ своихъ лекціяхъ и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Замолкъ какъ-то странно и совсѣмъ неожиданно для всѣхъ остальныхъ противниковъ этого продукта, видѣвшихъ до сихъ поръ въ профессоръ-гигиенистѣ свою твердую опору. Особенно же сильныя упованія стали возлагать на А. П. Доброславина, когда стало извѣстнымъ, что русское общество охраненія народнаго здравія назначило въ своихъ стѣнахъ экстренное засѣданіе для преданія маргарина анаоемѣ. Прокурорскія обязанности въ этомъ засѣданіи были возложены на профессора Доброславина. Онъ долженъ былъ сдѣлать докладъ, и всѣ были увѣрены, что онъ такъ разнесетъ этотъ вредный продуктъ, что его безповоротно изгонятъ изъ рынка. Публика въ этотъ вечеръ просто ломилась въ залу; не было ни одного свободнаго мѣста. Предсѣдательствовалъ лейбъ-медикъ Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ—величина могучая и всесильная. Доклада Доброславина ждали съ нетерпѣніемъ и, когда онъ началъ, то жадно ловили каждое его слово. Заговорилъ онъ о жирахъ, объ ихъ химическомъ составѣ, о химикѣ Межъ-Мурье, о стеариновой, олеиновой и пальмитиновой кислотахъ и... когда дѣло дошло до заключенія, до приговора маргарину, когда всѣ ждали неминуемой анаоемы—онъ вдругъ неловко замялся и объявилъ, что маргаринъ вовсе ужъ не такъ вреденъ, какъ это думаютъ и говорятъ...

— Вѣдь ѣдимъ же мы жиры,—закончилъ онъ.

Публика и всѣ присутствовавшіе ученые мужи и члены общества разинули рты отъ удивленія и никакъ не могли понять, что это вдругъ сдѣлалось съ Доброславинымъ и почему это онъ такъ внезапно переѣхалъ фронтъ. Газеты, конечно, подчеркнули на другой день эту измѣну, и извѣстный до сихъ поръ гигиенистъ сталъ притчею во языцѣхъ. Вѣра въ него поколебалась. На него это, видимо, подѣйствовало. Когда дня черезъ три послѣ этого онъ долженъ былъ читать гдѣ-то публичную лекцію и передъ началомъ ея встрѣтился со мною, то первыя слова его были:

— Опять въ газетѣ бранить будете?..

Слова эти онъ произнесъ какъ-то сконфуженно и виновато.

Переѣзна фронта объяснилась нѣсколько позже и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ, а именно: давленіемъ, будто бы, со стороны лейбъ-медика Н. Ѳ. Здекауера. Доброславинъ оказался во всей этой исторіи въ роли кура во щахъ. Предсѣдательствуя въ обществѣ охраненія народнаго здравія, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауеръ былъ въ то же время, будто бы, и негласнымъ компаньономъ заводчика Андерсена. Почти всѣ его деньги были, будто бы, вложены въ маргариновый заводъ на Обводномъ каналѣ... Утверждали это лица разныхъ лагерей и профессій: говорили и

коммерсанты, и врачи, и люди, причастные къ городскимъ боямъ. Но всѣ говорили съ опаскою и оглядываясь, и почти каждый прибавлялъ осторожно:

— Это, конечно, между нами. Я вамъ ничего не говорилъ, а вы отъ меня ничего не слышали...

Если это вѣрно, то остается сказать только одно: *da ist der Hund begraben...*

XXII.

Теперь перехожу къ сперминной эпопеѣ и расскажу о ней лишь въ предѣлахъ того, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Главное дѣйствующее лицо въ ней—докторъ химіи и профессоръ Александръ Васильевичъ Пель, владѣлецъ аптеки на Васильевскомъ островѣ и глава большой химической лабораторіи, производящей, кромѣ анализовъ, еще и всевозможные фармацевтическіе препараты. Профессоръ Пель и ученый и торговый человѣкъ.

Ученый Броунъ-Секаръ прославилъ себя тѣмъ, что открылъ сперминъ и его цѣлебныя свойства. Въ первое время публика даже думала, что стоитъ впрыснуть сперминъ подъ кожу старику и онъ помолодѣетъ. Будущность спермину пророчилась удивительная, и упованія и надежды на него возлагались огромнѣйшія.

А. В. Пель сталъ изготавлять сперминъ въ своей лабораторіи и пустилъ его въ продажу подъ названіемъ *Sperminum Phoeli*, т. е. сперминъ Пеля. О своемъ препаратѣ и о его дѣйстви Пель не молчалъ, а дѣлалъ доклады и печаталъ брошюры на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ того, онъ неустанно писалъ о немъ въ текущей медицинской и фармацевтической прессѣ, русской и иностранной. Въ самое короткое время и сперминъ, и его производитель въ Петербургѣ стали модными. Появились и почитатели, и враги. Въ прессѣ получилось то же самое явленіе: однѣ газеты стояли горою за сперминъ, а другія называли его шарлатанствомъ. Въ медицинской литературѣ та же исторія, но только въ строго научной формѣ. Въ результатѣ профессору Пелю пришлось пережить три очень тяжелыхъ момента, когда большая часть общественнаго мнѣнія была направлена противъ него и когда его безъ всякой церемоніи въ ученыхъ обществахъ и въ частныхъ разговорахъ называли прямо шарлатаномъ. Первый моментъ—это его дѣло съ Френкелемъ, второй моментъ—скандалъ въ обществѣ охраненія народнаго здравія и третій—полемика по поводу спермина въ литературѣ. Я же начинаю свое повѣствованіе съ той поры, когда въ самый разгаръ сперминной эпопеи врачи и ученые раздѣлились на два лагеря: одни не признавали вовсе идеи Броунъ-Секара и бранили Пеля, какъ его сознательнаго послѣдователя, а, стало быть, и шарлатана; другіе же, признавая Броунъ-Секара, все-таки относились къ продукту, изго-

товляемому Пелемъ, съ недоувѣріемъ. Были лица, открыто утверждавшія, что изготовляемый въ лабораторіи профессора Пеля продуктъ—вовсе не сперминъ, а какая-то недодѣланная химическая дрянь. Настоящій же сперминъ, который пропагандируется нѣкоторыми врачами въ Петербургѣ и пріобрѣтается на Васильевскомъ островѣ отъ Пеля, выписывается будто бы изъ-за границы тѣмъ же Пелемъ. Какъ бы тамъ ни было, но публика и печать волновались по этому поводу порядочно. Въ это самое время подлилъ масла въ огонь и процессъ профессора Пеля съ Френкелемъ.

Френкель служилъ лаборантомъ у Пеля и изготовлялъ у него въ лабораторіи сперминъ. Не поладили они въ чемъ-то между собою на тему о сперминѣ, и дѣло обострилось до того, что Пель позвалъ полицію, объявилъ, будто бы лаборантъ похитилъ у него тетрадь, въ которой записывался у него ходъ химическихъ работъ по изготовленію спермина и затѣмъ похитилъ будто бы и самый продуктъ—сперминъ. Полиція составила протоколъ и притянула Френкеля къ суду. Дѣло разбиралось у мирового судьи Васильевской части г. Медвѣдева. Камера была набита биткомъ. Публика, заранѣе извѣщенная газетами, собралась, какъ на спектакль. Былъ и я. Обвинителемъ явился представитель полиціи. Профессора Пеля на судѣ, конечно, не было. Экспертомъ былъ вызванъ старый фармацевтъ-профессоръ Траппъ. Во время разбирательства дѣла судья предъявилъ ему пробирку съ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, якобы сперминомъ, отобранномъ у Френкеля, и задалъ вопросъ:

— Что это такое? Сперминъ?

Профессоръ Траппъ выразилъ на своемъ лицѣ глубокое презрѣніе и съ иностраннымъ акцентомъ сердито отвѣтилъ:

— Что это? Это—дрянь; это—грязь; вотъ все равно, какъ на полу валяется грязь...

Для вящней убѣдительности старый экспертъ поднялъ слегка ногу и указалъ на свой каблукъ, къ которому, по его мнѣнію, могла пристать съ пола грязь. Френкель былъ оправданъ по всѣмъ статьямъ. Но, благодаря экспертизѣ профессора Траппа, большая часть присутствовавшей на судѣ публики пришла къ заключенію, что въ лабораторіи профессора Пеля, вмѣсто цѣлебнаго спермина, готовится какая-то дрянь. Фонды Пеля сразу упали. Помогли ему въ этомъ отношеніи и газеты, напечатавшія отчетъ о разбирательствѣ дѣла съ односторонней и далеко не объективной окраской. Особенно въ этомъ направленіи постаралась пресса мелкая.

Но наибольшее пораженіе было нанесено профессору Пелю въ обществѣ охраненія народнаго здравія. Во время одного изъ самыхъ многочисленныхъ засѣданій этого общества, когда председа-

тельствовалъ лейбъ-медикъ Н. О. Здекауеръ, а товарищемъ председателя былъ бывший ректоръ петербургскаго университета Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, попросилъ слова докторъ Герценштейнъ, считавшійся въ средѣ всѣхъ знавшихъ его идеально честнымъ человѣкомъ. За то, что казалось Герценштейну правдой, онъ готовъ былъ лѣзть на ножи. Получивъ отъ председателя разрѣшеніе говорить, Герценштейнъ заявилъ, что профессоръ Пель ведетъ себя такъ недобросовѣстно и недостойно со своимъ сперминомъ, что общество охраненія народнаго здравія, если только оно себя уважаетъ, не можетъ и не должно терпѣть его въ своей средѣ, въ качествѣ своего члена.

— Если собранію угодно, — твердо заявилъ докторъ Герценштейнъ: — я съ документами въ рукахъ и на основаніи неопровержимыхъ фактовъ берусь доказать, что Пель — фальсификаторъ, что его сперминъ — вовсе не сперминъ и что въ Россіи о своемъ сперминѣ онъ печатаетъ одно, а за границею — совсѣмъ другое. Я берусь доказать это...

Докторъ Герценштейнъ говорилъ долго, горячо и убѣжденно и приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Всѣ ждали, чѣмъ кончится дѣло, т. е. разрѣшить ли Здекауеръ Герценштейну приступить къ изложенію его доказательствъ. Если разрѣшнѣтъ, то Пелю — не сдобровать.

Н. О. Здекауеръ задумался и не менѣе семи минутъ тяжело размышлялъ среди всеобщаго, буквально гробового молчанія. Онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову и видно было, что онъ чувствовалъ всю щекотливость настоящаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ тяжесть, неудобство и отвѣтственность председателя. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ общее настроеніе становилось напряженнѣе, точно въ воздухѣ нависали и накапливались грозовыя тучи. А Герценштейнъ стоялъ все время неподвижно и прямо какъ колонна. Наконецъ, Н. О. Здекауеръ глубоко вздохнулъ и заговорилъ о томъ, что на его долгомъ вѣку ни въ одномъ ученomъ обществѣ не было еще примѣра, чтобы сочленъ былъ исключаемъ съ позоромъ, хотя бы онъ былъ и не вполне безукоризненъ...

Рѣчь Здекауера на этотъ разъ не отличалась особенной связностью. Онъ ясно видѣлъ, что собраніе напряженно ждетъ отъ него одного: или полнаго оправданія, или же исключенія профессора Пеля. И то и другое влекло бы за собою страшную нравственную отвѣтственность, а взять ее на себя онъ, Здекауеръ, конечно, не хотѣлъ. Исключить человѣка изъ среды ученаго общества — значитъ подвергнуть его публичному поруганію и прописать его ученой карьерѣ полный шахъ и матъ...

Общее настроеніе стало еще напряженнѣе. Отвѣтъ председателя не удовлетворилъ никого. Публика ждала не уклончивой рѣчи, а рѣшительнаго: да, или нѣтъ. Тутъ неожиданно выскочилъ — не

поднялся съ своего мѣста, а прямо-таки выскочилъ — И. Е. Андреевскій и поспѣшилъ на помощь Эдекауеру.

— Можетъ быть, — заговорилъ онъ, — щекотливый вопросъ этотъ можно рѣшить, господа, такъ: не будемъ изгонять Пеля, а если онъ захочетъ уйти самъ, то не станемъ ему препятствовать...

Сказано это было такъ дѣтски наивно и такъ простодушно, что все собраніе, несмотря на серьезность переживаемого момента, единодушно расхохоталось. И. Е. Андреевскій, не подозрѣвавшій, что онъ сказалъ глупость, долго и съ удивленіемъ озирался по сторонамъ и никакъ не могъ понять, чему это смѣются?¹⁾

Наконецъ, все кое-какъ улеглось, скандалъ замаялся, Герценштейнъ, не получивъ разрѣшенія говорить, умолкъ и сѣлъ — и профессоръ Пель такимъ образомъ уцѣлѣлъ. Само собою разумѣется, что въ собраніи его не было. Но о происшедшемъ онъ узналъ на другой день изъ газетъ, а вмѣстѣ съ нимъ узнала и публика. Фонды его упали еще больше.

При такихъ условіяхъ А. В. Пелю оставалось или реабилитировать себя во что бы то ни стало, или же погибать. Пель предпочелъ реабилитацию. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ пригласилъ къ себѣ на квартиру нѣсколькихъ врачей и представителей прессы (былъ тамъ и я), при всѣхъ вскрылъ стеклянную ампулу съ прозрачной желтоватой жидкостью, смѣшалъ жидкость съ магніемъ и хлорнымъ золотомъ и пригласилъ всѣхъ убѣдиться въ томъ, что смѣсь эта издаетъ характерный запахъ спермы. Былъ пущенъ въ ходъ микроскопъ, гдѣ на предметномъ стеклышкѣ образовались особаго вида кристаллы. Все вышло какъ нельзя болѣе удачно. Реакціи были убѣдительны вполнѣ. Сеансъ закончился закускою. Врачи и специалисты констатировали, что они во время опыта въ квартирѣ доктора химіи Пеля видѣли подлинный и настоящій сперминъ. Но, выйдя на улицу и расходясь по домамъ, они высказали другъ другу подозрѣніе въ томъ, что сперминъ оказался настоящимъ потому, что онъ вышелъ не изъ лабораторіи Пеля, а былъ выписанъ изъ-за границы. Подозрѣніе высказывалось громко и довольно убѣжденно. Пелю и тутъ не повезло.

Но онъ все-таки не утонулъ, а вынырнулъ. Его сперминъ скоро приобрѣлъ въ медицинѣ права гражданства и сталъ прописываться и продаваться въ аптекахъ подъ именемъ *Sperminum Phoeli*. Наконецъ, поладилъ онъ и съ прессою. Мелкая пресса о немъ

¹⁾ Покойный И. Е. Андреевскій былъ очень умный человѣкъ съ хохлатымъ «себѣ на умѣ». То, что автору настоящей статьи казалось наивностью и глупостью, было его обычнымъ маневромъ, когда нужно было тушить бушующія въ обществѣ страсти. И этотъ маневръ ему всегда удавался, благодаря чему всякое засѣданіе подъ его предсѣдательствомъ проходило гладко и съ благополучнымъ концомъ.

скоро замолчала, а въ «Новомъ Времени» научный обозрѣватель, относившійся въ своихъ статьяхъ къ спермину Пеля научно-скептически, въ одинъ прекрасный день печатно призналъ за этимъ препаратомъ извѣстныя достоинства.

Теперь, когда я это пишу, все улеглось и превратилось въ недавнее прошлое. Но когда это прошлое было еще настоящимъ, Доброславинъ и Пель, въ общей неразберихѣ, имѣли много основаній упрекать заочно другъ друга въ умышленной подтасовкѣ научныхъ фактовъ.

XXIII.

Повѣсть о томъ, какъ митрополитъ Палладій подложилъ игуменьѣ Валентинѣ свинью.

На Лахтѣ, подъ Петербургомъ есть на самомъ берегу моря историческая сосна, давно уже засохшая. Когда-то она была зелена и жива, но теперь представляетъ собою одинъ только почернѣвшій, безжизненный и разрушающійся отъ времени остовъ сосны. О Лахтѣ существуютъ, какъ извѣстно, два преданія: одно изъ нихъ гласитъ, что на этомъ мѣстѣ осѣли черти, изгнанные откуда-то какимъ-то святымъ человѣкомъ; а другое повѣствуетъ, что тутъ, именно противъ этой сосны, Петръ Великій спасъ во время бури утопавшихъ въ морѣ. На этомъ основаніи и сосна считается исторической и ее мѣстные жители берегутъ, насколько можно сберечь отъ всеокрушающаго времени. Мѣстность, на которой расположена Лахта, принадлежитъ графу Стенбокъ-Фермору и заселена очень густо преимущественно петербуржцами; которые настроили себѣ здѣсь дачъ. Лѣтомъ же она кишмя кишитъ дачниками. Эти-то обыватели и дачники рѣшили увѣковѣчить подвигъ Петра Великаго такимъ памятникомъ, который символически напоминалъ бы о бурѣ и соснѣ. Придумали они у самой сосны, на самомъ берегу моря построить часовню и на вершинѣ часовни повѣсить колоколъ-самозвонъ. Колоколъ этотъ долженъ былъ быть снабженъ крыльями наподобіе мельничныхъ и съ помощью ихъ звонить во время бури. Хотя при современномъ состояніи сообщеній на Лахтѣ трудно и даже почти невозможно ожидать какихъ-либо кораблекрушеній, которыя могли бы быть предупреждены звуками колокола-самозвона, тѣмъ не менѣе мысль эта лахтинцамъ понравилась. Часовню они построили, но колоколъ на нее почему-то не повѣсили.

Потребовалось эту часовню освятить. Лахтинцы постановили произвести это освященіе съ помпой и торжественностью и съ этой цѣлью ударили челомъ митрополиту Палладію, недавно переведенному въ Питеръ изъ экзарховъ Грузіи. Разказали они ему объ историческомъ значеніи сосны и о колоколѣ-самозвонѣ. Митрополитъ безъ колебаній разрѣшилъ духовное торжество и даже

благосклонно вызвался самъ освятить часовню. Лахтинцы обрадовались и пригласили много разныхъ почетныхъ лицъ и духовенства. Была приглашена и игуменья Новодѣвичьяго монастыря мать Валентина. Этимъ приглашеніемъ устроители торжества хотѣли конечно, почтить старицу, но они не знали только одного: что она не въ ладахъ съ митрополитомъ. Валентина все-таки пріѣхала, и въ духовномъ торжествѣ и въ крестномъ ходѣ участвовала и во время освященія часовни молилась усердно и истово. Церемонія прошла съ эффектомъ. По окончаніи ея присутствовавшіе были приглашены полюбоваться динамитными взрывами въ водѣ. Съ этою цѣлью одинъ изъ дачниковъ, снявъ сапоги и засучивъ до колѣнъ панталоны, раза три или четыре вбѣгалъ въ воду, подкладывалъ подъ торчавшіе изъ нея камни динамитные заряды, поджигалъ ихъ и опасно убѣгалъ на берегъ. На мѣстѣ взрывовъ поднимались небольшіе столбики воды.

Послѣ того, какъ эта часть программы была исполнена, владыку и всѣхъ именитыхъ гостей гостепріимные лахтинцы пригласили въ одинъ изъ домовъ откушать. Трапеза была весьма обильная и пришлась очень кстати, потому что участники церемоніи сильно проголодались. За столомъ митрополита Палладія и игуменью Валентину, какъ самыхъ почетныхъ гостей, помѣстили другъ противъ друга. Когда первый голодъ былъ жадно и лихорадочно утоленъ, начались рѣчи и тосты. Здравіицы въ честь свѣтскихъ лицъ сопровождались крикомъ «ура», а въ честь духовныхъ лицъ пѣлось «многая лѣта». Духовенства за трапезой было много, вина тоже было много, и аппетиты у всѣхъ, послѣ многоверстной прогулки съ крестнымъ ходомъ, были прекрасные. На вино налегли довольно усердно, и тосты однимъ изъ діаконовъ провозглашались зычно и изъ глубины души. Пропѣли «многая лѣта» высокопреосвященнѣйшему митрополиту Палладію, потомъ — святѣйшему синоду и затѣмъ далѣе, по чину. Перебрали всѣхъ и больше нить было уже не за кого. Тогда одинъ изъ хозяевъ-устроителей, мірянинъ, провозгласилъ здравицу «за высокочтимую матушку игуменью Валентину». Духовенство обрадовалось, взялось за стаканы и грянуло было многолѣтіе. Но лишь только было пропѣто слово: «многая», какъ запнулось и смущенно умолкло: митрополитъ Палладій сдѣлалъ рукою запретительный знакъ. Всѣ безъ исключенія были смущены и съ недоумѣніемъ стали переглядываться. Владыка подалъ новый знакъ, что онъ желаетъ говорить. Въ ожиданіи митрополичьяго тоста все моментально и почтительно смолкло.

— Да, да, ничего, — заговорилъ Палладій. — Валентина у меня — игуменья ничего себѣ... Игуменья добрая... Да, да... Хорошая игуменья.

Валентина привстала съ мѣста, отвѣсила надъ столомъ владыкѣ монашескій поясной поклонъ и опять сѣла. Краткій тостъ

митрополита за игуменью былъ произнесенъ такимъ тономъ, что духовенство уже не дерзнуло пропѣть ей многолѣтіе. Кто-то изъ дьяконовъ, сидѣвшихъ на дальнемъ концѣ стола, проговорилъ вполголоса:

— Однако... владыка свинью подложилъ...

Поднялся всеобщій шопоть, и начались толки, догадки, предположенія и комментаріи. Чтобы замять ихъ и прекратить общее неловкое положеніе, кто-то поспѣшилъ произнести тостъ за о. Іоанна Кронштадтскаго. На этотъ разъ многолѣтіе грянуло невозбранно и даже съ одушевленіемъ, а затѣмъ трапеза до самаго своего окончанія протекла, какъ по маслу, мирно и спокойно. Но лишь только поднялись изъ-за стола,—игуменья Валентина первая уѣхала въ своей каретѣ въ городъ и, надо полагать, всю дорогу думала и размышляла о подложенной ей Палладіемъ свиньѣ...

Александръ Чеховъ (Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XXIV.

РАЗДНОВАЛСЯ одинъ изъ многочисленныхъ юбилеевъ петербургскаго митрополита Исидора. Извѣстно, что чѣмъ дольше человѣкъ живетъ и чѣмъ старше становится, тѣмъ все больше и больше накапливается его юбилеевъ. Официальнаго торжества изъ этого Исидоръ не сдѣлалъ и ограничился пріемомъ поздравленій у себя въ митрополичьихъ покояхъ въ Александроневской лаврѣ. Собрались туда послѣ обѣдни духовныя и нѣкоторыя свѣтскія лица, произнесли свои привѣтствія и разѣхались. Не было, кажется, даже и завтрака. Юбилей этотъ, однакоже, доставилъ настоящему Исаакіевскаго собора протоіерею о. Смирнову нѣсколько непріятныхъ минутъ и на вѣки вѣчныя поссорилъ его съ репортерами. Начиная съ этого юбилея, онъ отказался признавать представителей газетъ людьми и произвелъ ихъ въ итицы. Дѣло въ томъ, что о. Смирновъ на этомъ торжествѣ привѣтствовалъ владыку рѣчью собственнаго сочиненія. Объ этой рѣчи онъ, видимо, былъ очень высокаго мнѣнія и потому заранѣе приготовилъ съ нея нѣсколько списковъ для раздачи репортерамъ. Онъ ожидалъ, что газетные люди станутъ просить у него разрѣшенія напечатать его элоквиентное слово и, по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІХ, стр. 366.

жалуй, даже начнутъ ссориться между собою изъ-за этой чести. Но, къ прискорбію о. настоятеля, предусмотрительность его пропала даромъ. На этотъ юбилей митрополита изъ числа газетныхъ людей попалъ только одинъ я; отъ другихъ газетъ репортеровъ не было ни одного. О. Смирновъ, увидѣвъ меня въ митрополичьихъ покояхъ, надвинулся на меня всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ и сообщилъ вполголоса:

— Вы не уходите. Послѣ произнесенія привѣтствія владыкъ я дамъ вамъ свою рѣчь. Можете помѣстить ее въ своей газетѣ цѣликомъ.

Слово «цѣликомъ» о. протоіерей надавилъ и подчеркнул, а потомъ прибавилъ:

— Когда придутъ изъ другихъ газетъ, то скажите имъ, что я и имъ дамъ свою рѣчь. Тоже могутъ цѣликомъ.

Наша газета печатаетъ на своихъ страницахъ рѣчи не особенно охотно и всячески избѣгаетъ ихъ, справедливо разсуждая, что застольная или юбилейная рѣчь интересна бываетъ только для лица, произносящаго ее; для слушающаго она бываетъ интересна не всегда; въ глазахъ же читателя она сплошь и рядомъ не имѣетъ цѣны никакой. Несмотря на это, я все-таки счелъ своею обязанностью самымъ добросовѣстнымъ образомъ прослушать привѣтствіе, когда почтенный настоятель читалъ его владыкъ. Результатомъ этой добросовѣстности было то, что я счелъ за нужное улизнуть изъ квартиры митрополита по возможности незамѣтно и не попадаясь на глаза о. Смирнову. Рѣчи о. Смирнова вообще особенной талантливостью и содержательностью не отличаются, но эта была—прямо плоха. Когда я шелъ изъ лавры, о. протоіерей нагналъ меня на извозчикѣ и проѣхалъ мимо, не сказавъ ни слова и только окинувъ весьма недовольнымъ взглядомъ. Зато, когда я прошелъ еще нѣсколько шаговъ, меня нагналъ дьяконъ и сокрушенно заговорилъ:

— А васъ о. протоіерей въ покояхъ владыки все искалъ и спрашивалъ... Насчетъ своей рѣчи...

— Рѣчь о. протоіерея такъ слаба, что ее не только цѣликомъ, но даже и въ извлеченіяхъ не нанечатаютъ ни одна газета,—отвѣтилъ я откровенно.—Посоветуйте ему, о. дьяконъ, отдать ее въ «Епархіальныя». Тамъ навѣрное напечатаютъ.

— А у васъ не напечатаютъ?—переспросилъ дьяконъ.

— Не только у насъ, но и ни въ одной газетѣ не напечатаютъ,—новторилъ я.

— Жаль. А рѣчь какъ будто бы и ничего себѣ...

Дьяконъ, конечно, передалъ этотъ разговоръ автору. О. Смирновъ понялъ, и его авторское самолюбіе было уязвлено, но при послѣдующихъ встрѣчахъ со мною онъ, какъ умный человѣкъ, не сдѣлалъ даже и намека, но въ душѣ все-таки не могъ простить.

Съ тѣхъ поръ при встрѣчѣ со мною и вообще съ репортерами у себя въ соборѣ или же на какихъ-нибудь торжествахъ онъ немедленно дѣлаетъ презрительную гримасу и произноситъ, будто бы про себя, но умышленно-громко:

— А! И грачи здѣсь! Безъ грачей нигдѣ дѣло не обходится!..

Почему онъ окрестилъ насъ именно грачами, а не какой-нибудь другой птицей,—не знаю; но въ этомъ выражается его месть. Я, впрочемъ, вхожу всей душой въ его положеніе. Сочинилъ чловѣкъ элоквентную рѣчь, заготовилъ цѣлый ворохъ копій съ нея, думалъ, что ее будетъ читать вся Россія—и вдругъ такой афронтъ. Прилетѣлъ одинъ только грачъ, да и тотъ вѣроломно сбѣжалъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ обидно...

XXV.

Описаніе пожаровъ, пожарные смотры и вообще пожарное дѣло въ Петербургѣ лежитъ на моей обязанности. Лишь только гдѣ-нибудь возникаетъ пожаръ, мнѣ тотчасъ же доставляютъ изъ пожарной части телеграмму, я немедленно сажусь на извозчика и ѣду. Съ брандмайоромъ Анатоліемъ Петровичемъ Паскинымъ и съ пожарными я въ большихъ ладахъ. Работаютъ они на пожарахъ молодцами, и я не забываю упоминать объ этомъ въ своихъ отчетахъ и замѣткахъ. Это пріятно для ихъ самолюбія. Бываютъ случаи, что пожарные работаютъ съ удивительнымъ безстрашіемъ и даже самопожертвованіемъ, и хроника петербургскихъ пожаровъ богата трагическими случаями. Пожарные нерѣдко получаютъ увѣчья и даже гибнутъ.

Записываю одинъ изъ такихъ случаевъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. На Петербургской сторонѣ горѣлъ дрянной, деревянный домишко, которому цѣна была—ломаный грошъ. Крышу съ него сняли и стѣны разобрали. Осталась только одна кирпичная труба. На ребрѣ полуразобранной стѣны стоялъ пожарный со стволомъ и управлялъ струею. Въ это время совершенно неожиданно труба рухнула, упала верхней своей частью прямо на ствольника, увлекла его за собою и заволокла все дымомъ и пылью. Всѣ ахнули. Но когда дымъ и пыль разсѣлились, отъ ствольника уже не осталось и слѣда. Онъ лежалъ, погребенный заживо подъ толстымъ слоемъ раскаленныхъ кирпичей и мусора внутри полуразобраннаго дома. Перекрестились, пожалѣли и продолжали тушеніе. Когда съ огнемъ сладили, изъ мусора былъ извлеченъ обгорѣлый трупъ пожарнаго со стволомъ въ обгорѣлыхъ рукахъ и съ сильно сплюснутой головой; когда же дотронулись до каски, то она безъ труда снялась вмѣстѣ съ половиною черепа и съ мозгомъ. По всѣмъ признакамъ, смерть была моментальная.

Хоронили этого бѣднягу съ помпой. Тѣло его до похоронъ было выставлено въ закрытомъ гробѣ въ трубномъ сараѣ Выборгской части. Товарищи-пожарные съ трогательною заботливостью окружили простой гробъ дешевенькими вѣнками. На крышкѣ его были положены мѣдный стволъ и каска. Похоронили его на Большеохтенскомъ кладбищѣ. По дорогѣ, начиная отъ Выборгской каланчи и до Полюстрова, игралъ пожарный оркестръ. За гробомъ шли пожарные—по два человѣка отъ всѣхъ петербургскихъ частей. Шелъ брандмайоръ А. П. Паскинъ. Шелъ и я. Въ церкви кладбища была отслужена заупокойная обѣдня. Послѣ отпѣванія пожарные донесли гробъ до могилы, опустили въ нее и сами же засыпали, отстранивъ могильщиковъ. Въ головахъ могилы былъ поставленъ деревянный крестъ, въ который товарищи уже успѣли вѣзать мѣдную иконку, принадлежавшую покойному. Послѣ похоронъ А. П. Паскинъ, а за нимъ и я, повернули было къ выходу, но насъ догналъ пожарный съ глиняной миской, въ которой былъ рисъ, перемѣшанный съ изюмомъ. Тутъ же была и деревянная ложка.

— Ваше—скородіе, помянуть требуется...

— Коли требуется, такъ и помянемъ,—отвѣтилъ брандмайоръ и съѣлъ ложку кутьи.

Пожарные послѣ нашего отъѣзда остались на кладбищѣ довершать поминки...

За время долгой практики я привыкъ къ пожарамъ и никогда не волнуюсь. Это даетъ мнѣ возможность наблюдать, какъ волнуются другіе и нерѣдко говорить и дѣлаютъ во время пожаровъ глупости. Загорѣлось въ училищѣ правовѣдѣнія на Фонтанкѣ. Благодаря нелѣпо устроеннымъ вентиляціоннымъ трубамъ, пожаръ быстро принялъ серьезные размѣры. Огонь перешелъ на домовую церковь, охватилъ ея куполъ и чердаки, получился огромный самоваръ съ сильной тягой—и пламя пошло гулять, какъ слѣдуетъ. Для воспитанниковъ училища это было событіемъ, въ которомъ они принимали самое дѣятельное и нервное участіе. Они вытаскивали во дворъ училища мебель, картины, портреты и все, что попадалось подъ руку. Всѣ они были возбуждены и красны. Воспитатели тоже были взволнованы, а нѣкоторые изъ нихъ даже и растерялись. Одинъ изъ воспитанниковъ хотѣлъ со двора войти въ дверь, въ которой не было огня и въ которую совершенно безопасно входилъ и выходилъ народъ. Изволнованный и растерявшійся воспитатель остановилъ его.

— Куда вы, голубчикъ?

— Вынесу что-нибудь.

— Не рискуйте собою. Не надо. Не ходите.

Воспитанникъ сдѣлалъ было движеніе впередъ, но воспитатель охватилъ его обѣими руками.

— Я хочу икону взять... Надо же икону спасти,—протестовалъ юноша.

— Не надо. Не ходите. Вѣрьте, голубчикъ, икона сама себя спасетъ... Она—святая...

Воспитанникъ повѣрилъ и не пошелъ.

XXVI.

Пришлось мнѣ на моемъ репортерскомъ поприщѣ столкнуться съ русскимъ изобрѣтателемъ въ собирательномъ смыслѣ слова. Изобрѣтатель у насъ, на Руси—особенный и при томъ оригинальный и цѣлостный типъ.

Существуетъ въ городѣ Тарусѣ помѣщикъ, изобрѣтатель телефона, особенность котораго заключается въ томъ, что съ помощью этого аппарата можно разговаривать по телеграфной проволоцѣ независимо отъ того, идетъ по ней въ это время передача депешъ, или не идетъ. Другими словами, телефонный разговоръ нисколько не мѣшаетъ передачѣ депешъ, и наоборотъ. Токи, бѣгущіе по одной и той же проволоцѣ, не смѣшиваются между собою и не путаются. Другое важное преимущество этого изобрѣтенія заключается въ томъ, что для передачи разговора не требуется непременно мѣдная проволока, которую принято употреблять въ телефонномъ дѣлѣ въ качествѣ проводника.

Идея заключается въ слѣдующемъ. По линіи желѣзной дороги на каждой станціи устанавливается телефонный аппаратъ. Мимо этихъ станцій проходитъ поѣздъ, снабженный точно такимъ же аппаратомъ. Пока въ поѣздѣ все благополучно,—всѣ эти аппараты бездѣйствуютъ. Но если случилось чтонибудь—поломка, сходъ съ рельсовъ или что-нибудь въ этомъ родѣ и объ этомъ нужно дать знать на одну изъ ближайшихъ станцій, то уже нѣтъ надобности отправлять пѣшкомъ кондуктора, какъ это дѣлается теперь, или прибѣгать къ телеграфному аппарату, который, по закону, ѣздитъ съ каждымъ поѣздомъ, но на которомъ поѣздная прислуга не умѣетъ работать. Дѣло рѣшается проще. Берется деревянный шестъ такой длины, чтобы имъ можно было достать до проволоки телеграфа, идущаго вдоль дороги. На этотъ шестъ насаживается очень нехитрый зажимъ, который, будучи накинута на проволоку, во-первыхъ, очищаетъ ее отъ ржавчины, а во-вторыхъ, защемляетъ проволоку очень сильно и устанавливаетъ контактъ. Отъ этого зажима идетъ мѣдный проводъ въ вагонъ поѣзда и соединяется съ разговорнымъ аппаратомъ. Какъ только шестъ съ зажимомъ надѣтъ на проволоку—сообщеніе со станціями готово. Съ помощью штенселя можно посылать токъ, а стало быть и направлять разговоръ, въ любую сторону.

Изобрѣтателемъ былъ произведенъ публичный опытъ на линіи Николаевской дороги, между станціями Петербургъ и Обухово. На опытъ были приглашены учителя физики, нѣсколько членовъ физико-химическаго общества при петербургскомъ университетѣ и представители печати. Въ числѣ послѣднихъ былъ приглашенъ и я. Для производства испытанія на станціяхъ «Петербургъ» и «Обухово» были установлены неподвижные телефоны, а въ вагонъ поѣзда былъ поставленъ подвижной. Поѣздъ былъ нанятъ изобрѣтателемъ экстренный. Всѣхъ насъ провезли съ торжествомъ по линіи къ будкѣ № 3, лежащей приблизительно на полупути между станціями. Здѣсь инженеръ, сопровождавшій поѣздъ, сообщилъ, что везти насъ далѣе онъ не имѣетъ права, остановилъ поѣздъ и предложилъ приступить къ опыту. Изобрѣтатель безъ труда накинулъ зажимъ на телеграфную проволоку, соединилъ конецъ проводника съ аппаратомъ, находившимся въ вагонѣ, другой проводникъ соединилъ съ рельсомъ, т. е. съ землею, и мы начали говорить по желанію то съ Петербургомъ, то съ Обуховымъ. Говорили, конечно, пустяки, спрашивали: который часъ, хорошо ли слышенъ голосъ? и т. д. Отвѣты получались по силѣ звука и по отчетливости настолько прекрасные, что лучше и желать нельзя. По окончаніи опыта тотъ же поѣздъ привезъ насъ обратно въ Петербургъ, и мы въ кабинетѣ начальника станціи составили протоколъ, подъ которымъ подписались учителя физики и въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей мы, сотрудники газетъ. Изобрѣтатель поблагодарилъ насъ за этотъ протоколъ, сказалъ, что вставить его въ рамку, и мы разстались и разошлись, кому куда надо, искренно и нелицемѣрно предсказывая изобрѣтенію великую будущность. Изобрѣтатель тоже уѣхалъ въ Тарусу что-то улучшать въ своемъ аппаратѣ.

Проходитъ около полугода. Изобрѣтатель опять приѣзжаетъ въ Петербургъ и повторяетъ тотъ же опытъ, но уже съ другимъ, еще болѣе компетентнымъ составомъ ученыхъ экспертовъ и съ прежними представителями печати. Снаряжается снова экстренный поѣздъ. По окончаніи опытовъ вагонъ второго класса въ этомъ поѣздѣ превращается въ столовую. Появляются вина, закуски и обильный завтракъ. По прибытіи на станцію снова составляется протоколъ, и на этотъ разъ не одними только учителями физики, но и заправскими специалистами удостоверяется, что приборъ—великолѣпенъ и что лучше и выдумать трудно. Изобрѣтатель веселъ, доволенъ, потираетъ отъ удовольствія руки, общается вставить протоколъ въ рамку и т. д. и уѣзжаетъ изъ Петербурга. При прощаніи онъ даетъ торжественное обѣщаніе, что не долѣе какъ черезъ мѣсяцъ весь цивилизованный міръ заговоритъ въ его телефоны.

Проходитъ послѣ этого еще годъ, если не больше. Объ изобрѣтателѣ и объ его телефонѣ—ни слуху, ни духу. Цивилизован-

ный міръ не знаетъ о немъ ничего. Открывается въ Петербургѣ, въ Соляномъ Городкѣ, освѣтительная выставка. Слоняюсь въ качествѣ газетнаго человѣка по этой выставкѣ и я, болтаю отъ нечего дѣлать съ кассиршами и съ барышнями, продающими входные билеты, и неожиданно встрѣчаю около кассы нашего малѣйшаго изобрѣтателя изъ города Тарусы. Обрадовался я, накинулся на него, какъ на стараго знакомаго, и сталъ разспрашивать о судьбѣ его изобрѣтенія: пошло ли оно въ ходъ, далеко ли онъ раскинулъ сѣть своихъ телефоновъ и отчего о немъ ничего не слышно въ газетахъ. Къ великому моему удивленію, онъ молчитъ, и за него отвѣчаетъ барышня, продающая билеты.

— Гдѣ ужъ намъ,—говоритъ барышня:—мы—помѣщики. Забрались въ Тарусу, попали въ свое имѣніе, улеглись на мягкій диванъ, закурили папиросу и давнымъ-давно забыли о своемъ изобрѣтеніи.

Голосъ у барышни звучитъ не то ироніей, не то худо скрываемымъ презрѣніемъ. Изобрѣтатель не протестуетъ и только виновато улыбается. Его видъ показываетъ, что барышня говоритъ сущую правду.

Этотъ изобрѣтатель былъ г. Голубицкій.

Когда я редактировалъ журналъ «Пожарный»,—а это было въ 1891 году,—то на мою же долю выпало слѣдъ въ своемъ родѣ лебединую пѣсню изобрѣтенію г. Голубицкаго. Въ этомъ году мастерская г. Голубицкаго въ Тарусѣ со всѣми инструментами и телефонами сгорѣла. Узналъ я это изъ телеграммы, напечатанной въ газетахъ, и посвятилъ этому пожару въ своемъ журналѣ довольно длинную статью. Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не встрѣчалъ Голубицкаго ни на улицѣ, ни въ печати. Вспомнилъ я о немъ опять въ Соляномъ Городкѣ же, на электрической выставкѣ. Тамъ были выставлены телефоны, и я слушалъ въ нихъ ночью, какъ переговаривались между собою на рельсахъ Варшавской дороги сторожа, слышалъ шумъ ихъ тяжелой походки, слышалъ трескъ вѣтвей въ ближайшемъ къ полотну лѣсу и слышалъ въ то же время отдаленную игру на дрянной гармоникѣ. Все это происходило въ тридцати верстахъ отъ Петербурга и все это съ поразительной ясностью и отчетливостью слышно было въ стѣнахъ Солянаго Городка. Завѣдующій этимъ отдѣломъ на выставкѣ объяснилъ мнѣ, что телефонъ, воспринимающій эти звуки, виситъ снаружи у дверей будки желѣзнодорожнаго, линейнаго сторожа и что звуки передаются по телеграфной проволоцѣ, нисколько не мѣшая прохожденію по ней и телеграммъ. Телефоны были прекрасны, но съ ними были связаны другое имя и другая фирма. Тутъ я невольно вспомнилъ г. Голубицкаго и его мягкій диванъ...

XXVII.

Какъ репортеръ, я былъ свидѣтелемъ удачи, а затѣмъ и провала, или, вѣрнѣе, кражи русскаго изобрѣтенія. Редакціей поручено было мнѣ присутствовать при испытаніи снѣгоочистителя Лобачевского. Снѣжные заносы на южныхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ даютъ себя чувствовать каждый годъ и ложатся бременемъ на карманъ и желѣзнодорожнаго хозяйства, и казны. Появленіе снѣгоочистительнаго аппарата поэтому слѣдуетъ привѣтствовать. И мы привѣтствовали...

Исторія такова. Въ свое время жилъ въ Казани знаменитый математикъ и авторъ геометріи на новыхъ началахъ профессоръ Лобачевскій. Мы учили и дѣти наши учатъ и, вѣроятно, всегда будутъ учить геометрію, созданную древнимъ грекомъ—Эвклидомъ. Лобачевскій создалъ эту науку на новыхъ началахъ, и современные математики признали геометрію въ новомъ ея видѣ гениальною. Онъ произвелъ также на свѣтъ и сына-инженера. Послѣдній, въ свою очередь, произвелъ на свѣтъ ротативный снѣгоочиститель и сына Митеньку, къ слову сказать, прекраснаго молодого человѣка, служащаго въ правленіи какихъ-то желѣзныхъ дорогъ. Совершивъ эти двѣ заслуги передъ человѣчествомъ, инженеръ Лобачевскій умеръ и предоставилъ осуществлять свое изобрѣтеніе своей вдовѣ (писательницѣ, подписывающейся фамиліей второго мужа) и сыну Митенькѣ. Оба наслѣдника стали проводить въ свѣтъ полученное наслѣдство съ полнымъ уваженіемъ къ памяти изобрѣтателя — и натерпѣлись, бѣдные, ужасно. Натерпѣлись потому, что у насъ не Америка и не Англія, а матушка Россія, въ которой чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, осуществляется изреченіе: нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ.

Ротативный снѣгоочиститель, который я имѣлъ честь видѣть въ работѣ, представляетъ собою небольшую, но мощную машину съ двумя лопастями, движущимися въ одной плоскости, но въ разныя стороны. Аппаратъ этотъ для работы ставится впереди паровоза и питается его паромъ. Отработавшій паръ выходитъ при помощи особой трубы черезъ трубу паровоза. Послѣдній толкаетъ снѣгоочиститель впередъ, а самъ идетъ уже по расчищенному отъ снѣга пути. Изобрѣтеніе — очень остроумное, оригинальное и привилегированное. Привилегію на него Лобачевскій, умирая, оставилъ вдовѣ и сыну. Съ этого исторія и начинается.

Наслѣдники, желая провести въ жизнь снѣгоочиститель, сошлись съ инженеромъ Якубенко и поручили ему техническую сторону дѣла. Съ его помощью былъ организованъ опытъ, на которомъ я и былъ въ качествѣ газетнаго представителя. Гг. Лобачевскіе—люди очень небогатые--на послѣдніе гроши наняли экстрен-

ный поѣздъ на Николаевской дорогѣ, созвали инженеровъ-экспертовъ и прессу и произвели пробу на Путиловской вѣтви, на станціи «Новый Портъ». Тамъ, на самой станціи, гости, прибывшіе на экстренномъ поѣздѣ, нашли на рельсахъ заранѣе заготовленный, искусственный заносъ, но не изъ рыхлаго снѣга, какъ бываетъ на настоящихъ заносахъ, а изъ плотнаго, мокраго, тяжелаго и слежавшагося. По словамъ экспертовъ, эти качества должны были задать аппарату очень и даже очень трудную работу: если онъ съ этимъ снѣгомъ справится, то будетъ молодцомъ. Самое зданіе станціи ради цѣлости стеколъ было завѣшано брезентомъ. Въ сторонкѣ стояли наготовѣ паровозъ и пристроенный къ нему снѣгоочиститель.

Начался опытъ. Эксперты, пресса и публика расположились на указанномъ имъ мѣстѣ; инженеръ Якубенко взобрался на паровозъ, взялъ въ руки сигнальный рожокъ и началъ трубить. Аппаратъ пустили въ ходъ и паровозъ сталъ помаленьку подвигаться впередъ, надвигая снѣгоочиститель на искусственный заносъ. Лопастіи начали работать, и мокрый снѣгъ крупными и мелкими комьями полетѣлъ въ обѣ стороны. Наступилъ самый интересный моментъ. Эксперты уже приготовились выразить свое удивленіе и восторгъ, — но въ это время раздался выстрѣлъ и все стало. Оказалось, что лопнула резиновая кишка, соединявшая трубу аппарата съ трубою паровоза. По чьей-то винѣ, или по чьему-то недосмотру она оказалась гнилою — вещь въ нашемъ русскомъ духѣ. Другой, запасной кишки взять съ собою не догадались, на мѣстѣ же достать ея было негдѣ, а руководившій опытомъ инженеръ Якубенко объявилъ, что онъ этого казуса не предвидѣлъ. Для чего-то набрали ящикъ мокраго снѣга и взвѣсили его. При этомъ г. Якубенко нѣсколько разъ привскочилъ и, уплотнивъ ногами снѣгъ, крикнулъ, что это — не снѣгъ, а ледъ и камень. Затѣмъ экстренный поѣздъ, забравъ привезенную публику, печально потянулся назадъ, на Николаевскій вокзалъ. Во время пути инженеръ Якубенко клялъ всѣхъ и вся, кромѣ, разумѣется, себя самого.

На время исторія умолкла. Но въ Питерѣ стали доходить и попадать въ газеты слухи, что будто бы снѣгоочиститель Лобачевского испытывается гдѣ-то въ провинціи. Въ то же время въ русскомъ техническомъ обществѣ въ Петербургѣ объ этомъ снѣгоочистителѣ былъ сдѣланъ научный докладъ. Митенька и инженеръ Якубенко стали бомбардировать меня просьбами, чтобы я напечаталъ въ газетахъ, что опыты съ аппаратомъ вполне и блестяще удались тамъ-то и тамъ-то. Я, по мѣрѣ силъ и возможности, выполнялъ это. Сами же они, т. е. Митенька Лобачевскій и инженеръ Якубенко, начали бѣготню по министерствамъ, и единственною ихъ молитвою была молитва о томъ, чтобы Богъ послалъ побольше заносовъ. Прошло еще немного времени. Дѣло

почему-то затихло и приостановилось. Лобачевскій и Якубенко сошли со сцены.

Проходитъ годъ. Наступаетъ новая зима. Заносы на югъ — страшные. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за газетами, но нигдѣ, при извѣстіяхъ о заносахъ и ихъ расчисткѣ, не встрѣтилъ даже и намека на снѣгоочиститель Лобачевского. Наконецъ приходитъ ко мнѣ какъ-то Митенька Лобачевскій и со скорбью заявляетъ, что еще при жизни его покойнаго отца кто-то укралъ его чертежи и продалъ въ Америку. Въ Америкѣ, конечно, звать не стали и пустили ихъ въ ходъ немедленно. Снѣгоочистители, построенные по идеѣ Лобачевского, работаютъ тамъ прекрасно и съ выгодною. Но этого, по словамъ Митеньки, еще мало: настоящее горе впереди. Истекаетъ срокъ привилегіи, а они, наслѣдники, никакъ не могутъ собраться съ силами, чтобы построить аппаратъ для того, чтобы фактически удержать за собою права. Не удастся также и войти съ кѣмъ-либо въ соглашеніе. Но и это еще не все. Самое важное и самое страшное для нихъ, Лобачевскихъ, то, что ихъ повѣренный, другъ и пріятель инженеръ Якубенко видоизмѣнилъ въ аппаратъ какой-то ничтожный винтикъ и подалъ куда слѣдуетъ прошеніе о выдачѣ ему привилегіи на его собственный будто бы снѣгоочиститель, умалчивая, конечно, о томъ, откуда взята самая идея. Разсказавъ мнѣ объ этомъ, Митенька ушелъ еще печальнѣе, чѣмъ пришелъ.

Такъ и погибъ снѣгоочиститель Лобачевского. О немъ нигдѣ ни слуху, ни духу. Инженеръ Якубенко тоже куда-то сгинулъ. А въ техническомъ обществѣ былъ прочитанъ докладъ объ американскихъ снѣгоочистителяхъ. Докладъ былъ иллюстрированъ съ помощью волшебнаго фонаря картинами. На одной изъ картинъ я и многіе инженеры узнали того самого стараго знакомаго, съ которымъ случилось неожиданное несчастье въ Новомъ Портѣ...

XXVIII.

Только что вернулся съ смѣхотворно-грустнымъ извѣстіемъ объ аэростатѣ-птицѣ, изобрѣтенномъ помѣщикомъ М—нымъ и пропитомъ въ ресторанѣ Малый Ярославецъ. Зная это изобрѣтеніе и видѣвъ его собственными глазами, я ждалъ всего, чего угодно, но только не такого финала.

Является въ редакцію нашей газеты весьма благообразный, почтенный и довольно пожилой господинъ, рекомендуетъ помѣщикомъ —ской губерніи М—нымъ. Съ нимъ вмѣстѣ вошелъ и офицеръ учебной воздухоплавательной команды Д. Д. Б — въ, съ которымъ я былъ знакомъ раньше и котораго я зналъ, какъ смѣлаго воздухопавателя. Мнѣ не разъ приходилось писать о его подъемахъ на аэростатахъ военнаго вѣдомства. Войдя въ редакцію,

оба эти посѣтителя объяснили, что имъ хотѣлось бы повидать кого-либо изъ сотрудниковъ, который былъ бы свѣдущъ въ воздухоплавательномъ дѣлѣ. Въ виду того, что отчеты о засѣданіяхъ воздухоплавательнаго отдѣла техническаго общества даю въ газету я и кое-какія событія, совершающіяся въ воздухоплавательномъ паркѣ, даю тоже я, редакторъ представилъ имъ меня. Г. М—нинъ обратился тогда ко мнѣ съ просьбою поѣхать вмѣстѣ съ нимъ и съ Д. Д. Б—вымъ посмотреть изобрѣтенный имъ новый летательный аппаратъ. Особенность этого аппарата заключается въ томъ, что, по теоріи, онъ долженъ быть управляемымъ. Но будетъ ли онъ слушаться человѣка при полетѣ — покажетъ опытъ. Тенерь же меня, какъ представителя редакціи, изобрѣтатель покорнѣйше проситъ поѣхать и посмотреть на его изобрѣтеніе. При этомъ г. М—нинъ прибавилъ, что аппаратъ его стоитъ ему нѣсколькихъ лѣтъ усидчивой кабинетной работы, а осуществленіе его обошлось въ десять тысячъ рублей. Постройка аппарата производилась въ мастерскихъ учебнаго воздухоплавательнаго парка подъ руководствомъ Д. Д. Б—ва. Я, конечно, согласился на поѣздку безъ всякихъ возраженій и былъ уже въ пальто въ одну минуту, но уѣхали мы не такъ скоро. Въ редакціи во время этого разговора присутствовалъ сотрудникъ В. К. П—нъ. Онъ полюбопытствовалъ узнать, что именно представляетъ собою это изобрѣтеніе. Г. М—нинъ тотчасъ же отвѣтилъ, что это — огромная, искусственная птица съ крыльями и съ хвостомъ. Крылья будутъ махать и давать поступательное движеніе, а хвостъ долженъ служить рулемъ.

— Чѣмъ же будетъ держаться ваша птица въ воздухѣ?—спросилъ П—нъ.

— Надъ нею помѣщается аэростатъ съ водородомъ или свѣтильнымъ газомъ,—отвѣтилъ г. М—нинъ.

— А гдѣ будетъ помѣщаться аэронавтъ?

— Въ гондолѣ подъ птицею. Сидя въ корзинѣ, онъ будетъ приводить веревками въ движеніе крылья и хвостъ.

— Но вѣдь это нелѣпость!—вскричалъ П—нъ.—Вы разрѣзали аэростатъ пополамъ—и только.

— Вовсе не нелѣпость. Это вы черезчуръ сильно выразились,—спокойно и увѣренно возразилъ М—нъ.—Я вамъ объясню это сейчасть въ двухъ словахъ. Фультонъ, строя свой первый пароходъ, взялъ за образецъ рыбу; я же, имѣя въ виду воздушную среду, взялъ птицу. Я взялъ убитую утку, положилъ ее на листъ бумаги и тщательно очертилъ ея контуръ; потомъ я повернулъ утку на бокъ и тоже очертилъ; потомъ снова повернулъ и очертилъ и такъ далѣе. По этимъ контурамъ я составилъ себѣ ясное понятіе о туловищѣ птицы и по нимъ изъ бамбука и изъ шелковой матеріи построилъ туловище гигантской птицы. Точно такимъ же

образомъ я изучилъ и построилъ крылья и хвостъ. Будучи подражаніемъ живой птицѣ, моя искусственная птица непремѣнно должна будетъ полетѣть туда, куда я захочу, потому что изгибами и движеніями крыльевъ и хвоста буду управлять я. Кажется, ясно и нелѣпости тутъ нѣтъ никакой. А чтобы тяжелая птица могла держаться въ воздухѣ, я подвѣсилъ ее къ аэростату въ формѣ сигары.

— Повторяю вамъ, что это — нелѣпость, — закипятился П—нъ. — Чтобы поднять ваше чудище, т. е. вашу птицу, нуженъ аэростатъ большихъ размѣровъ и съ большою поверхностью. Прибавьте къ этому поверхность вашей птицы и поверхность корзины, и вы увидите, что полетите только туда, куда понесетъ васъ вѣтеръ.

— Нѣтъ, я полечу туда, куда захочу, — тѣмъ же тономъ отвѣтилъ М—нинъ. — Я буду дѣйствовать крыльями и хвостомъ.

— Да вѣдь поверхность однихъ только крыльевъ у птицы гораздо больше поверхности всего ея туловища. Поэтому она и можетъ летать. А у васъ поверхность всей вашей системы въ нѣсколько разъ превосходитъ площадь крыльевъ. Если высчитать сопротивление...

Завязался споръ, затянувшійся на добрыхъ полчаса. Я только слушалъ. М—нинъ твердо и убѣжденно стоялъ на своемъ. П—нъ кипятился и то и дѣло пожималъ плечами и хлопалъ себя руками по бедрамъ. Не выдавъ еще самаго аппарата и только прислушиваясь къ спору, я уже готовъ былъ стать на сторону П—на. Исходилъ я изъ простаго соображенія. Живая птица, работая крыльями, несетъ только самое себя; здѣсь же искусственная птица, махая крыльями, должна нести себя и, кромѣ того, волочить еще за собою громоздкій аэростатъ и корзину съ воздухоплавателемъ... Хватитъ ли у нея, у искусственной птицы, для этого силъ? И, наконецъ, хватитъ ли у человѣка, сидящаго въ корзинѣ, его мускульныхъ силъ для того, чтобы, махая огромными крыльями, преодолѣвать сопротивление вѣтра?

Внизу насъ ждалъ экипажъ. Мы уѣли вътроемъ и поѣхали на Охту. Птица г. М—нина находилась въ пустой казармѣ Ново-черкасскаго полка. Она была подвѣшена къ потолку и не была еще готова. Дѣйствительно, по сравненію съ настоящею птицей, это было огромное чудище. Крылья были сдѣланы изъ бамбуковыхъ тростей, обтянутыхъ шелковой матеріей. Головы не было. Отъ каждой или почти каждой бамбуковой трости шла внизъ веревочка. Всѣ эти веревочки сходились въ одинъ узелъ. Дергая съ помощью этихъ привязей, воздухоплаватель долженъ былъ махать крыльями и придавать имъ по своему усмотрѣнію любое положеніе. Задача воздухоплавателя заключалась въ томъ, чтобы тянуть ихъ книзу. Кверху же они поднимались сами, благодаря цѣлой сѣти толстыхъ резинокъ. Вотъ все то небольшое, что я увидѣлъ. Г. М—нинъ да-

валъ мнѣ объясненія съ убѣжденіемъ фанатика. Д. Д. В—въ, какъ строитель, нояснялъ техническую сторону дѣла, но больше отмалчивался изъ скромности. Когда мнѣ стало все ясно, какъ на ладони, и я сталъ откланиваться, г. М—нинъ рѣшилъ за меня, что я понялъ и уяснилъ себѣ не все и что мнѣ необходимо, въ его и моихъ интересахъ, выслушать еще дальнѣйшія поясненія и подробности. Лучшимъ же мѣстомъ для такихъ разговоровъ можетъ служить только какое-нибудь нейтральное помѣщеніе, на примѣръ, трактиръ «Малоярославецъ». Къ тому же и русскій обычай не обижать хозяина отказомъ отъ хлѣба-соли и т. д. Дѣло свелось къ тому, что мы сѣли снова въ экипажъ и поѣхали въ «Малый Ярославецъ». За столомъ у насъ разговоровъ было меньше, чѣмъ выпивки и ѣды. Г. М—нинъ на этотъ счетъ оказался далеко не постникомъ. Д. Д. В—въ не отставалъ отъ него, а я не отставалъ отъ нихъ обоихъ. На другой день въ газетѣ появилось мое объективное, репортерское описаніе птицы и будущаго летательнаго снаряда, и я считалъ свое дѣло поконченнымъ. Но я ошибся. Вечеромъ въ этотъ же день гг. М—нинъ и В—въ прибыли ко мнѣ на квартиру сказать мнѣ спасибо за напечатанную замѣтку. Я предложилъ гостямъ чаю, но они рѣшили, что гораздо удобнѣе и пріятнѣе замѣнить чай простенькимъ ужиномъ въ отдѣльномъ кабинетѣ у Палкина. Ужинъ состоялся, и возліяніе было обильное. Черезъ день оба мои знакомца опять пожаловали ко мнѣ, и вечеръ мы провели опять въ какомъ-то ресторанѣ. Сначала я подумалъ было, что изобрѣтатель угощаетъ меня, какъ газетнаго человѣка, но г. М—нинъ увѣрилъ меня, что здѣсь, въ Питерѣ, онъ поневолѣ долженъ питаться трактирной пищею, какъ человѣкъ чужой и пріѣзжій, и что безъ компаніи имъ вдвоемъ съ В—вымъ скучно. Вскорѣ я убѣдился, что это—дѣйствительно правда, что поползновеній у изобрѣтателя на мою личность нѣтъ никакихъ и что ему просто хочется выпить. Кутнули мы нѣсколько разъ основательно.

Тѣмъ временемъ товарищъ мой по газетѣ В. К. П—нъ тиснулъ статью, въ которой безъ обиняковъ назвалъ новое изобрѣтеніе нелѣпостью. Изобрѣтатель нисколько не обидѣлся и только сказалъ, что авторъ статьи запоетъ совсѣмъ иную пѣсню, когда увидитъ его летательный снарядъ въ дѣлѣ. Разъ, когда мы подпили и я спросилъ у Д. Д. В—ва, вѣритъ ли онъ, строитель, въ будущность этой птицы, онъ отвѣтилъ, что вѣритъ плохо.

— Къ чему же вы въ такомъ случаѣ огорождъ городите? Почему вы не скажете М—нину, что его идея—чепуха?—удивился я.

— Не мое дѣло доказывать изобрѣтателю, что его идея—сумасбродство,—отвѣтилъ Д. Д. В—въ.—Вы сами знаете, что разубѣждать какого бы то ни было изобрѣтателя—совершенно напрасный трудъ. Хорошо еще, что М—нинъ имѣетъ дѣло со мною: я экономничаю каждой его копейкой. А обратись онъ къ кому-нибудь другому, такъ его карманъ сильно пострадалъ бы...

Г. М—нинъ вскорѣ уѣхалъ въ свою —скую губернію и вернулся въ Петербургъ только съ наступленіемъ весны. Въ одинъ прекрасный весенній день я увидѣлъ его и Д. Д. Б—ва у себя въ квартирѣ. Явились они ко мнѣ, какъ къ старому и доброму знакомому. Оказалось, что зимнаго времени они даромъ не теряли и что мастера военного воздухоплавательнаго парка за эти мѣсяцы уже изготовили весь аппаратъ, т. е. и сигару-аэростатъ, и птицу и корзину. Оставалось только сѣсть и полетѣть. Пригласили меня опять ѣхать на Охту. На этотъ разъ дѣйствительно все было готово. Военное министерство для установки этого аппарата дало изобрѣтателю одну изъ старыхъ верфей, выходящихъ на Неву. На этихъ верфяхъ, какъ рассказали мнѣ, въ Крымскую кампанію строились канонерки, а затѣмъ эти сооруженія были заброшены и запущены. Ихъ, впрочемъ, военное вѣдомство отдавало при случаѣ напрокатъ. Въ одной изъ нихъ, какъ говорятъ, знаменитый Костовичъ строилъ свой не менѣе знаменитый и прогремѣвшій на всю Россію, но неудавшійся «Воздушный Корабль», а затѣмъ г. М—нинъ строилъ свою птицу.

По дорогѣ г. М—нинъ сообщилъ, что онъ готовится къ опыту. Опытъ будетъ заключаться въ слѣдующемъ. Шаръ-сигару наполнятъ газомъ и Д. Д. Б—въ сядетъ подъ птицею въ корзину. Весь аппаратъ въ такомъ видѣ выведутъ изъ-подъ крыши на Неву. Д. Д. Б—въ начнетъ махать крыльями и полетитъ одинъ. Задача его будетъ заключаться въ томъ, чтобы описать надъ Невой по воздуху кругъ и вернуться на то же мѣсто. Если этотъ опытъ удастся, то г. М—нинъ будетъ считать свою идею осуществленной, а самый аппаратъ нѣсколько упроститъ, а именно: онъ уничтожитъ теперешнюю сигару надъ птицей. Онъ построитъ новую, огромную птицу и станетъ наполнять ее самъ газомъ. Это будетъ удобнѣе, потому что вся система будетъ легче. Теперь же, въ настоящую минуту, важно произвести только первый опытъ, а что дальше дѣлать—видно будетъ. Для опыта готово все, припасена и кислота для добыванія водорода, и команда воздухоплавательнаго парка готова оказать всякое содѣйствіе и помощь. Нужно выждать только подходящую погоду.

Осмотрѣли мы сооруженіе въ новомъ его видѣ и затѣмъ—снова начались хлѣбосольные «Малоярославцы» и «Палкины». Ожидали все подходящей погоды. Наконецъ опытъ состоялся, но я, не знаю, къ счастью или же къ сожалѣнію, участія въ немъ не принималъ. Вышло какъ-то такъ, что я прозѣвалъ его и о результатахъ узналъ уже на другой или на третій день отъ начальника воздухоплавательной команды А. М. Кованько. Съ его словъ и записываю подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Назначенъ былъ, по словамъ А. М. Кованько, день и часъ полета. Къ условленному времени на верфь прибыли люди съ

Волкова поля, т. е. изъ воздухоплавательнаго парка со всѣми необходимыми аппаратами для добыванія водорода и для спуска. Прибыли гг. М—нинъ и Б—въ. День склонялся къ вечеру. Погода была благопріятна. Съ согласія изобрѣтателя, команда принялась за наполненіе шара газомъ. Но такъ какъ наполненіе—дѣло долгое, то г. М—нинъ, чтобы не сидѣть сложа руки, предложилъ присутствующимъ съѣздить «на минуточку» въ «Малоярославецъ». Одни согласились и уѣхали, а другіе отказались и остались. Проходитъ часъ и другой. Шаръ уже наполненъ, но ни М—нина, ни Б—ва еще нѣтъ. Проходитъ еще часъ—ихъ попрежнему нѣтъ. Дѣло начинаетъ принимать не особенно благопріятный оборотъ: водородъ начинаетъ просачиваться сквозь поры шара и улетучиваться. Пора бы уже и летѣть, а воздухоплавателей все нѣтъ, какъ нѣтъ. Команда между тѣмъ все ждетъ да ждетъ. Ей давно уже пора ѣхать домой спать, но она все-таки ждетъ. Наконецъ шаръ начинаетъ уже виснуть и понемногу склоняться къ землѣ, а виновники торжества—все еще въ городѣ. Проходитъ еще нѣсколько времени, и давно ожидаемая компанія является веселенька и готовая летѣть. Но летѣть уже не на чемъ. Водорода улетучилось такъ много, что шаръ потерялъ свою подъемную силу.

— Какъ же теперь быть?—спрашиваетъ разочарованно изобрѣтатель.

— Если у васъ есть въ запасѣ кислота,—отвѣчаютъ:—то мы добудемъ еще водорода и подполнимъ шаръ. Тогда, можетъ быть, полетъ состоится...

— Нѣтъ, кислоты нѣтъ. Вся вышла...

Воздухоплавательная команда, проведя попусту безсонную ночь, собрала свои пожитки и двинулась домой, на Волково поле. Г. М—нинъ сѣлъ вмѣстѣ съ Д. Д. Б—вымъ въ экипажъ и тоже уѣхалъ въ городъ. Въ результатъ команда осталась въ обидѣ на г. М—нина, а г. М—нинъ—въ обидѣ на команду, а птица осталась на верфи, не совершивъ полета...

Тѣмъ дѣло и кончилось. Г. М—нинъ бросилъ все и уѣхалъ изъ Питера въ свое имѣніе. Рассказывали, будто бы онъ огорчился и поставилъ на свое изобрѣтеніе крестъ. А я ставлю точку.

XXIX.

Провожалъ я на родину мужичка, который пріѣзжалъ въ Питеръ искать у царя правды. Усѣлся онъ въ вагонъ четвертаго класса съ нѣсколькими жалкими двугривенными въ карманѣ и уѣхалъ къ себѣ въ глухую деревушку, заброшенную въ далекомъ и угрюмомъ Полѣсьѣ. Уѣхалъ съ твердымъ и глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что въ Петербургѣ правды добиться нельзя, по-

тому что въ столицѣ живутъ «господа», всегда готовые затоптать сѣраго мужика въ грязь и загородить ему дорогу. Увезъ онъ въ свою глухую деревню глубочайшее и ничѣмъ неискоренимое сознаніе, что весь Петербургъ живетъ одною только кривдой, и эта самая кривда и не допустила его до Батюшки-Царя, которому онъ несъ въ подарокъ самое вѣрное средство уничтожить разъ навсегда желѣзнодорожныя катастрофы. Виноваты во всемъ «господа».

Является къ намъ въ редакцію сѣрый, невысокаго роста мужикъ-бѣлоруссъ—страшный бѣднякъ—и со слезами на глазахъ рассказываетъ такую исторію. Родился онъ и жилъ въ глухой деревушкѣ въ Полѣсьѣ. Кругомъ—лѣсъ, вода по колѣна и песокъ. Городъ лежитъ отъ деревушки далеко, и чтобы попасть въ этотъ городъ, нужно ѣхать болѣе ста верстъ до желѣзной дороги, а потомъ и по самой желѣзной дорогѣ нужно катиться чуть не половину сутокъ. Есть и другой путь въ городъ—по лѣсной дорогѣ, черезъ болота. Этотъ путь—ближе и короче, но по немъ можно ѣздить только зимою, когда болота замерзнутъ.

Дошла до этой глухой деревушки вѣсть о томъ, что не такъ давно, а именно 17 октября 1888 года батюшку-царя чуть не убило, когда онъ ѣхалъ вмѣстѣ со своей семьей по желѣзной дорогѣ. Въ газетахъ было писано, что вышло это оттого, что будто бы лопнулъ рельсъ и весь поѣздъ разнесло въ щепы. Много народа побило—кого на смерть, а кого изувѣчило. Писано было жалостно: когда читали, такъ у тѣхъ, кто слушалъ, духъ захватывало. А виновата во всемъ желѣзная дорога, потому что была съ изъяномъ. Не будь изъяна—не было бы и крушенія. А изъянъ этотъ вышелъ оттого, что господа, которые дорогу строили, чего-то не доглядыли и до чего-то не додумались.

— Дай я догляжу,—авось и пойму, въ чемъ сила и чего господа не доглядыли,—рѣшилъ мужичокъ.

Собралъ онъ въ котомку хлѣба, перекинулъ ее черезъ плечи, взялъ въ руки палку, помолился и пошелъ пѣшкомъ черезъ лѣса и болота, за сто верстъ, на желѣзную дорогу посмотрѣть, что въ ней за изъянъ такой, отъ котораго крушенія дѣлаются. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, но только до желѣзной дороги дошелъ, осмотрѣлъ до тонкости и до послѣдняго гвоздика, какъ она сдѣлана,—и нашелъ изъянъ, увидѣлъ то, чего господа строители не досмотрѣли и до чего не додумались. Тѣмъ же путемъ, черезъ лѣса и болота, вернулся онъ пѣшкомъ въ родную заброшенную деревушку, взялъ топоръ, пилу и стамеску, срубилъ дерево и сталъ мастерить рельсы, гайки и все прочее. И вышла у него желѣзная дорога не такая, какою ее господа дѣлаютъ, а такая, какъ ее нужно дѣлать, чтобы крушеній не было. Сдѣлавши аршина полтора такой дороги изъ дерева, мужичокъ заколотилъ ее

въ ящикъ, раздобылъ въ деревнѣ съ грѣхомъ пополамъ деньжатъ, взвалилъ ящикъ на плечи и пошелъ уже знакомою дорогою на желѣзную дорогу. Здѣсь онъ купилъ билетъ и повезъ свою дорогу въ Питеръ, прямо къ царю, чтобы батюшка-царь посмотрѣлъ и приказалъ своимъ строителямъ дѣлать желѣзную дорогу безъ изъяновъ.

Похожденія этого мужичка изъ Полѣсья съ его моделью желѣзнодорожнаго полотна были, какъ и слѣдовало ожидать, печальны. Онъ не доѣдалъ и не досыпалъ, съ утра до ночи толкался по разнымъ министрамъ и присутственнымъ мѣстамъ и все добивался одного: какъ бы ему дойти до царя. Но господа до царя его не допустили, а нѣкоторые даже прямо ему говорили, что взялся онъ-де не за свое дѣло и выдумалъ не желѣзную дорогу, а глупость. Въ одномъ важномъ присутственномъ мѣстѣ, однакоже, его милостиво выслушали, работу осмотрѣли и отправили вмѣстѣ съ ящикомъ въ такое мѣсто, гдѣ сидятъ тѣ самые господа, которые желѣзныя дороги съ изъяномъ строятъ. Пусть они эту новую дорогу обсудятъ—и какъ они рѣшатъ, такъ тому и быть. Можетъ быть, имъ и станеть за свои изъяны и недосмотры стыдно и, можетъ быть, они и скажутъ сѣрому мужичку спасибо за науку. Мѣсто это называется: императорское русское техническое общество и находится оно въ Соляномъ Городкѣ на Фонтанкѣ.

— Ступай, милый другъ, туда; тамъ и отвѣтъ получишь,—сказали мужику.

Мужикъ пошелъ туда и нашелъ свою модель уже тамъ. Господа инженеры осмотрѣли ее и сказали, что вся работа не стоитъ и ломанаго гроша, что мужикъ подмѣтилъ изъяны, но только не тѣ, и что такъ строить желѣзныя дороги, какъ придумалъ онъ,—нельзя. Мужикъ обидѣлся и справедливо рѣшилъ, что господа инженеры и не могли дать ему иного отвѣта. Самъ себѣ никто не врагъ. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Если бы они сознались въ своихъ изъянахъ, то царь призвалъ бы ихъ къ себѣ и сказалъ: «Какъ же вы смѣете строить дороги съ изъянами? Быть по сему!..»

Ушелъ мужикъ, оскорбленный и обиженный неправдой, и опять сталъ добиваться того, чтобы повидать самого царя, но къ царю его опять не пустили. Тогда кто-то сказалъ ему, что царь читаетъ газеты и можетъ о его мытарствахъ и о его дорогѣ узнать изъ газетъ. Нужно только одно, чтобы обо всей этой неправдѣ напечатали въ газетахъ. Добрые люди, подавшіе мужику такой совѣтъ, направили его прямо въ нашу редакцію.

— Нѣту правды на бѣломъ свѣтѣ,—закончилъ мужикъ свой рассказъ въ редакціи.—Завладѣли всѣмъ господа и не даютъ нашему брату-мужику хода.

Безхитростный и печальный рассказъ неграмотнаго мужика изъ глухой деревушки, вздуманнаго передѣлывать русскія желѣзныя

дороги, заинтересовалъ редактора—и мнѣ было поручено съѣздить въ техническое общество и узнать, въ чемъ дѣло. Въ техническомъ обществѣ мнѣ показали модель и объяснили, въ чемъ заключается идея деревенскаго изобрѣтателя. Желѣзнодорожный отдѣлъ общества самымъ добросовѣстнымъ образомъ рассмотрѣлъ модель и нашелъ, что новый Кулибинъ придумалъ слѣдующія усовершенствованія: связалъ рельсы черезъ каждыя три четверти аршина поперечной желѣзной перекладиной, какъ это дѣлается теперь только на стрѣлкахъ и, кромѣ того, пришелъ къ заключенію, что рельсы въ стыкахъ должны прилегать другъ къ другу плотно, а промежутки между ними, которые оставляются нарочно, какъ запасъ для расширенія рельсовъ отъ теплоты, не нужны и вредны. Нужно, чтобы рельсы отъ станціи до станціи и отъ города до города составляли одну сплошную стальную линію безъ перерывовъ. А посему изобрѣтатель рекомендовалъ заткнуть всѣ щели въ стыкахъ между рельсами особыми желѣзными дощечками. Въ техническомъ обществѣ мужику объяснили, что поперечины не нужны и что онѣ стоили бы милліоны, и что если рельсы сдѣлать сплошными, то лѣтомъ ихъ выпирало бы и вспучивало бы, а зимою они разрывались бы, и тогда крушенія стали бы неминуемы на каждомъ шагу. Мужикъ долго спорилъ, не повѣрилъ и упорно стоялъ на томъ, что «господа» умышленно не даютъ ему, мужику, ходу. Правды нѣтъ на землѣ. Чтобы успокоить изобрѣтателя, канцелярія общества выдала ему точную копію съ постановленія желѣзнодорожнаго отдѣла, т. е. съ формальнаго протокола.

Эти вѣсти я и привезъ въ редакцію.

— Это вѣрно: бумагу они мнѣ выдали,—согласился мужикъ.— Только что въ ней толку, если въ ней написана неправда? Самъ себѣ никто не врагъ. А вотъ вы помогите: напишите въ газетѣ, чтобы меня къ самому царю допустили...

Онъ досталъ изъ-за пазухи копію съ протоколомъ и далъ ее прочесть. Въ протоколѣ было изложено довольно странно то, что я изложилъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Послѣ этого ему въ редакціи сказали то же самое, что и въ обществѣ. Онъ выслушалъ смиренно и безъ возраженій и все-таки остался при глубокомъ убѣжденіи, что нѣтъ правды на землѣ и что «господа» нарочно его къ царю не допустили. Передъ уходомъ изъ редакціи онъ слезно попросилъ хоть какой-нибудь помощи: ему не съ чѣмъ тронуться въ обратный путь въ свое Полѣсье. Ему собрали нѣсколько рублей. Потомъ въ день его отъѣзда въ рабочемъ поѣздѣ, въ вагонѣ четвертаго класса я принесъ ему на вокзалъ и еще немножко дополнительныхъ рублей. Онъ поблагодарилъ искренно и былъ очень тронутъ, но уѣхалъ печальный, разочарованный и озлобленный.

— Видно, правда только у Бога!—крикнулъ онъ мнѣ, когда поѣздъ уже тронулся.

XXX.

— Голодное торжество!.. Чортъ бы васъ всѣхъ забралъ! На стаканъ чаю экономію наводятъ!..

Такъ, и даже еще крѣпче и внушительнѣе бранились члены петербургскаго общества взаимнаго страхованія, выходя изъ думскаго зала, гдѣ общество это праздновало свой двадцатипятилѣтній юбилей и устроило по этому поводу торжественное засѣданіе. Какъ и подобаетъ, были приглашены повѣстками члены, представители финансоваго міра, директоры разныхъ банковъ и конторъ и, конечно, и пресса. Было много и агентовъ различныхъ страховыхъ обществъ. Всю эту публику, созданную къ 12 часамъ дня, продержали среди торжественной обстановки до 6 часовъ и такъ проморили голодомъ, что одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ общества чуть не на всю залу крикнулъ:

— Чортъ съ вашими отчетами! Пока васъ всѣхъ переслушаешь до конца, такъ съ голоду издохнешь!..

Этотъ энергичный членъ ушелъ, не дождавшись конца засѣданія. Остальной же публикѣ пришлось терпѣливо изнывать въ неистощимомъ потокѣ рѣчей, цифръ и громкихъ фразъ.

Страховое общество помѣщается и ведетъ свои операціи въ зданіи думы, на Невскомъ. Входъ въ него по знаменитой гранитной лѣстницѣ подъ каланчою. Юбилейный день былъ днемъ рабочимъ, буднимъ. Всѣ клерки, писцы и бухгалтера сидѣли на своихъ мѣстахъ и съ утра щелкали на счетахъ и скрипѣли перьями. Къ полудню, однакоже, когда стали собираться приглашенные гости, операціи были прекращены. Явилось духовенство въ ризахъ и отслужило молебенъ. Послѣ этого всѣмъ собравшимся объявлено было, что торжественное засѣданіе состоится въ большой залъ думы, куда и просятъ подняться. Поднялись. Въ большой залъ на эстрадѣ былъ уже приготовленъ огромный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. За него усѣлись чинно и важно члены правленія общества. Публика размѣстилась на безконечномъ рядѣ стульевъ. Начались чтенія—объ операціяхъ, произведенныхъ обществомъ за двадцать пять лѣтъ, о страховомъ капиталѣ, о пожарахъ и балансахъ, о пользѣ взаимнаго страхованія и о всякой всячинѣ. Публика терпѣливо слушаетъ часъ, слушаетъ другой и начинаетъ чувствовать истому подъ ложечкой, такъ какъ многіе привыкли въ эти часы уже обѣдать. Въ душахъ возникаетъ надежда, что чтеніе скоро окончится и распустятъ по домамъ. Отчетъ дѣйствительно окончился, и публика было зашевелилась, но тутъ поднялся новый ораторъ и началъ патетическую рѣчь о пользѣ именно взаимнаго страхованія, а не какого-либо иного. Въ публикѣ слышатся сокрушенные вздохи. Рѣчь,

благодаря интонаціи оратора, смахиваетъ на отдаленныя завыванія.

— Ну, послѣ этой рѣчи навѣрное сдѣлають перерывъ и хотъ по стакану чаю дадутъ,—шепчетъ мой сосѣдъ справа.

— Недурно было бы. Животы подвело,—отвѣчаетъ ему сосѣдъ слѣва.

Слѣзъ ораторъ, завывавшій о пользѣ взаимности. Публика зашевелилась. Нѣсколько человѣкъ поднялись съ мѣстъ и стали поглядывать на выходныя двери. Но съ эстрады послышался новый, свѣжій голосъ—и посыпался трескучій фейерверкъ громкихъ, но ничего не говорящихъ фразъ. Ораторъ тянетъ долго, повторяется, возвращается къ тому, что было уже сказано, опять повторяется и, видимо, вовсе не намѣревается кончить. Онъ производитъ впечатлѣніе узника, долго сидѣвшаго въ принудительномъ молчаніи въ тюрьмѣ и вырвавшагося на свободу. Ему хочется говорить и говорить безъ конца. Онъ радъ, что у него есть слушатели, радъ, что его никто не удерживаетъ, и сыплетъ, и сыплетъ фразами безъ пути и безъ толку. Проходитъ еще часъ—и публика начинаетъ безъ стѣсненія зѣвать и двигаться на стульяхъ. Кто не завтракалъ, тотъ уже испытываетъ настоящія муки голода, а кому пора обѣдать, тотъ изнываетъ. У многихъ лица отъ голода и скуки осунулись. То тамъ, то сямъ слышны урчанія въ желудкахъ и раздаются шопотъ:

— Пора бы ужъ кончить... Довольно...

— Хотъ бы по стакану чаю дали... Нельзя же такъ томить публику... Однѣми рѣчами сытъ не будешь...

— Этакая, прости Господи, мельница!...

Наконецъ, и этотъ ораторъ къ общему удовольствію умолкаетъ. Всѣ облегченно вздыхаютъ и изъ вѣжливости жиденько хлопаютъ. Онъ садится довольный и въ сладостной истомѣ вдоволь наговорившагося человѣка. Часы на думской каланчѣ бьютъ четверть нятаго. Изголодавшаяся публика демонстративно и съ облегченіемъ поднимается съ мѣстъ. Слышны возгласы:

— Наконецъ-то отпустили души на покаяніе...

— Пора ко щамъ... Червякъ расхотился, заморить пора...

— Молоди-молоди битыхъ четыре часа... А кому это, спрашивается, нужно?

— Хотъ бы рюмку водки дали... Въ порядочныхъ заведеніяхъ на юбилеяхъ хотъ жиденькую закуску, а все-таки даютъ... Отъ голода даже брюки ослабли...

— Какъ же, ждите. Экономію наводятъ... Хотятъ показать, что надъ каждой копейкой трясутся...

— Фунтъ колбасы не миллионы стоитъ.

Публика рѣшительно направляется къ выходу, но въ это время изъ перваго ряда креселъ выскакиваетъ тонкій господинъ,

поднимаетъ руку, трясетъ въ воздухѣ кистью и, растопыривъ пальцы, заявляетъ:

— Шш! Шш! Погодите, господа, не расходитесь!... Еще одно слово... На одну только минуточку... Я не задержу васъ.

Часть публики отмахивается и уходитъ, а другая со вздохами и нехотя садится.

— Это что жъ за господинъ?—слышится шопотъ.

— Не знаете развѣ? Медвѣдевъ, мировой судья... Сынъ товарища городского головы Медвѣдева... Этотъ какъ начнетъ канитель тянуть, такъ до вечера не кончить... Помяните мое слово...

Новый ораторъ подошелъ къ углу эстрады, повернулся къ ней задомъ, а къ публикѣ—лицомъ, выждалъ, пока публика успокоилась, и началъ рѣчь. Прежде всего онъ заявилъ, что говоритъ по довѣренности своей матери, которой здѣсь нѣтъ, но которая имѣетъ два голоса, а потомъ сообщилъ, что всѣхъ членовъ въ этомъ обществѣ взаимнаго страхованія—четыре тысячи. Ровно четыре тысячи, не больше и не меньше. Столько ихъ было при основаніи общества и ровно столько же осталось и теперь, когда общество празднуетъ свой четвертьвѣковой юбилей.

— Это—цифра фатальная. Но почему же насъ только четыре тысячи?—воскликнулъ ораторъ. Задавшись такимъ вопросомъ, онъ сталъ и отвѣчать на него. Отвѣтить по существу—трудно. Четыре тысячи—есть четыре тысячи и только. Но проанализировать вопросъ можно и должно. Станемъ анализировать и увидимъ, что виновата въ этомъ публика: она относится почему-то равнодушно къ взаимному страхованію и почему-то предпочитаетъ страховать свои имуществы въ коммерческія общества. Виноваты члены общества и члены правленія: они не умѣютъ привлекать публику. Виноваты далѣе...

Ораторъ началъ долго и скучно выискивать виноватыхъ и выискивалъ ихъ съ такимъ усердіемъ, что запутался, вступилъ въ заколдованный кругъ и самъ почувствовалъ, что уже никакъ не можетъ изъ него выйти. Но онъ все-таки не теряетъ апломба и продолжаетъ говорить.

Думскіе часы бьютъ пять. Въ публикѣ начинается движеніе ногами и стульями. Потомъ всѣми присутствующими овладѣваетъ покашливаніе—очень понятное и вразумляющее. Но ораторъ не обращаетъ на это вниманія и все ищетъ лазейки изъ заколдованнаго круга. Въ разныхъ концахъ залы раздаются сдержанные голоса:

— Довольно!... Будетъ!.. Устали!.. Животы подвело!.. Ораторствуй у себя въ камерѣ...

Г. Медвѣдевъ стойко держитъ рѣчь. Думскіе часы отбиваютъ четверть.

— Фу ты, Господни, Боже мой!..—доносится изъ публики.—Безъ конца!...

Ораторъ произноситъ еще нѣсколько фразъ и умолкаетъ. Публика, выражая самую шумную и обидную для лица, державшаго рѣчь, радость, бѣжитъ къ выходу. Одинъ потокъ ея устремляется по лѣстницѣ на Думскую улицу, а другой—черезъ канцелярію думы. И тутъ—о радость—стоитъ столъ, на столѣ огромный мельхіоровый самоваръ, чайная посуда, разрѣзанный на куски сладкій тортъ и два лакея во фракахъ. Къ стаканамъ протягиваются сотни рукъ.

— Благодарѣтели, дайте горло промочить...

Лакеи едва успѣваютъ наливать, но скоро опускаютъ руки.

— Чаю... Дайте и мнѣ чаю...

— Чаю больше нѣтъ-съ,—отвѣчаютъ лакеи.—Самоваръ пусть... Въ самоварѣ только двадцать четыре стакана, а публики двѣсти человѣкъ...

— Хоть бы ужъ юбилейный двадцать пятый стаканъ прибавили,—злобно остерить кто-то.

— Сейчасъ самоваръ подогрѣютъ... Черезъ полчаса новый самоваръ будетъ,—утѣшаетъ лакей.

— Черезъ полчаса самъ пей...

Поднимается сдержанная ругань. На счастливицевъ, успѣвшихъ захватить стаканы, устремляются завистливые и даже злобные взгляды. Заправиламъ, устроившимъ юбилейный праздникъ, за глаза достается безъ всякой церемоніи.

— Морили, морили битыхъ шесть часовъ и стакана чая дать не могутъ...

— Черррти полосатые!..

— А все Медвѣдевъ... Говорилъ, говорилъ, говорилъ, а что говорилъ—чортъ его знаетъ!.. И кто его просилъ высказывать?!

— Никто не просилъ. Самъ встрялъ, въ родѣ своего папеньки. Тотъ всегда въ думѣ во всякое дѣло встрянуть норовить... На рюмкѣ водки экономію наводятъ...

— Чаю даже пожалѣли... Сторожъ, возьми номерокъ отъ платья, только поскорѣе поворачивайся: жрать хочется... Юбилей, чтобъ ему пусто было... Да ну же, поскорѣй... Черти, ей-Богу, черти...

XXXI.

Характерная страница изъ жизни Н. М. Баранова, героя «Весты», нижегородскаго губернатора и человѣка вообще настолько популярнаго, что о немъ ходятъ даже анекдоты. Я къ его имени до сихъ поръ относился съ уваженіемъ и былъ увѣренъ, что онъ — фигура исторически крупная и ужъ, конечно, не мелочная. На дѣлѣ же оказалось, что и онъ страдаетъ мелочнымъ тщеславіемъ и честолюбіемъ. Обнаружилъ это обстоятельство случай, виновникомъ котораго --- я.

При императорскомъ российскомъ соединенномъ пожарномъ обществѣ, вѣдающемъ интересы пожарнаго міра, открылся третьяго дня такъ называемый «Голубой Крестъ»—учрежденіе, поставившее себѣ задачей помогать семьямъ убитыхъ во время пожаровъ и выдавать пособія и вспомошествованія пожарнымъ, получившимъ увѣчья. Цѣль добрая и благая. Предсѣдатель пожарнаго общества князь А. Д. Львовъ и милѣйшій дѣлопроизводитель, на плечахъ котораго держится все дѣло, Д. П. Струковъ, постарались обставить открытіе «Голубого Креста» какъ можно торжественнѣе. Князь Львовъ надѣлъ по этому случаю свой камеръ-юнкерскій мундиръ, а Струковъ вырядился въ полную парадную форму. На торжество было приглашено не мало почетныхъ лицъ. Былъ приглашенъ и генералъ Н. М. Барановъ. Его заранѣе намѣтили и рѣшили провести въ члены правленія «Голубого Креста» и не потому, чтобы ожидали отъ него какой-либо особенной дѣятельности, а просто изъ-за его громкаго имени. Имя должно было помочь дѣлу. На открытіи рѣчь произнесъ Евгенийъ Васильевичъ Богдановичъ, бывшій староста Исаакіевскаго собора и извѣстный авторъ картинъ и брошюръ патріотическаго содержанія. Его изданія раздаются и войскамъ и народу бесплатно. Откликается онъ чуть ли не на всѣ общественныя, государственныя и стихійныя событія. Откликнулся онъ и на открытіе вновь народившагося «Голубого Креста». Передавая мнѣ и другимъ репортерамъ свою только что произнесенную рѣчь, онъ ставилъ условіемъ напечатать ее не въ извлеченіяхъ, а непременно цѣликомъ, потому что, по его словамъ, ее будетъ читать вся Россія.

Какъ и слѣдовало, въ этомъ же первомъ торжественномъ засѣданіи состоялись выборы въ главное управленіе «Креста». Избрали—какъ было заранѣе намѣчено—въ числѣ прочихъ и генерала Н. М. Баранова. Печатавъ въ газетѣ отчетъ объ этомъ торжествѣ, я написалъ, что въ члены управленія избраны: князь А. Д. Львовъ, капитанъ Д. П. Струковъ и генералъ Н. М. Барановъ. Первые двое—какъ должностныя лица, т. е. какъ предсѣдатель и дѣлопроизводитель. На слѣдующее утро, когда газета уже была прочитана, Д. П. Струковъ звонитъ мнѣ по телефону и сообщаетъ, что Барановъ страшно обиженъ и даже отказывается отъ званія члена потому, что въ газетномъ отчетѣ онъ упомянутъ не первымъ лицомъ, а третьимъ, уже послѣ Львова и Струкова. Онъ считаетъ себя униженнымъ. Услышавъ такую вещь, я удивился и сначала не хотѣлъ было даже вѣрить, но Струковъ совершенно серьезно увѣрилъ меня, что это именно такъ и что генералъ Барановъ дѣйствительно проявилъ подобную мелочность.

— Исправь, голубчикъ, если можно,—закончилъ Струковъ.—Совѣтъ пожарнаго общества такъ ошеломленъ этою неожиданностью, что собирается даже писать въ редакцію официальное

письмо съ просьбою напечатать, что сначала былъ избранъ Барановъ, а потомъ уже и Львовъ...

— Хорошо, исправлю,—отвѣтилъ я.

Когда я передалъ этотъ разговоръ редактору, то тотъ только пожалъ плечами отъ удивленія и проговорилъ:

— Быть этого не можетъ... А впрочемъ, напишите...

Я и написалъ: «Первымъ членомъ управленія общества «Голубого Креста» единогласно былъ избранъ генералъ Н. М. Барановъ». Такъ и было напечатано. На слѣдующій день Д. П. Струковъ опять позвонилъ въ телефонъ и лаконически сказалъ:

— Спасибо. Барановъ доволенъ и успокоился...

XXXII.

Получилъ приглашеніе пожаловать на открытіе небывалаго до сихъ поръ въ Питерѣ учрежденія — «лечебницы врачей-спеціалистовъ». Тамъ врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ не будетъ имѣть права проколотъ простой нарывъ, а хирургъ ни за что не рискнетъ прописать касторки: каждый будетъ знать только одно свое дѣло и свою специальность. Такъ, по крайней мѣрѣ, поняла публика значеніе этой новой лечебницы. Любопытства ради, накануне открытія, взялъ я камеру, сходилъ въ Чернышевъ переулокъ и сфотографировалъ зданіе, въ которомъ помѣщается это учрежденіе. На обратномъ пути слышу, кто-то громко позвалъ меня. Я обернулся. Передо мной былъ директоръ медицинскаго департамента Левъ Ѳедоровичъ Рагозинъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій онъ, какъ фотографъ-любитель, сталъ спрашивать меня, откуда и куда я иду съ камерой и что снималъ. Я отвѣтилъ.

— Знаю я эту лечебницу,—заявилъ Левъ Ѳедоровичъ.—Она открывается завтра. Много ихъ теперь открывается. Мы, т. е. медицинскій департаментъ, рѣшили теперь *laisser faire, laisser passer*: не препятствуемъ теченію, махнули рукой. Посмотримъ, что изъ этой лечебницы—какой гешефтъ выйдетъ.

— Ужъ будто бы и гешефтъ?

— Конечно—не иначе. Что теперь дѣлается, такъ и сказать трудно. Одни гомеопаты чего стоятъ. Слышали про нихъ? А сколько зубныхъ и зубоврачебныхъ кабинетовъ чуть ли не съ даровой помощью открывается! Развѣ это не гешефтъ? Мы постановили теперь все разрѣшать. Теперь теченіе такое. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

— А долго смотрѣть будете?

— Пока кто-нибудь изъ нихъ не устроитъ какой-нибудь каверзы и не проштрафится... А я радъ васъ видѣть... Хотите папиросу?..

Разговоръ нашъ перешелъ на житейскія темы, и вскорѣ мы разстались.

На слѣдующій день лечебница открылась съ обычнымъ въ этихъ случаяхъ торжествомъ. Во-первыхъ, былъ молебенъ, а во-вторыхъ, завтракъ съ обиліемъ питій и яствъ. На завтракъ я не остался—ушелъ раньше, но столы видѣлъ: нагружено на нихъ было порядочно.

Лечебница устроена врачами-спеціалистами на товарищескихъ началахъ въ складчину и въ расчетъ на авось: выгорить — хорошо, а не выгорить—такъ тому и быть. Если дѣло провалится, то первоначальный убытокъ для каждаго изъ участниковъ будетъ не великъ. Задумали, однакоже, врачи на широкую ногу—пригласить сразу шестьдесятъ спеціалистовъ для пріемовъ утромъ и вечеромъ, но оказалось, что во всемъ Питерѣ шестидесяти достойныхъ не нашлось. Одинъ изъ врачей-участниковъ (*nomina sunt odiosa*) пояснилъ мнѣ слѣдующее:

— Чтобы занять мѣсто въ нашей лечебницѣ, нужно обладать дипломомъ. Врачей-то съ дипломами нашлось много, а какъ стали пропускать ихъ черезъ товарищескій фильтръ, то и не хватило: шестидесяти не набралось. Всего только сорокъ пять набрали, да и то съ трудомъ...

— Чѣмъ же остальные вамъ не угодили?—спросилъ я.

— Больше все—гешефтвахеры...

Невольно вспомнился мнѣ разговоръ съ Л. О. Рагозинымъ.

XXXIII.

Похоронили на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря извѣстнаго профессора и акушера Кронида Оедоровича Слявянскаго. Гремѣлъ человѣкъ когда-то. Привезли его тѣло съ юга по Николаевской дорогѣ. На вокзалѣ собралось встрѣтить народа не много—почти одни только студенты и родные. Отпѣвали въ церкви военно-медицинской академіи. За гробомъ до кладбища изъ профессоровъ шелъ пѣшкомъ одинъ только фیزیологъ Ив. Петр. Павловъ; остальные предпочли ѣхать въ экипажахъ. Погода была претовратительная: дождь, вѣтеръ и слякоть. Итти было не весело. Траурная колесница была обвита гирляндами бумажныхъ цвѣтовъ и блестѣла электрическими лампочками, напоминавшими горящія лампадки. Похороны были «бѣлыя»: колесница бѣлая, шестерка лошадей цугомъ—въ бѣлыхъ пополахъ, факельщики—въ бѣлыхъ балахонахъ, ящикъ съ ельникомъ—бѣлый и колесница для вѣнковъ—бѣлая. Странный контрастъ представляла собою черная грязь на бѣлыхъ штанахъ факельщиковъ. Такъ и рѣзала глаза. Не подходитъ вообще вся эта бѣлая мишура къ петербургскому климату. Временами дождикъ такъ и

рѣзалъ въ лицо. Вода въ Невѣ поднялась на три фута. Все было печально, сумрачно, сѣро и грязно. На Загородномъ проспектѣ заговорилъ я съ профессоромъ-хирургомъ Максимомъ Семеновичемъ Субботинымъ.

— Предполагаются ли рѣчи на могилѣ?

— Да, да, будутъ,—отвѣтилъ онъ.—Фишеръ собирается говорить. А если никто ничего не скажетъ, такъ я скажу.

Обогналъ я процессію и отъ технологическаго института до Новодѣвичьяго монастыря проѣхалъ на конкѣ подъ сильнымъ дождемъ. На паперти церкви въ монастырѣ встрѣтилъ я спрятавшагося отъ дождя преемника покойнаго С. П. Боткина—профессора Михаила Владимировича Яновскаго.

— Были въ академіи въ церкви на отпѣваніи?—спросилъ я.

— Былъ. Церковь была полна, только профессоровъ въ ней мало было. Какъ теперь стало профессоровъ подчищать: 11-го умеръ Славянскій, а 13-го Костюринъ. Слышали? Чахотка. Умеръ на кумысахъ.

Монастырскій дворъ сталъ понемногу наполняться передовыми провожающими. Подошелъ къ намъ профессоръ-хирургъ Евгений Васильевичъ Павловъ.

— А я только сегодня утромъ изъ Одессы. Едва успѣлъ въ больницѣ бумаги подписать. Приѣхалъ, смотрю—на креслѣ разложены мундиръ, шалка, шпага... Спрашиваю: что это за безпорядокъ? А жена отвѣчаетъ: «Одѣвайся и поѣзжай на похороны. Славянскій умеръ».

— Отчего онъ умеръ?

— Воспаленіе легкихъ.

— Что вы?! У него вѣдь была аневризма. Я его слушалъ...

— Горло у него часто заболѣвало. Бывало, какъ захвораетъ горломъ, такъ сейчасъ же—ко мнѣ, какъ къ хирургу. «Захворалъ, говоритъ; смотри, говоритъ, какъ только что-нибудь серьезное, такъ ты сейчасъ же—трахеотомію!!» Мы вѣдь съ нимъ одна кашники... Смерти не боялся...

— Философски къ ней относился...

— Философски—не философски, а все же не любилъ о ней думать. «Все равно, говоритъ, расчетъ съ нею неизбѣженъ, но лишь бы не была мучительна...» Последніе годы, однакоже, безъ пилокарпина обходиться не могъ...

— Какъ безъ пилокарпина?

— Впрыскиванія себѣ дѣлалъ... А все-таки любилъ по субботамъ въ клубъ послѣ обѣда стаканъ шампанскаго выпить... Пульсъ—полтора ста...

Подошелъ профессоръ физики Николай Григорьевичъ Егоровъ.

— А? Что?

Въ это время во дворъ вѣхала колесница и стала огибать монастырское зданіе. Бесѣда прекратилась. Тяжелый металлическій гробъ съ большимъ трудомъ донесли профессора и врачи до могилы, вырытой рядомъ съ могилою Чудновскаго. Одинъ изъ врачей, несшій гробъ спереди, шелъ задомъ, оступился и полетѣлъ прямо въ могилу. Всѣ ахнули. Могильщики вытащили его. Но все обошлось благополучно: пострадавшій только отдувался—неизвѣстно только: отъ волненія и испуга, или же отъ усталости. Теперь онъ имѣетъ право сказать, что уже побывалъ въ могилѣ...

Пропѣли вѣчную память и началась рѣчи. Профессоръ Лебедевъ, акушеръ, прочелъ по бумажкѣ погребальное слово, въ которомъ сравнилъ индивидуальную жизнь съ волною: волна вздымается и исчезаетъ, но ея энергія не пропадаетъ, а вызываетъ появленіе новыхъ волнъ. Такъ и жизнь покойнаго подобна волнѣ—она прошла не даромъ: онъ оставилъ по себѣ учениковъ...

Рѣчь, помимо ея достоинствъ, была еще и тѣхъ хороша, что была коротка. Выступилъ профессоръ Субботинъ и началъ:

— Я не затѣмъ пришелъ сюда, товарищъ, чтобы восхвалять твою дѣятельность. Я не затѣмъ пришелъ, чтобы говорить о твоихъ заслугахъ. Я не затѣмъ пришелъ, повторяю, чтобы...

Рѣчь была длинная. Ораторъ даже прочелъ выдержки изъ адреса, поднесеннаго покойному двадцать лѣтъ тому назадъ,—но все-таки такъ никто изъ присутствовавшихъ и не узналъ, затѣмъ собственно пришелъ сюда почтенный профессоръ. Быть можетъ, вышло это оттого, что во время рѣчи дулъ сильный вѣтеръ и поролъ дождь. Всѣ стояли подъ зонтиками... Послѣ рѣчи подождали безмолвно еще минутъ пять въ ожиданіи новыхъ ораторовъ, а затѣмъ раздался прозаическій возгласъ:

— Бери лопаты! Ребята, засыпай!..

XXXIV.

Мнѣ же пришлось хоронить и профессора военно-медицинской академіи Степана Дмитріевича Костюрина. Умеръ онъ въ Ялтѣ. Тѣло его привезли по Николаевской дорогѣ съ дневнымъ поѣздомъ, прибывшимъ въ 2 ч. 15 мин. дня. Вагонъ, въ которомъ стоялъ гробъ, оказался замѣчательно приличнымъ. До сихъ поръ возили покойниковъ въ простыхъ товарныхъ вагонахъ; теперь же, какъ оказывается, Николаевская дорога обзавелась специальными новенькими вагонами, отличающимися отъ багажныхъ только своимъ траурно-темнымъ цвѣтомъ. Для публики этотъ приличный внѣшній видъ имѣетъ огромное значеніе. Раньше съ

вагонами было много хуже. Когда изъ Питера увозили въ Москву тѣло редактора «Современныхъ Извѣстій» Гилярова-Платонова, то полъ товарнаго вагона не позаботились даже вымести.

Встрѣтить гробъ прибыли на вокзалъ не многіе. Былъ между прочимъ профессоръ Вячеславъ Авксентьевичъ Манасенинъ въ старинной шинели съ капюшономъ и въ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ. Въ старину въ такихъ костюмахъ ходили провинціальныя чиновники древней фракціи. Былъ и писатель Сергѣй Васильевичъ Максимовъ. Онъ предыдущимъ лѣтомъ вмѣстѣ съ покойнымъ Костюринымъ лечился «на кумысахъ» и онъ же привезъ въ Питеръ точное извѣстіе о болѣзни, которая свела въ могилу Костюрина. Докторъ «на кумысахъ», выслушивая покойнаго, говорилъ не разъ при С. В. Максимовѣ, что легкое у Костюрина могло бы еще протянуть, но сердце — плохо. Онъ и умеръ отъ паралича сердца. Эти самыя вѣсти Сергѣй Васильевичъ — какъ онъ самъ разсказалъ мнѣ — долженъ былъ сообщить и въ военно-медицинской академіи, куда его приглашали профессора для допроса въ качествѣ «благороднаго свидѣтеля».

Въ ожиданіи поѣзда съ тѣломъ какой-то черноволосый священникъ очень волновался по поводу того, что на двоѣхъ вокзала не видно траурной колесницы. Съ ея присылкою, видимо, не спѣшили. Гробъ вынули изъ вагона только въ половинѣ пятаго. Кто-то изъ присутствовавшихъ объяснилъ это тѣмъ, что въ академіи въ то время шла конференція и профессора не свободны. Такъ это, или нѣтъ, но къ выносу тѣла изъ профессоровъ прибылъ одинъ только Сергѣй Владимировичъ Шидловскій. Былъ тутъ и извѣстный воздухоплаватель полковникъ Мих. Мих. Поморцевъ. Вдова покойнаго, его дочь и сыновья оставались на платформѣ отъ прибытія поѣзда и до постановки гроба на дроги. С. В. Максимовъ все время не отходилъ отъ нихъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разговора, когда они встрѣтились на вокзалѣ. Вдова, обливаясь слезами, стала сѣтовать на то, что мужъ ея умеръ слишкомъ рано.

— Надулъ насъ. Всѣхъ насъ надулъ и обманулъ, сударыня: слишкомъ рано умеръ. Не ожидали мы этого отъ него, — утѣшилъ С. В. Максимовъ.

Хорошо, тепло и сердечно вышло у него это обвиненіе покойнаго въ надувательствѣ.

Кромѣ С. В. Шидловскаго, изъ профессоровъ не пріѣхалъ никто. За гробомъ шла довольно густая толпа почитателей покойнаго. Товарищи же по академіи выказали порядочное равнодушіе.

Похоронили его на Волынеохтенскомъ кладбищѣ и похоронили, можно сказать, чуть ли не позорно. Профессоровъ и публики было значительно меньше, чѣмъ можно было ожидать, а жалобъ было много. Во-первыхъ, жаловались на то, что о днѣ погребенія не

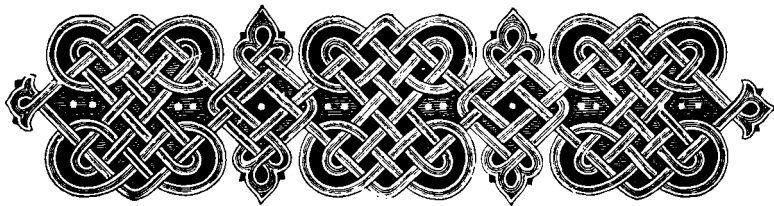
было оповѣщено въ газетахъ, а во-вторыхъ, многимъ было обидно, что для похоронъ былъ назначенъ почему-то черезчуръ ранній часъ. По распоряженію начальника академіи заупокойная обѣдня началась почему-то въ восемь часовъ утра вмѣсто обычныхъ десяти. А такъ какъ Костюринъ былъ уже отпѣтъ въ Ялтѣ и панихиды длинной не было, то его гробъ тотчасъ же послѣ обѣдни поставили на дроги и повезли на кладбище—въ началѣ одиннадцатаго. Большинство публики не ожидало такой ничѣмъ необъяснимой поспѣшности и опоздало на погребеніе. Въ двѣнадцать часовъ на кладбищѣ все было уже кончено: рѣчи были произнесены и могильщики уже насыпали холмъ. Бѣднягѣ Костюрину насчетъ похоронъ не повезло: вчера профессора академіи не могли явиться на вокзалъ для встрѣчи тѣла, потому что засѣдали въ конференціи. Въ повѣсткахъ, розданныхъ имъ, рекомендовалось собраться на вокзалъ къ пяти часамъ, а въ половинѣ пятаго гробъ, по чьему-то распоряженію, былъ уже вынутъ и установленъ на дроги. Въ обозначенное на повѣсткахъ время процессія, къ общему огорченію профессоровъ, была уже на Невскомъ. Во всей этой неурядицѣ всѣ заинтересованныя лица обвиняли начальника академіи В. В. Пашутина, которому, между прочимъ, по поводу его ничѣмъ необъяснимаго желанія начать обѣдню въ восемь часовъ и священникъ докладывалъ, что слѣдовало бы «по обычаю» начать въ десять. Но В. В. Пашутинъ своего рѣшенія не измѣнилъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что день былъ воскресный, а по воскресеньямъ въ академической церкви обѣдня никогда ранѣе десяти не начиналась. Вообще во всей этой исторіи было что-то странное. Всѣ сожалѣли. На кладбищѣ мнѣ пришлось слышать отъ многихъ лицъ одну и ту же почти что стереотипную фразу:

— Славный былъ человѣкъ покойный Степанъ Дмитріевичъ, хорошій человѣкъ, а похороны вышли такія неудачныя... Вѣдь вотъ поди жъ ты... А все—Пашутинъ...

На могилѣ говорили рѣчи профессоръ Виноградовъ и докторъ Нандръ. Рѣчи были теплыя. Ожидались и еще рѣчи, но авторы ихъ, благодаря неурядицѣ, запоздали и нашли уже пустое кладбище.

Александръ Чеховъ. (Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XXXV.

РАБОЧЕМЪ вопросъ писать въ газетахъ строжайше запрещено нѣсколькими циркулярами главнаго управленія по дѣламъ печати. Затрогивать его съ экономической точки зрѣнія—Боже сохрани: считается очень опаснымъ. Поэтому ни въ одной газетѣ нельзя найти ни одной статьи о рабочихъ. Если же въ которой-нибудь изъ нихъ и проскользнетъ какая-нибудь, большею частью невинная, вещица въ этомъ родѣ, то газета подвергается карѣ. Можно писать только о томъ, что правительство дѣлаетъ для рабочихъ. Можно и разрѣшено писать также о томъ, что дѣлаютъ и устраиваютъ съ разрѣшенія начальства разныя общества и частныя лица. Объ одномъ изъ такихъ добрыхъ дѣлъ я и далъ замѣтку въ свою газету.

Доброе дѣло затѣяно неутомимымъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ. Онъ взялъ на себя предсѣдательствованіе въ недавно народившемся попечительствѣ о народной трезвости и подъ флагомъ этого попечительства орудуетъ очень энергично. Принцъ—натура, которая не можетъ сидѣть безъ дѣла. Онъ постоянно долженъ что-нибудь творить и при томъ творить не мелочь какую-нибудь, а непременно что-нибудь крупное. Принцъ косвенно,—подъ флагомъ того же попечительства,—принялся и за

---

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СІХ, стр. 726.

частичное разрѣшеніе рабочаго вопроса: онъ занялся улучшеніемъ быта рабочаго. Сегодня я былъ на закладкѣ или, вѣрнѣе, на открытіи дома для рабочихъ—съ ночлегомъ и со столовой. Возникновеніе этого дома вызвано вотъ чѣмъ.

Въ Петербургѣ ежегодно по одной только Николаевской дорогѣ прибываютъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Всѣ они съ вокзала разбредаются по постояннымъ дворамъ и по ночлежнымъ пріютамъ, т. е. по учрежденіямъ, далеко не гигиеничнымъ и не дешевымъ. Чтобы помочь этому горю, попечительство (а попросту—принцъ Ольденбургскій) придумало построить недалеко отъ путей Николаевской дороги домъ со всевозможными приспособленіями для прибывающихъ рабочихъ. На торжествѣ, о которомъ рѣчь пойдетъ ниже, мнѣ сообщили слѣдующее: въ главныххъ чертахъ идея такова. Рабочихъ, прибывающихъ въ Питеръ, прямо изъ вагоновъ агенты попечительства будутъ направлять въ специально для этого устроенный домъ съ ночлежкой и со столовой. Здѣсь рабочій будетъ чувствовать себя, какъ дома: его будутъ кормить, поить и обстирывать.

— На какія же средства?—спросилъ я.

— На средства попечительства.

— Даромъ?

— Нѣтъ, не даромъ, а въ долгъ. Рабочему будетъ хорошо.

— Съ кого же и когда вы получать долги будете? Съ рабочаго?

— Нѣтъ... То-есть, съ рабочаго, но не съ него самого. Предполагается, что рабочій прожилъ уже по дорогѣ. Вы дослушайте до конца, тогда и поймете. Наши агенты прямо съ вокзала доставляютъ рабочихъ сюда. Здѣсь у насъ они находятъ все необходимое: здоровое помѣщеніе, здоровый столъ и прочее. Живутъ они въ общемъ помѣщеніи и благодушествуютъ.

— И долго живутъ и благодушествуютъ?

— Не перебивайте. Домъ нашъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ биржи труда. Къ намъ будутъ являться подрядчики и набирать кадры нужныхъ имъ лицъ. Уводя съ собою набранную артель, подрядчикъ и заплатитъ намъ за ея содержаніе. Мысль, можно сказать, геніальная. Какъ вы думаете? А?

— Мысль, можетъ быть, и геніальная, но она у васъ никогда не осуществится. На такихъ условіяхъ рабочіе къ вамъ не пойдутъ. Во-первыхъ, ваши пріемы и держаніе ихъ въ золотой клѣткѣ покажется имъ плѣномъ, а во-вторыхъ, уплата подрядчикомъ за ихъ содержаніе въ домѣ въ ихъ глазахъ будетъ похожа на отдачу въ кабалу. Подрядчикъ отдастъ вамъ рубль, а съ рабочаго вычтетъ три... Помяните мое слово, что рабочій побѣжитъ отъ васъ, какъ отъ врага.

— Не забывайте, что мы дадимъ ему и разумное развлеченіе. Мы строимъ для него театръ.

— О театрѣ я не могу ничего сказать. Это у насъ дѣло новое. А вотъ насчетъ вашей гениальной идеи повторю, что выполнить ее вамъ не удастся. Вы косвенно парализуете свободу рабочаго, насильственно навязывая ему непривычныя удобства и гигиѣну. Ему дорога прежде всего свобода, и, пріѣзжая въ Питеръ на заработки, онъ уже заранѣе ѣдетъ либо въ какую-нибудь артель, либо къ подрядчику; а если онъ не попадетъ ни туда, ни сюда, то предпочтетъ слоняться и искать вольнаго труда, но къ вамъ не пойдетъ ни за что. Создавая этотъ проектъ, вы не потрудились изучить натуру пришлаго рабочаго.

— Ну, не говорите... Вы смотрите пессимистически... Только, пожалуйста, не напечатайте того, что вы сейчасъ сказали: это кое-кого огорчить.

— Печатать не буду. Намъ запрещено затрогивать въ печати рабочій вопросъ.

— И славу Богу. Пойдемте, посмотримъ будущій театръ...

При домѣ для рабочихъ устраивается театръ—народный театръ и мѣсто для развлечения. Отнимая у рабочихъ водку, попечительство считаетъ своей нравственной обязанностью замѣнить алкогольное веселье какимъ-нибудь хорошимъ и полезнымъ развлеченіемъ. Лучшимъ и полезнѣйшимъ оно считаетъ театръ. И славу Богу. Этому нельзя не сочувствовать.

Для будущаго театра и для рабочихъ принцъ Ольденбургскій отвоевалъ за Обводнымъ каналомъ у администраціи императорскаго фарфороваго завода два старыхъ каменныхъ зданія. Оба зданія, если не ошибаюсь, взяты попечительствомъ въ долгосрочную аренду. Въ одномъ изъ нихъ когда-то было стекольно-гончарное отдѣленіе. Потомъ это отдѣленіе было упразднено и въ зданіи стали хранить на складѣ старыя декорации императорскихъ театровъ. Сегодня, когда я осматривалъ это зданіе, декорации были уже выброшены и валялись подъ открытымъ небомъ, какъ старый и ненужный хламъ. Боже, до чего мрачно, угрюмо и тяжело-массивно это заводское зданіе! Стѣны толстыя, точно крѣпостныя; потолки закопчены и все зданіе занято нѣсколькими десятками разнаго рода громоздкихъ каменныхъ печей и горновъ. Все это теперь уже полуразрушено и уже утратило свой настоящій видъ, но напоминаетъ что-то средневѣковое и тюремное. Теперь всѣ эти печи и горны, въ которыхъ когда-то плавилось стекло, ломаются и разрушаются съ трудомъ. Сооруженія эти такъ прочны, что плохо поддаются усиліямъ лома.

— Такъ крѣпко все слежалось, что мы мѣстами должны взрывать порохомъ. Это дѣлается по секрету отъ полиціи, потому что въ чертѣ города взрывать нельзя. Объ этомъ тоже не пишете,—сказалъ мнѣ мой спутникъ.

Принцъ Ольденбургскій ведетъ работы съ невѣроятной быстротою. Заводское зданіе было передѣлано въ домъ для рабочихъ всего въ одну недѣлю. Тамъ появились и нары и столовая. Проведено даже и электричество. Гдѣ-то въ уголку двора стоитъ въ загородкѣ паровикъ и вертитъ динамо-машину. Для перваго раза, пока еще нѣтъ рабочихъ съ вокзала, въ домѣ этомъ поселены рабочіе, строящіе театр. Первые блага новаго учрежденія они испытаютъ на себѣ. Въ домѣ чисто, нары просторны и опрятны. Всѣхъ обитателей человѣкъ триста. Вентиляція хороша, но уже самая цифра «триста» сдѣлала вполне понятнымъ легкое присутствіе того казарменнаго «русскаго духа», съ которымъ не въ силахъ справиться ни одна вентиляція въ мірѣ.

Освященіе зданія началось молебномъ и окончилось окропленіемъ. Священникъ сказалъ, обращаясь къ рабочимъ, довольно пространную рѣчь, въ которой, указывая на изготовленные для нихъ удобства и всякія блага, увѣщевалъ ихъ работать добросовѣстно, усердно, а не «какъ наемники». Стоявшій подлѣ меня сосѣдъ истолковалъ эту фразу такъ: разъ рабочіе не наемники, то, значитъ, они работаютъ даромъ. Изъ устъ священника слѣдуетъ, что рабочихъ съ перваго же шага хотятъ эксплуатировать: наняли за условленную плату и подослали попа, чтобы онъ уговорилъ ихъ работать не какъ «наемники», а бесплатно. Два-три человѣка улынулись этой остротѣ. Рабочіе же, слушая эту проповѣдь, относились къ ней совершенно безучастно. Ихъ гораздо больше занималъ приготовленный для нихъ праздничный столъ. На длинныхъ столахъ стояли жестяныя мисочки и въ каждую изъ нихъ было положено по куску вареной колбасы, по куску мяса и по огромному пирогу. Все это были такія порціи, которыхъ обыкновенному желудку хватило бы на три ѣды, не считая щей. Кромѣ того, на приборъ поставлена была бутылка пива и на каждые два прибора—бутылка меду. Водки не было: попечительство о народной трезвости водку отрицаетъ.

По окончаніи духовнаго торжества рабочихъ размѣстили за столъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по простотѣ душевной, сейчасъ же принялись за колбасу и за пироги, но изъ глубины зданія послышался грозный окрикъ:

— Погодите ѣсть! Успѣете!

Рабочіе конфузливо перестали жевать. Священникъ распорядился, чтобы они хоромъ пропѣли «Отче нашъ». Это смутило ихъ: у многихъ не было ни голоса, ни умѣнья пѣть. Но кое-какъ съ этою формальностью сладили—пропѣли. Принцъ выпилъ чарку за здоровье государя. Пропѣли гимнъ. Потомъ было провозглашено еще нѣсколько здравницъ. А рабочіе, стоя у своихъ приборовъ и глядя на колбасу, усердно облизывались. Наконецъ, праздничныя формальности окончились. Тотъ же голосъ изъ глубины крикнулъ грубо:

— Теперь можно! Жрите!

Рабочіе дѣйствительно принялись не ѣсть, а жрать... Послѣ обѣда ихъ угостили вокально-инструментальнымъ концертомъ. За столомъ имъ служили солдаты изъ училища правовѣдѣнія. Это обстоятельство ясно показывало, что принцъ Ольденбургскій кормилъ рабочихъ отъ себя и лишь прикрывался флагомъ попечительства. Для почетныхъ гостей былъ сервированъ завтракъ въ особой палаткѣ, раскинутой въ саду. Несмотря на радушія приглашенія, на завтракъ я не остался, потому что спѣшилъ на похороны профессора Костюрина.

Дай Богъ успѣха новому дѣлу. Что принцу, при его энергіи и массѣ затрачиваемыхъ денегъ, театръ для рабочихъ удастся,—въ это я вѣрю; но чтобы пріѣзжіе рабочіе пошли въ открытый имъ домъ,—я очень и очень сильно сомнѣваюсь... Посмотримъ, что скажетъ будущее... ¹⁾).

XXXVI.

На могилѣ Ивана Ѳедоровича Горбунова на Никольскомъ кладбищѣ освятили памятникъ-часовню, внутри которой повѣшенъ его портретъ и по стѣнамъ развѣшаны вѣнки... Какъ быстро летитъ время! Давно ли я говорилъ съ нимъ, давно ли слышалъ его остроумную бесѣду, которою онъ приводилъ въ восторгъ интимную компанію въ домѣ нашихъ общихъ знакомыхъ?! Потомъ мнѣ пришлось со скорбью въ душѣ провожать его въ могилу и описывать его похороны, а наканунѣ—фотографировать его при магніи, лежащимъ молчаливо въ гробу, окруженнымъ пальмами. Теперь уже воздвигнута часовня. Въ день его именинъ въ этой часовнѣ отслужили панихиду.

Много было при жизни друзей у покойнаго и много почитателей его таланта. Но въ мірѣ все быстро забывается. На панихидѣ, кромѣ семьи, были только самые близкіе друзья: А. Ѳ. Кони, С. В. Максимовъ и Ф. В. Вишневскій (Черниговецъ). Изъ театральнаго міра явилось нѣсколько артистокъ и артистовъ, никому невѣдомыхъ. Часовня построена рядомъ съ каменной пагодой торговцевъ готовымъ платьемъ братьевъ Мори. По поводу этой пагоды завязался разговоръ. Кто-то сказалъ, что эти Мори, какъ иностранцы, исповѣдуютъ вѣру не православную, и удивился тому, что ихъ пустили на лаврское кладбище. Ф. В. Вишневскій со свойственнымъ ему юморомъ замѣтилъ:

— За деньги нынче всюду пускаютъ, а не только что въ лавру. За деньги, говорятъ, даже и въ рай пускаютъ...

¹⁾ Позднѣйшее примѣчаніе. Идея эта не удалась; но театръ блестяще осуществился.

XXXVII.

Освящали школу Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря за Московской заставой. Внутри зданія еще пахло сыростью и масляными красками до такой степени ощутительно, что можно смѣло утверждать, что у учителей и учениковъ отъ этихъ запаховъ будутъ болѣть головы. На торжество были приглашены сильные міра сего—духовные и свѣтскіе и во главѣ ихъ—оберъ-прокуроръ свѣтѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ. Отслужили молебенъ и духовенство пошло съ пѣніемъ окроплять весь домъ. За духовенствомъ пошла толпа. Я и еще кто-то изъ репортеровъ остались въ комнатѣ, смежной съ залой, въ которой служился молебенъ. Въ это время К. П. Побѣдоносцевъ осматривалъ помѣщенія классовъ. Слѣдомъ за нимъ семенилъ смотритель школы и съ подобострастіемъ давалъ объясненія. Вошли они оба и въ ту комнату, гдѣ находились мы.

— А это кто? — спросилъ К. П. Побѣдоносцевъ, указывая на насъ.

Смотритель засуетился и не зналъ, что отвѣтить.

— Сотрудники газетъ,—отвѣтилъ я за смотрителя.

— А, это тѣ, которые видятъ одно, а пишутъ другое и пишутъ то, что не надо, и не такъ, какъ надо!..

Съ этими словами оберъ-прокуроръ, не обращая на насъ болѣе никакого вниманія, повернулся спиною и пошелъ далѣе, а смотритель, бросивъ на насъ презрительно уничтожающій взглядъ, поспѣшилъ за нимъ и изогнулся еще подобострастнѣе.

Мы съ товарищемъ переглянулись и грустно улыбнулись. Если на насъ, скромныхъ работниковъ, смотрятъ здѣсь такими глазами, то незначѣмъ было и приглашать насъ на освященіе. Впрочемъ, К. П. Побѣдоносцевъ на этотъ разъ былъ правъ, говоря, что мы пишемъ не такъ, какъ надо. Если бы мы могли писать такъ, какъ надо, т. е. одну только правду, то и эта его обидная острота попала бы непременно въ печать, какъ лучший перлъ при описаніи торжества освященія школы.

XXXVIII.

Скончался петербургскій митрополитъ Исидоръ. Стеченіе народа въ лаврѣ было огромное. Служба была длинная и холодъ на дворѣ стоялъ ощутительный. Исидоръ, по словамъ одного изъ монашествующихъ обитателей лавры, умеръ 93 лѣтъ и прожилъ бы навѣрное дольше, если бы не одно печальное обстоятельство.

— Посидѣлъ владыка высокопреосвященнѣйшій потный у окна,—повѣствовалъ монахъ,—и схватилъ жабу или что-то въ

этомъ родѣ. Сначала вспухла рука, а потомъ пошло дальше... А жалко владыку, жалко. Хорошій былъ архипастырь...

Монахъ вздыхалъ, но по лицу его было видно, что монашествующей братіи владыку было такъ же жалко, какъ и прошлогодняго снѣга...

Стоять въ церкви, пока шло длинное отпѣваніе, намъ, репортерамъ, было неинтересно: во-первыхъ, душно и тѣсно, а во-вторыхъ, и смысла не имѣло. Мы должны были слѣдить за тѣмъ, какъ бы не прозвѣвать какое-нибудь высокопоставленное лицо или не опустить какую-нибудь деталь. Собрались мы поэтому кучкой недалеко отъ собора и стоимъ. Балагуримъ, куримъ и зябнемъ. Подходить къ намъ знакомый полицейскій чинъ и говорить:

— Охота вамъ, господа печать, зябнуть... Шли бы въ келью къ отцу казначею погрѣться...

— А что тамъ такое?—полюбопытствовалъ кто-то изъ насъ.

— Тешка малосольная... Такая интересная, что въ ротъ сама просится... Еще кое-что есть... Тамъ сами увидите...

— Какъ же попасть въ казначейскую келью?

— Идите прямо... Впрочемъ, я васъ провожу. Пойдемте. Тешка такая интересная, что изъ-за нея одной невольно пропустишь вторую.

Мы обрадовались и пошли. Въ кельѣ, куда насъ привелъ полицейскій чинъ, уже сидѣло вдоль стѣны еще три чина. На столѣ стоялъ графинъ съ водкой и нѣсколько рюмокъ. На тарелкахъ лежали грибы и тешка, глядѣвшая очень заманчиво. Неподалеку отъ стола, на какомъ-то сундукѣ сидѣлъ, опершись обѣими руками на высокій посохъ, сѣдой монахъ, хозяинъ кельи, и молча и строго смотрѣлъ на чиновъ и на нашу компанію. Мы раскланялись съ нимъ, но онъ намъ ничего не отвѣтилъ.

— Приступайте, господа,—заговорили чины.—Озябли? Грѣйтесь, грѣйтесь... Закусочка — первѣйшій сортъ. Превосходно кушаютъ господа иноки.

Старикъ-монахъ не моргнулъ и бровью. Приглашать насъ второй разъ не было надобности. Графинъ и тарелка съ рыбою опустѣли быстро.

— Чудеснѣйшая тешка, — проговорилъ кто-то. — Въ продажѣ такой не найдешь даже въ Милютиныхъ лавкахъ.

— Съ холода очень недурно...

Наступило неловкое молчаніе. Выпить хочется еще. Репортеры смотрятъ на полицейскихъ чиновъ. У тѣхъ на лицѣ написано, что и они тоже не прочь повторить.

— Ваше иноческое благословеніе, какъ бы это еще?—заговорилъ одинъ изъ чиновъ.—Рыбка ужъ очень хороша... И грибокъ тоже...

Старый монахъ, не измѣняя позы и не смягчая суроваго взгляда, лаконически произнесъ:

— Принеси!..

Откуда-то, точно изъ земли, выросъ послушникъ, молча взявъ пустой графинъ и тарелку и вышелъ. Минуть черезъ пять онъ вернулся и досадливо поставилъ на столъ и то и другое, но уже въ обильномъ количествѣ. Скоро было уничтожено и это. И чины, и мы, репортеры, согрѣлись. Сознаніе неловкости и того, что мы непрошенными ворвались въ чужую квартиру, исчезло. Перестали даже смущать суровая неподвижность старца и строгость его взгляда. Начались разговоры. Кто-то довольно безтактно упомянулъ о томъ, что одинъ изъ лаврскихъ монаховъ, ѣдучи по Финляндской дорогѣ, сильно порѣзалъ себѣ руку, откупоривая въ вагонѣ бутылку съ сельтерской водой. Объ этой поѣздкѣ по Питеру ходили очень скандальныя розсказы далеко не цѣломудреннаго свойства... Старецъ, слушая этотъ разсказъ, не пошевелился и сталъ смотрѣть еще суровѣе. Видно было, что присутствіе подвыпившихъ людей въ его кельѣ было ему противно и что онъ съ радостью выгналъ бы ихъ, но не можетъ, потому что угощеніе входитъ въ программу похоронъ. Полицейскіе чины снова и на этотъ разъ уже развязно заговорили о прелестяхъ тешки и о томъ, какъ хорошо кушаютъ монахи.

— Принеси!—повторилъ старецъ послушнику, и въ голосѣ его звучала уже сердитая нота.

Истощившіеся запасы возобновились опять. Полицейскіе чины и репортеры поочередно выходили изъ кельи посмотрѣть, не кончилось ли отпѣваніе, и опять возвращались сюда, какъ домой. Старецъ сидѣлъ все въ той же позѣ, опершись обѣими руками на посохъ. Костлявые пальцы его по временамъ нервно сжимали древко посоха, какъ бы приглашая его прогуляться по головамъ и спинамъ непрошенныхъ безцеремонныхъ гостей. Но гости вели себя такъ, что онъ еще разъ, но уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ произнесъ:

— Принеси!..

Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока вѣстникъ извнѣ не далъ знать:

— Отпѣваніе кончается. Сейчасъ опущеніе въ могилу начнется...

Всѣ поднялись съ мѣстъ, засуетились и взялись за шапки. Поблагодарили хозяина за угощеніе, но онъ, все въ той же позѣ, даже не кивнулъ намъ головою. Взглядъ его былъ суровъ и по-прежнему презрителенъ. Мы гурьбой повалили изъ двери. Я выходилъ однимъ изъ послѣднихъ и до меня донеслось:

— Не убирай! Пожалуй, еще вернутся...

Не знаю, какъ полицейскіе чины, а мы, репортеры, уже болѣе не возвращались. Растолкавъ въ церкви толпу, мы старались продвинуться какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ происходило опусканіе гроба въ могилу. Митрополита похоронили подъ паркетомъ, недалеко отъ царскихъ вратъ, близъ одной изъ «мѣстныхъ» иконъ иконостаса...

XXXIX.

Повѣсть о томъ, какъ не слѣдуетъ увлекаться даже полезными вещами.

Сегодня я присутствовалъ на торжественномъ актѣ въ школѣ кулинарнаго искусства, и этотъ выпускной актъ показалъ, что школа эта не выдерживаетъ конкуренціи и что заправили ея, твердо опираясь на научную почву, слишкомъ увлеклись доктриной и этимъ погубили все дѣло. Я говорю о кулинарной школѣ, основанной русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія. Она гибнетъ. Публика утратила къ ней всякій интересъ. А не такъ давно школа это гремѣла и на нее возлагались очень большія надежды. Бѣда вся въ томъ, что ученые мужи переборщили.

Школа общества охраненія народнаго здравія имѣетъ свою исторію. Родилась она, пережила свой расцвѣтъ и погибаетъ на моихъ глазахъ. Общество охраненія народнаго здравія занялось научной стороною народнаго питанія, и, пока занималось ею теоретически, — все шло прекрасно; но какъ только оно вздумало стать на практическую почву, тотчасъ же появились и прорѣхи. Заграничный ученый мужъ, именемъ Фойтъ, изучая человѣческій организмъ и его питаніе, пришелъ къ кабинетному выводу, что человѣку для того, чтобы жить и здравствовать, необходимо съѣдать въ день столько-то (по вѣсу) бѣлковъ, столько-то жировъ и столько-то крахмаловъ. Русское ученое общество, взявшее на себя задачу охранять здравіе публики, приняло эту формулу на вѣру и стало пробовать ее на желудкахъ петербуржцевъ.

О формулѣ Фойта заговорили въ печати и съ не меньшимъ интересомъ заговорили и въ публикѣ. Формула быстро вошла въ моду и дѣло дошло довольно скорыми шагами до того, что стало слагаться убѣжденіе, будто бы мы, простые смертные, объѣдавшие до сихъ поръ и продолжающіе объѣдать у себя дома и въ ресторанахъ, не питаемся, а сознательно и медленно отравляемся. Тотъ столъ, которымъ мы пробавляемся, ведетъ насъ, помимо всего прочаго, прямо къ преждевременной могилѣ. Чтобы жить долго и быть здоровымъ, нужно питаться не иначе, какъ по формулѣ Фойта. Но гдѣ ее взять? Какъ приложить ее къ нашему домашнему обиходу? Кто можетъ научить насъ, нашихъ женъ, дочерей и кухарокъ осуществлять эту формулу въ духовой печи и на плитѣ? Очевидно, не кто иной, какъ русское общество охраненія народнаго здравія. Оно подняло весь этотъ кулинарный бунтъ; оно открыло публикѣ глаза; оно же должно и помочь.

Такъ разсуждала публика — и общество охраненія народнаго здравія откликнулось. Оно учредило образцовую кулинарную школу для женъ и дочерей обывателей и оно же открыло на Невскомъ и образцовую «Нормальную столовую».

Основаль эту столовую извѣстный не только у насъ, но и за границей гурманъ Дмитрій Васильевичъ Каншинъ. Извѣстенъ онъ тѣмъ, что, обладая огромнымъ состояніемъ и не будучи ни мотомъ, ни пьяницей, ни картежникомъ, проѣлъ это состояніе. Не пропилъ, не проигралъ, а проѣлъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Онъ ѣздилъ по Европѣ и по Россіи и всюду пробовавъ кушанья и добивался кулинарнаго идеала. Добился ли онъ—мнѣ неизвѣстно; но я знаю, что онъ написалъ и выпустилъ въ свѣтъ двѣ кулинарныхъ книжки, одна изъ которыхъ называется: «Интересы желудка»; знаю также, что онъ, бывшій богачъ и гурманъ, теперь живетъ полунищимъ въ одной только скромной комнатѣ и питается съ грѣхомъ пополамъ, и, знаю, наконецъ, что онъ, испытавъ на своемъ желудкѣ всякія питанія, рѣшилъ наклонѣ дней своихъ дать петербуржцамъ нормальное питаніе и основаль «Нормальную столовую» на Невскомъ. Извѣдавъ всю тщету гастрономіи, онъ обратился самъ и захотѣлъ обратить другихъ на путь истиннаго и правильнаго питанія. Нормальная столовая вся цѣликомъ была основана на формулѣ Фойта, т. е. на правильномъ вѣсовомъ и объемномъ сочетаніи бѣлковъ, жировъ и крахмаловъ. Вкусовые вещества, пряности, острые блюда и приправы были исключены изъ меню и строго преслѣдовались. Питаніе должно быть нормальнымъ—и больше никакимъ...

Пока гастрономъ Д. В. Каншинъ производилъ свои нормальные опыты надъ петербургскими желудками въ своей столовой, общество охраненія народнаго здравія вело свою линію и открыло школу кулинарнаго искусства, въ которой все было построено и налажено по указаніямъ гигіены и тоже по формулѣ Фойта. Школа имѣла цѣлью готовить не простыхъ кухарокъ, а кухарокъ ученыхъ, разсуждающихъ, умѣющихъ взвѣсить каждый свой поступокъ и способныхъ управляться безъ затрудненій съ бѣлками, жирами и крахмалами, или, какъ ихъ называли по ученому—съ углеводами. Въ школу, которая быстро вошла въ моду, стали поступать дамы и дѣвицы не только изъ средняго, но даже изъ высшаго круга. Аристократки подвязались бѣлыми передниками, надѣли на головы бѣлые, фигурные чепцы, взялись за кастрюли и сковороды и стали самоотверженно жариться у плиты. Помимостряпни, въ школѣ стали преподаваться предметы выпренніе, въ родѣ физиологіи питанія, анатоміи, мясовѣдѣнія и даже искусство строить печи примѣнительно къ кухонному искусству. Преподавателями выступили такіе корифеи, какъ сверхъ-поваръ Зестъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ Михаилъ Александровичъ Игнатьевъ, архитекторъ Петръ Юліановичъ Майеръ и другіе ученые специалисты и мужи науки. Ученицы стряпали съ вѣсами въ рукахъ, вели строгія вѣдомости своей стряпнѣ и обязаны были знать наизусть, сколько, напримѣръ, въ бифштекѣ съ картофелемъ

заключается бѣлковъ, жировъ и углеводовъ и какое измѣненіе въ формулѣ Фойта потерпитъ это блюдо, если къ нему прибавить еще соленый огурецъ. Эта идея такъ понравилась купцу нѣкому, Ковригину, что онъ пожертвовалъ довольно крупный капиталъ, на проценты съ котораго должны обучаться поварскому искусству двѣ стипендіатки. Въ благодарность за это общество охраненія народнаго здравія повѣсило у себя его портретъ.

Публикѣ эта школа очень понравилась, и ученицы повалили въ нее, несмотря на то, что плата за курсъ взималась довольно приличная — тридцать рублей съ персоны. Кромѣ того, каждая ученица, готовя экзаменаціонное блюдо, должна была покупать провизію на это блюдо за свой счетъ. Экзаменъ состоялъ въ томъ, что особая комиссія отъ общества охраненія народнаго здравія являлась и кушала обѣдъ, изготовленный ученицами. Кромѣ того, были и устные экзамены по всякимъ физиологіямъ. Приглашалась публика — все больше родные и знакомые ученицъ; приглашалась, конечно, и печать. Для публики и для представителей печати дѣлалась выставка блюдъ и гости приглашались отвѣдать ихъ. Это были такъ называемые торжественные акты или такъ называемые «выпуски». На актѣ обыкновенно кто-нибудь изъ членовъ общества или изъ «комиссіи питанія» произносилъ рѣчь, а потомъ ученицамъ раздавались дипломы — съ такою же важностью, съ какою въ гимназіяхъ раздаютъ похвальные листы. Иногда на «выпускахъ» нѣкоторые изъ преподавателей школы выступали съ докладами научно-академическаго характера. Во время всероссійской гигиенической выставки школа во всемъ своемъ составѣ фигурировала въ особомъ павильонѣ... Все было хорошо, но вся бѣда заключалась въ томъ, что блюда въ этой школѣ готовились по формулѣ Фойта и безъ приправъ. Къ этому неудобству прибавилось еще и то, что школа довольно скоро вышла изъ моды и публика перестала ею интересоваться.

Итакъ, въ короткое время оказалось такое обстоятельство: школа при обществѣ работала по Фойту и нормальная столовая кормила по Фойту. Благодаря этой общности направленія произошло то, что должно было произойти, т. е. что общество охраненія народнаго здравія дало столовой Д. В. Каншина свой флагъ и она стала называться «Нормальною столовою общества охраненія народнаго здравія». Въ первое время публика повалила въ эту столовую. Одни стремились избавиться въ ней отъ катарровъ желудка, другіе уповали нажить нормальнымъ питаніемъ долголѣтіе, а третьи — просто ходили туда обѣдать изъ любопытства и потому, что обѣды тамъ стоили недорого. Однакоже нормальные обѣды изъ бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, но безъ приправъ, показались всѣмъ невкусными. Газеты и юмористическіе журналы стали острить насчетъ кулинарокъ, прошедшихъ школу и получившихъ дипломы,

но умѣющихъ только портить провизію. Ученицы плохо мирились съ вѣсами, выраженными въ граммахъ, съ анатоміей и съ фізіологіей питанія. Родители и мужья вознегодовали и потребовали отъ своихъ дипломированныхъ дочерей и женъ не бѣлковъ, жировъ и углеводовъ и не фойтовской нормы, а обыкновенныхъ и вкусныхъ обѣдовъ. Параллельно съ этимъ столовая своими прѣсными обѣдами безъ приправъ отбила у публики всякую охоту обѣдать по «гигіенѣ». Представители столовой доходили даже до такого рвенія въ пользу науки, что нерѣдко обращались къ посетителямъ со строгими допросами въ родѣ слѣдующаго:

— Отчего вы жировъ не ѣдите? Зачѣмъ оставляете жиръ на тарелкѣ?

— Не люблю ихъ. Кромѣ того, и докторъ запретилъ жирное. У меня катарръ.

— Вздоръ. По Фойту, для правильнаго питанія вы должны скушать этотъ жиръ.

— Убирайтесь съ вашимъ Фойтомъ. Велите лучше дать еще хлѣба.

— Извините, этого нельзя. Вы уже съѣли столько крахмала, сколько полагается по нормѣ.

— Могу, наконецъ, попросить горчицы къ мясу?

— Горчица у насъ не подается: она вредна...

Получилось то, что и должно было получиться: публика мало-малу стала охлаждать и къ школѣ, и къ столовой, и къ Фойту съ его бѣлками, жирами и углеводами. Столовая, общавшая въ принципѣ тысячи, скоро стала давать убытки. Чтобы поправить дѣло, начали пускать въ ходъ приправы. Общество охраненія народнаго здравія, вѣрное формулѣ Фойта, сняло свою фирму съ вывѣски. Въ школѣ же своей оно упорно продолжаетъ и до сихъ поръ держаться прежняго направленія. Въ результатѣ — количество ученицъ стало замѣтно убывать.

Въ это злополучное время, когда дѣла нормальныхъ школы и столовой пошли такъ дурно, возникла конкуренція. Нѣкто г-жа Гунстъ открыла свою собственную школу кулинарнаго искусства и повела дѣло такъ хитро, что къ ней изъ общества перешли лучшіе преподаватели и повара. Фойтъ и граммы были выброшены за бортъ и ученицъ стали обучать приготовленію не только вкусныхъ обѣдовъ съ приправами, но даже и пикантныхъ французскихъ обѣдовъ съ кайенскимъ перцемъ и разными острыми соями и соусами. Публика повалила къ г-жѣ Гунстъ тѣмъ болѣе, что туда перешелъ и сталъ директоромъ уже вошедшій въ славу магистръ ветеринаріи М. А. Игнатѣвъ, т. е. далъ школѣ свое имя, а П. А. Александрова, знаменитая на всю Россію кулинарка, выпустила въ свѣтъ прекраснѣйшую поваренную книгу, которая фойко пошла на рынокъ. При новой школѣ открылась и новая столовая на коммерческихъ

началахъ. Наука пошла наукой, коммерція — коммерціей. Кайена, перецъ и кабуль сдѣлали свое дѣло и завоевали симпатіи публики. Экзамены стали производиться съ помпою и съ трескомъ — и дѣло покатилося, какъ по маслу.

Обществу охраненія народнаго здравія пришлось или закрывать лавочку, или же тянуться, опираясь на старыя традиціи. Оно выбрало послѣднее, и его школа влачить самое жалкое существованіе. Сегодня происходилъ торжественный экзаменъ, и я былъ свидѣлемъ самой печальной картины. За столомъ молчаливо сидятъ: предсѣдатель общества, предсѣдатель комиссіи питанія, завѣдующій школою, преподаватели, два-три члена общества и два репортера. Прислуга обноситъ всѣхъ супомъ. Всѣ ѣдятъ молча и уныло. И эта траурная картина представляетъ собою «экзаменъ». Въ кухнѣ жмутся въ ожиданіи дипломовъ всего только семь ученицъ. Изъ публики, въ прежнія времена наполнявшей комнаты до тѣсноты, ни души. Эксперты, понутивъ головы, медленно жуютъ и вспоминаютъ «дѣла минувшихъ дней»... И это тѣмъ грустнѣе, что у школы есть прошлое: сегодня она выпустила пятьдесятъ четвертый курсъ ученыхъ поварихъ и хозяекъ...

XL.

Въ ночь съ 4 на 5 декабря с.-петербургскій митрополитъ Палладій умеръ, или, какъ говорятъ въ лаврѣ, «съ миромъ отыде».

Хворалъ онъ долго. Болѣзнь началась уже давно и выразилась первоначально въ томъ, что онъ сталъ «главою скорбенъ», сирѣчь началъ проявлять въ своихъ распоряженіяхъ нѣкоторую ненормальность умственныхъ способностей. Возили его въ Ялту лечиться, но это не помогло и, кромѣ того, старость брала-таки свое. Это уже третій митрополитъ, котораго я провожаю въ могилу: первый былъ Исидоръ, второй—Сергій московскій и, наконецъ, третій — Палладій.

Гробъ для митрополита Палладія былъ заготовленъ однимъ изъ бюро похоронныхъ процессій, какъ говорятъ, заранѣе. Редакторъ нашей газеты за нѣсколько дней до смерти митрополита завтракалъ въ ресторанѣ и слышалъ, какъ за однимъ изъ сосѣднихъ столиковъ завтракавшій представитель похороннаго бюро жаловался своей компаніи:

— Чего это Палладіи такъ долго не умираетъ?! Я ему давно уже заготовилъ гробикъ—и гробикъ прекрасный...

Былъ я на панихидѣ. Гробъ былъ доставленъ дубовый и по поводу его у меня былъ въ митрополичьихъ палатахъ слѣдующій разговоръ. Подходитъ ко мнѣ мастодонтнаго вида господинъ во фракѣ—фракъ былъ бы широкъ даже и на слона—и спрашиваетъ:

— Вы все еще въ большой газетѣ работаете?

— Все еще работаю.

— И похороны описывать будете?

— И похороны описывать буду.

— А нельзя между прочимъ написать, что гробъ былъ рѣзной, дубовый, обитый внутри газетомъ и что онъ былъ доставленъ такимъ-то бюро?

— Нѣтъ, нельзя.

— Реклама будетъ?

— Реклама.

— Жалко. А заплатить нельзя?

— И заплатить нельзя.

— Очень жалко...

Въ митрополичьихъ покояхъ тихо. Служки, сторожа и духовенство ходятъ на цыпочкахъ. У дверей внизу стоитъ полиція и никого въ покои, кромѣ избранныхъ, не пускаетъ. Поэтому на панихидѣ публики было очень мало.

У католиковъ тѣло умершаго митрополита обставляется съ вѣнечной стороны гораздо торжественнѣе и красивѣе, нежели у насъ. Тѣло Палладія лежитъ на бѣломъ газетовомъ катафалкѣ въ свѣтительской одеждѣ, съ закрытымъ лицомъ. Руки и ноги также покрыты мантией. Въ головахъ—серебряный запрестольный крестъ и по бокамъ его—митра и клобукъ. По срединѣ—посохъ. По сторонамъ тѣла—два стихарныхъ молодца съ рипидами. Кругомъ—пальмы. Вотъ и все. Въ люстрѣ тускло горятъ свѣчи черезъ двѣ—экономіи ради. Ставники со свѣчами, напоминающими колонны, были принесены только передъ самой панихидой. Священникъ читаетъ надъ тѣломъ евангеліе съ тоненькою свѣчкою въ рукахъ—тоже, вѣроятно, экономія...

Вечернюю панихиду служилъ архіепископъ Дмитрій тверской вмѣстѣ съ архіереями Іоанномъ и Веніаминомъ и лаврскими архимандритами. Одинъ изъ этихъ архимандритовъ въ митрѣ и черныхъ ризахъ отвѣсилъ В. К. Саблеру три низкихъ поясныхъ поклона.

— Почему сей святой отецъ, — спросилъ я Владимира Карловича, — отвѣсилъ вамъ три поклона вмѣсто одного: по каноническимъ правиламъ, или по обычаю?

— Просто по излишней вѣжливости, — отвѣтилъ В. К. Саблеръ. — Когда онъ одѣтъ въ своемъ духовномъ облаченіи, онъ не можетъ протягивать руку для пожатія: не принято.

Положеніе тѣла во гробъ было произведено архимандритами и духовенствомъ. Гробовщики отъ бюро сунулись было по привычкѣ, но ихъ отстранили. Тѣло въ гробу покрыли мантией и самый гробъ старцы съ большимъ трудомъ подняли съ пола—положеніе совершалось на полу—и поставили на катафалкѣ. Пѣвчіе въ это время протяжно и торжественно пѣли «Святый Боже». Привожу кстати

и программу погребальной церемоніи въ такомъ видѣ, какъ она была издана синодомъ въ формѣ напечатанныхъ на Ремингтонѣ листковъ:

«Порядокъ богослуженія въ Александро-Невской лаврѣ по случаю кончины высокопреосвященнаго Палладія, митрополита с.-петербургскаго.

5 декабря панихида по окончаніи царской панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ; положеніе тѣла почившаго владыки во гробъ.

6 декабря, въ 8^{1/2} час. вечера панихида.

7 декабря, въ 9 час. утра перенесеніе тѣла почившаго владыки въ Свято-Троицкій соборъ Александро-Невскія лавры, а затѣмъ литургія и по окончаніи оной панихида.

7 декабря, въ 6 час. вечера, заупокойное всенощное бдѣніе (парастасъ).

8 декабря, въ 9 час. утра, заупокойная литургія и по окончаніи оной отпѣваніе тѣла почившаго въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невскія лавры и затѣмъ погребеніе въ Исидоровской церкви, противъ иконы Богоматери, согласно волѣ почившаго».

XLI.

Удивительныя бываютъ натуры или, вѣрнѣе, удивительныя бываютъ страчности у людей. Знаменитый генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, стяжавшій столь великую славу въ славянскихъ земляхъ и воевавшій противъ турокъ вмѣстѣ съ братушками, видѣлъ на полѣ брани много смертей и долженъ былъ бы, казалось, относиться къ нимъ равнодушно, а на дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ: онъ страшно боится покойниковъ.

Жилъ онъ въ гостиницѣ на Большой Морской, близъ арки. Приѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о чемъ-то въ главномъ управленіи по дѣламъ печати редакторъ-издатель московскихъ «Современныхъ Извѣстій» Гиляровъ-Платоновъ и поселился въ той же гостиницѣ. Прожилъ въ ней день или два — и внезапно умеръ у себя въ номерѣ. Генералъ Черняевъ сейчасъ же собралъ свои вещи и выселился куда-то въ другую квартиру, говоря, что онъ не желаетъ оставаться подъ одной кровлей съ покойникомъ. Разсказывала объ этомъ администрація гостиницы. Швейцаръ же повѣствовалъ такъ. Когда выносили вещи генерала и онъ самъ выходилъ изъ подъѣзда, то швейцаръ воскликнулъ:

— Куда же вы, ваше превосходительство? Неужели всерьезъ покидаете насъ?

— Убирайся, братецъ, — отвѣтилъ Михаилъ Григорьевичъ безгливо. — У васъ тутъ покойники, а я покойниковъ боюсь.

Гиляровъ-Платоновъ умеръ въ Петербургѣ сиротою. На вечерней панихидѣ у его праха собралось въ его номеръ только нѣсколько

петербургскихъ издателей и литераторовъ. Говорятъ, что когда онъ умеръ, то въ его кошелекѣ нашли очень нищенскую сумму. Этому, пожалуй, можно повѣрить. За его тѣломъ пріѣхали изъ Москвы его вдова—старушка въ старенькомъ, убогомъ салопчикѣ—и издатель «Московского Листка» Н. И. Пастуховъ. Тѣло свезли на вокзалъ Николаевской дороги, заколотили въ ящикъ, поставили въ товарный вагонъ и увезли въ Москву. Распоряжался всѣмъ этимъ Н. И. Пастуховъ.

XLII.

Присутствовалъ я на такой штукѣ, что никакъ не могу отдать себѣ отчета— что она такое? Такая штука мнѣ даже и во снѣ не снилась. Ученики седьмого и восьмого классовъ Аннинскаго училища на Кирочной—Анненшуле—поставили въ актовомъ залѣ на сценѣ «Антигону» Софокла на древне-греческомъ языкѣ. Кому, къ чему и для чего это нужно? Когда я учился въ гимназiи,—былъ самый разгаръ толстовскаго классицизма и насъ тогда буквально душили латынью и греческимъ. Тогда была такая атмосфера, что даже дышать мы были обязаны воздухомъ, въ которомъ носились греческія спряженія и латинскіе неправильные глаголы. Но то была пора увлеченія и поголовнаго изнуренія молодежи классической мертвечиной въ огромныхъ дозахъ. Тогда дѣйствительно директора гимназiй, чтобы отличиться передъ начальствомъ, мечтали о постановкѣ ученическими силами на сцену классическихъ піесъ. Нашъ директоръ тоже мечталъ о латинской піесѣ «Miles gloriosus» («Славный воинъ») и Грецію оставлялъ въ покоѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка. Переменилось нѣсколько министровъ народнаго просвѣщенія, и классицизмъ сталъ какъ будто бы ослабѣвать. Родители стали какъ будто бы свободнѣе дышать и менѣе бояться за классическое искаженіе своихъ дѣтей. И вдругъ—нѣмцы отличились и въ своемъ классическомъ училищѣ поставили въ подлинникъ и безъ малѣйшихъ пропусковъ такую громадную и труднѣйшую піесу, какъ «Антигона» Софокла. Эту вещь, по правдѣ говоря, и на русскомъ-то языкѣ одолѣть трудно, а тутъ ученикамъ пришлось одолѣвать наизусть нѣсколько тысячъ стиховъ тяжелаго софокловскаго языка, зубрить, мало понимая то, что зубришь, и, кромѣ того, еще и лицедействовать. Я былъ на этомъ спектаклѣ, смотрѣлъ эту піесу и нахожу, безъ преувеличеній, что если бы всю сумму труда, положеннаго учениками на этотъ уродливый спектакль, обратить на изученіе новыхъ классиковъ, то можно было бы легко выучить наизусть въ подлинникъ и въ переводѣ «Отелло» и «Короля Лира» вмѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, трудъ не пропалъ бы даромъ: получилось бы знаніе англійскаго языка. Тутъ же вся эта масса

труда пропала ни за повюхъ табаку. Нѣсколько десятковъ молодыхъ людей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ убивали все свое свободное, а пожалуй, даже и не свободное время для того, чтобы вымучивать свою память на нѣсколькихъ тысячахъ трудно переводимыхъ Софокловыхъ стиховъ съ единственною цѣлю произвести ихъ со сцены и тотчасъ же навѣки забыть. Стоило ли?

Сцену представляли только двѣ декорациі, выдержанныя въ строго-дорическомъ стилѣ. Первая—огромное пустое пространство между колоннъ, въ видѣ фасада, задернутаго занавѣсью; вторая, задняя—фасадъ съ дверью и дорическими колоннами дворца Креона. Между ними—одна кулиса, изображающая нѣчто среднее между виноградными гирляндами и плющемъ. Дѣйствующія лица входили и выходили въ дверь, а иногда и за кулисы. Костюмы были безусловно прекрасны и тоже строго выдержаны. Гриммъ—великолѣпенъ. Женскія роли—Антигоны, Исмены и Эвридики исполняли, конечно, ученики, у которыхъ, кстати сказать, часто прорывались басовыя нотки. Играли такъ, какъ, по мнѣнію толкователей Софокла, должны были играть актеры въ древнемъ греческомъ театрѣ. Вышелъ сначала старецъ съ посохомъ и свѣтильникомъ, зажегъ огонь на треножникѣ впереди сцены и важно ушелъ. Такъ въ древности освѣщалась сцена. Въ залѣ сейчасъ же прибавили электрическаго свѣта. Черезъ нѣсколько минутъ подъ звуки какого-то марша (фортепіано) вышли пятнадцать старцевъ въ вѣнкахъ и съ посохами, обошли попарно вокругъ свѣтильника, раздѣлились на двѣ группы и стали по бокамъ сцены, между первою декорациею и публикой. Это былъ «хоръ», игравшій въ древнемъ греческомъ театрѣ роль истолкователя того, что происходитъ на сценѣ, и роль посредника между трагедіею, актеромъ и зрителемъ. Въ каждой группѣ этого хора было по одному главенствующему старцу, который, ударяя посохомъ объ полъ, давалъ сигналъ начинать роль не своей, а противоположной группѣ. Хоръ читалъ стихи нараспѣвъ, по слогамъ, точно рубилъ—скандировалъ. Такъ насъ когда-то въ гимназіи, въ восьмомъ классѣ, учили читать Гомера и намъ это чтеніе не удавалось. Здѣсь же оно шло прекрасно и безъ ошибокъ. Какъ хоръ, такъ и прочія дѣйствующія лица знали свои роли восхитительно и никто не споткнулся, хотя дѣйствующія лица и шли безъ суфлера. Они играли, производили разныя тѣлодвиженія и придавали лицамъ такое выраженіе, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ понимали то, что они говорятъ. Зрители, конечно, ровно ничего не понимали и слѣдили по нѣмецкому Prospectus'у, раздававшемуся у входа въ залу. Впечатлѣніе, вѣроятно, получалось такое, какое испытываютъ европейцы, попадающіе въ китайскій или японскій театръ и не понимающіе ни бельмеса. Публика, дѣйствительно, только смотрѣла и слушала—и больше ничего. Остальное, несмотря на услуги Prospectus'a, было, какъ говорится—темна

вода во облацѣхъ. Зрители были — самые обыкновенные папаши, мамыши, братцы, сестрицы и родственники учениковъ школы. Сидѣли они, хлопали глазами, а иногда и зѣвали, но дѣлали видъ, какъ будто бы они заинтересованы. Все это были нѣмцы.

Но нужно отдать справедливость, было въ публикѣ и три-четыре нѣмца съ растительностью только на шеѣ подъ подбородкомъ и сильной сѣдиною на полуголыхъ черепахъ. Это были заядлые классики старой, нынѣ уже вымирающей фракціи. У каждого изъ нихъ была въ рукахъ подлинная «Антигона» Софокла на древнемъ греческомъ языкѣ. Вооружившись очками, они слѣдили за текстомъ, стихъ за стихомъ и наслаждались, вспоминая, вѣроятно, свою молодость и учебу. У каждого изъ нихъ былъ видъ строгаго педагога, готоваго при первой обмолвкѣ или ошибкѣ актера поставить единицу. По счастью, актеры знали свое дѣло превосходно, и глубокимъ цѣнителямъ по подлиннику оставалось только все ниже и ниже отвѣшивать отъ классическаго восторга нижнюю губу, что они и дѣлали...

Спектакль кончился. Хоръ подъ звуки того же марша размѣреннымъ шагомъ ушелъ за сцену. Публика захлопала. Артисты вышли на сцену *in согроге* и тоже захлопали сидѣвшему въ первомъ ряду нѣмцу—учителю греческаго языка, который поставилъ на сцену «Антигону» и соорудилъ этотъ спектакль. Учитель съ достоинствомъ раскланялся.

Шелъ я въ редакцію, всю дорогу думалъ, да и теперь думаю: для чего и кому понадобилось тревожить прахъ покойника Софокла въ концѣ нашего XIX-го вѣка? Благо, публика понимала бы что-нибудь, а то вѣдь и она ничего не смыслить... Для чего, для кого и для какой разумной цѣли затрачено столько времени, столько молодого труда и столько упорной зубрячки?

XLIII.

Вернулся съ похоронъ митрополита Палладія и усталъ страшно. Вчера, въ понедѣльникъ 7 декабря, состоялся выносъ тѣла изъ покоевъ въ соборъ. На выносѣ я не былъ: онъ состоялся въ 9 часовъ утра. Послѣ заупокойной обѣдни побывалъ въ канцеляріи митрополита, гдѣ узналъ между прочимъ, что на выносѣ—актѣ въ своемъ родѣ торжественномъ—изъ высокопоставленныхъ лицъ не было никого. Былъ только одинъ В. К. Саблеръ, да и тотъ—по обязанности. Въ 6 часовъ вечера начался нарастаѣ, или великая панихида со всенощнымъ бдѣніемъ, длившимся до 10 часовъ вечера. Но и тутъ никого не было. Народъ ходилъ взадъ и впередъ толпами, но изъ высокопоставленныхъ—ни души. Не было даже и Саблера.

Сегодня, во вторникъ, Палладія похоронили. Отпѣвало все высшее духовенство съ Іоанникіемъ кievскимъ во главѣ. Изъ мірянъ были великіе князья, министры и много высокопоставленныхъ. Были даже и послы отъ славянскихъ государствъ и греческій посолъ. Вопреки завѣщанію покойнаго, былъ и вѣнокъ отъ румынскаго правительства. Послѣ отпѣванія гробъ обнесли вокругъ собора и при этомъ, при проходѣ черезъ галерею, сильно помjali натискомъ народа въ дверяхъ двухъ-трехъ старцевъ-архимандритовъ, несшихъ тяжелый гробъ.

Тутъ же, во время похоронъ циркулировалъ и рассказъ о плохихъ будто бы отношеніяхъ между митрополитомъ кievскимъ Іоанникіемъ и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Пошелъ этотъ рассказъ съ легкой руки двухъ титулованныхъ лицъ, явившихся на погребеніе въ лентахъ и орденгахъ. Служба заупокойная въ церкви тянулась долго. Они вышли изъ церкви подышать свѣжимъ воздухомъ, закурили и завели между собою разговоръ. Одинъ изъ нихъ сообщилъ другому о такомъ будто бы случившемся недавно въ Кіевѣ казусѣ. Студенты мѣстной духовной академіи отправились будто бы куда-то *ins Grüne* погулять, перепились и сочинили дебошъ до того серьезный, что пришлось будто бы вмѣшаться свѣтскимъ властямъ въ лицѣ генераль-губернатора. Вѣсти объ этомъ дошли до Петербурга и, какъ водится, въ сгущенныхъ краскахъ. Когда затѣмъ Іоанникій пріѣхалъ въ Питеръ для засѣданій въ синодѣ и встрѣтился съ К. П. Побѣдоносцевымъ, то услышалъ отъ послѣдняго слѣдующій вопросъ:

— Правда ли, владыко, что у васъ студенты нашалили крупно?

— Не знаю-съ,—отвѣтилъ коротко Іоанникій.

— Говорятъ, будто бы даже и административная власть признана нужна вмѣшаться...

— Ничего не знаю. Шпіоновъ у себя не держу-съ,—такъ же отрывисто отвѣтилъ митрополитъ.

Конца разговора я, къ сожалѣнію, не слышалъ. Изъ собора нахлынула толпа и оттѣснила меня отъ титулованныхъ лицъ. Публика въ ожиданіи выноса тѣла стала обнажать головы.

XLIV.

Праздновался юбилей маститаго писателя Сергѣя Васильевича Максимова. Было это 20 ноября 1888 года. Праздновался онъ съ рѣдкимъ единодушіемъ. Всѣ партіи и всѣ противныя направленія и страсти были забыты. Всѣ взаимные счеты были отброшены въ сторону. Люди всѣхъ лагерей сошлись въ этотъ вечеръ воедино. Представители взаимно воинствующихъ и другъ друга оплевывающихъ газетъ сошлись за обѣдомъ мирно и друже-

любно. Юбилей почтеннаго стараго писателя объединилъ всѣхъ. Прошелъ онъ чудесно. Рѣчи говорились милыя и остроумныя. Во всемъ блескѣ своихъ талантовъ выступали Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ и Ивановъ-Классикъ. Меню было нарисовано художникомъ Н. А. Богдановымъ и составлено въ древне-русскомъ стилѣ: поставецъ въ видѣ конька на избѣ, съ пѣтухомъ на вершинѣ; на немъ хлѣбъ, солонка съ солью, ендова съ медомъ, рогъ для питья и всякая старинная пиршественная утварь. Ниже, съ лѣвой стороны—блюдо и на немъ—вензель изъ переплетающихся буквъ «С и М». Подъ буквами—очиненное гусиное перо—эмблема писателя. Еще ниже—старый боярскій слуга съ большою кружкою браги. Справа—тоже блюдо и на немъ годы: 1853—1888. Съ поставца свѣшивается рушникъ и на немъ—меню обѣда, сочиненное И. Ѳ. Горбуновымъ. Оно представляетъ собою перлъ, достойный того, чтобы хранить его въ Публичной библіотекѣ. Передъ самымъ обѣдомъ И. Ѳ. Горбуновъ прочелъ его во всеуслышаніе. Вотъ оно, съ соблюденіемъ орфографіи:

Роспись Столовому кушанію

Мѣсяца Ноября, въ 20 день.

Въ навечеріи, въ шестомъ часу.

Коврига монастырская
Хлѣбцы нѣмецкіе, Калачи хомутины
Сельди Соловецкія, Икра Астраханская
Тѣлеса ершовыя въ студнѣ.
Звѣно бѣлуги ставное, свѣжее.
Пирогѣ долгіе, на Московское дѣло.
Уха стерляжья, изъ живыхъ.
Коза дикая.
Артышока заморская, грѣтая,
Гусь лапчатый, московскій, чиненый.
Андида кудрявая съ чеснокомъ.
Кашка сладкая боярина Гурьева.
Водка бѣлая, да померанцовая, да рябиновая, да анисовая, да сахарная, да мятная, да калуферная, да бонбарисовая.
Вина фряжскія.

А подастъ къ столу фрязинъ Понсе съ товарищами, а служить въ столѣ будутъ татары:
Крымскіе да Касимовскіе.

Рѣчи произносились такія, что нужно было ловить съ жадностью каждое слово, каждый тостъ, каждый экспромптъ. Все было согрѣто неподдѣльнымъ остроуміемъ. Кто не дослышалъ чего,—тотъ считалъ себя много потерявшимъ. Много на своемъ

газетномъ вѣку видалъ и описалъ я юбилеевъ. Были между ними и хорошіе и натянуто-офиціальныя, но такого теплаго и задушевнаго я не встрѣчалъ еще ни разу, да никогда, вѣроятно, болѣе и не встрѣчу. Истинно-хорошія вещи повторяются рѣдко.

XLV.

Для газетъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры, полагается цензура, о которой публика не имѣетъ понятія и о которой даже не догадывается. Это—цензура министерства двора и касается она высочайшихъ особъ. Было время, когда императоръ Александръ II даровалъ свободу печати. Тогда объ особахъ царской фамиліи можно было писать въ газетахъ безпрепятственно. Корреспонденты допускались на придворныя балы — на хоры — и описывали эти балы безъ хлопотъ. Былъ государь, говорилъ то-то. Такъ и писали, что былъ и говорилъ. Теперь же далеко не то. Писать о высочайшихъ особахъ можно теперь не иначе, какъ только съ разрѣшенія министерства двора. Въ качествѣ цензора поставленъ особый чиновникъ министерства, которому мы и должны представлять «на разрѣшеніе» тѣ строки нашихъ отчетовъ, въ которыхъ говорится или даже только упоминается о высокопоставленныхъ лицахъ. Въ теперешнее время такимъ цензоромъ состоитъ титулярный совѣтникъ Николай Ильичъ Оприцъ, котораго я никогда не видалъ, но къ которому уже посылалъ не разъ свои рукописи на цензуру. Эта кукольная комедія стоитъ того, чтобы сказать о ней два слова.

Сегодня происходило обычное торжественное годовое собраніе академіи наукъ. Собранія эти всегда замѣчательны только тѣмъ, что публики на нихъ собирается очень и очень мало и что читается на нихъ страшная и никому не интересная сушь. Предсѣдательствуетъ на этихъ собраніяхъ августѣйшій президентъ академіи великій князь Константинъ Константиновичъ. Онъ пріѣзжаетъ раскланивается съ публикою, садится лицомъ къ ней на предсѣдательское мѣсто, терпѣливо и молча выслушиваетъ отъ начала до конца читаемые академиками отчеты и такъ же молча уѣзжаетъ. Описывая въ газетѣ это торжественное засѣданіе, я, вмѣсто того, чтобы приниматься прямо за дѣло и писать о годовой дѣятельности академіи, долженъ сначала приготовить двѣ офиціальныя бумаги. На одной изъ нихъ пишется: «Редакція покорнѣйше проситъ разрѣшить къ напечатанію прилагаемый отчетъ о торжественномъ засѣданіи академіи наукъ». Бумагу эту подписываетъ секретарь редакціи. На второмъ листѣ я пишу крупными буквами и подчеркиваю заглавіе: «Торжественное засѣданіе академіи наукъ», и затѣмъ—слѣдующій текстъ: «Ровно въ часъ дня прибылъ августѣйшій президентъ академіи его император-

ское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предсѣдательское мѣсто». Обѣ эти бумаги запечатываются въ конвертъ и отправляются въ цензуру къ Н. И. Оприцу. И уже только послѣ этого я принимаюсь за писаніе академическаго отчета, куда въ надлежащемъ мѣстѣ и вклеиваю строки объ августѣйшемъ президентѣ. Кончивъ отчетъ, я отсылаю его въ типографію.

Пока мой отчетъ набирается, г. Оприцъ читаетъ у себя дома то, что я послалъ ему, находитъ мои строки о великомъ князѣ вѣрными и ставитъ на моей рукописи штемпель, на которомъ написано, что «со стороны министерства императорскаго двора препятствій къ напечатанію не встрѣчается». Это «разрѣшеніе» отсылается въ типографію и только съ этого момента редакція получаетъ право упомянуть въ отчетѣ объ академическомъ собраніи, что великій князь «прибылъ и занялъ предсѣдательское мѣсто». Обыкновенно Н. И. Оприцъ любезенъ и не задерживаетъ. Но если бы случилось, что въ моментъ моего посылы его не было дома и штемпель не былъ бы положенъ, то мой отчетъ былъ бы напечатанъ, но строки о великомъ князѣ были бы выпущены, а великій князь могъ бы подумать, что газета поступаетъ по отношенію къ нему невѣжливо.

Въ описываемомъ случаѣ высокопоставленное лицо только «присутствовало»; но если бы ему вздумалось или понадобилось сказать рѣчь или хоть только два слова, то кукольная комедія затянулась бы дольше, потому что цензура прежде, чѣмъ разрѣшить, должна навести справки и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ и показать мою рукопись самому автору и виновнику произнесенныхъ словъ, дабы онъ подтвердилъ, что это—именно такъ. Бываетъ, что авторамъ нѣтъ времени—и тогда разрѣшеніе приходитъ въ редакцію дня черезъ два, а иногда и черезъ три, когда уже и для публики и для газеты пропалъ всякій интересъ. Въ настоящее время эта цензура распространена не только на событія, касающіяся русскаго двора, но и на прибывающихъ въ Россію иностранныхъ коронованныхъ и ближайшихъ къ нимъ лицъ. Такимъ образомъ свобода, дарованная Александромъ II, свелась къ нулю и представляетъ собою мифъ.

Теперь—исторія о происхожденіи штемпеля. Еще очень недавно чиновникъ-цензоръ «разрѣшалъ» гораздо проще: онъ просто писалъ на представляемой рукописи свою фамилію, а надъ нею, т. е. надъ подписью сотрудникъ писалъ своею рукою стереотипную фразу о томъ, что препятствій къ напечатанію не встрѣчается. Все шло хорошо и гладко до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ репортеровъ, К—й, не злоупотребилъ довѣріемъ, а другой, Х—въ, не послѣдовалъ его примѣру. Оба они, водя острой палочкой по подписи цензора, переносили эту подпись съ помощью переводной

бумаги на чистые листы бумаги и такимъ образомъ множили «разрѣшенія». Случилось, что изъ чужихъ странъ прибыла въ Петербургъ инкогнито нѣкая высокопоставленная особа, не желавшая, чтобы о прибытіи ея знали кредиторы. Репортеръ К—й, пользуясь запаснымъ листомъ съ наведенной подписью, напечаталъ извѣстіе о прибытіи особы въ одной изъ газетъ. Вышла непріятная исторія. Съ той поры завели штемпель, поддѣлать который уже не легко, и всѣ редакціи получили увѣдомленіе о томъ, чтобы «впредь безъ мацоваго штемполя» не печатали...

XLVI.

Умеръ въ Петербургѣ римско-католическій митрополитъ Александръ Гинтовъ, подписывавшійся на официальныхъ бумагахъ: «Alexander metropolitanus». По порученію редакціи я былъ на его похоронахъ. Здѣсь я впервые познакомился поближе съ римско-католическимъ духовенствомъ, а главное—съ монахами разныхъ орденовъ и наименованій. Собственно о духовенствѣ сказать я не могу ничего: оно—корректно. Относительно же монаховъ знакомство это убѣдило меня въ томъ, что большинство картинокъ и олеографій, изображающихъ доминиканцевъ, францисканцевъ и иныхъ монашествующихъ за ѣдою и бражничаньемъ,—какъ нельзя болѣе сходно съ натурою. Монахъ, заснувшій въ погребѣ у бочки съ виномъ, монахъ, съ сладкою улыбкой читающій скабрзную книгу и, наконецъ, монахъ, обнимающій въ тавернѣ дѣвицу—срисованы, несомнѣнно, съ натуры. Православному, даже самому либеральному, невоздержному и плохому монаху—до нихъ далеко. Жирныя фізіономіи лоснятся, сизые носы украшаютъ почти каждую фізіономію, а упитаннымъ брюхамъ можетъ позавидовать любой русской купчина. Угнетеніе плоти—довольно сомнительное.

Отпѣвали митрополита въ церкви римско-католической коллегіи въ Измайловскомъ полку. Католиковъ набралась тьма, но въ церковь пускали только избранную публику. У входа стоялъ чиновникъ департамента иностранныхъ исповѣданій и отдѣлялъ овецъ отъ козлищъ. Меня, какъ корреспондента, онъ пропустилъ безпрепятственно и даже ласково. Я пробрался направо въ ризницу, откуда мнѣ было все видно и все слышно. Гробъ, поставленный очень высоко, утопалъ въ массѣ зелени и былъ окруженъ огромными свѣчами. На крышкѣ гроба, надъ лицомъ покойника, стояла серебряная чаша со святыми дарами. Такъ того требуютъ уставы католической церкви. Началось отпѣваніе. Хоръ пѣлъ восхитительно. На панихиду пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Иванъ Николаевичъ Дурново и ему тотчасъ же подали толстую, полуторааршинную горящую восковую свѣчу. По ризницѣ во время

отпѣванія то и дѣло шмыгали разоблачавшіеся ксендзы и патеры, большею частью поляки. Они поочередно подходили къ конторкѣ, въ родѣ аналоя, преклоняли одно колѣно на ступень, обтянутую матеріей, и бормотали по-латыни молитвы «post messam», напечатанныя на большихъ листахъ и вставленные надъ конторкою въ рамки со стекломъ. Тутъ же рядомъ, тоже за стекломъ, висѣло расписаніе службъ, подписанное митрополитомъ, котораго теперь отпѣвали. Въ это же время прислужники и клирики убирали съ престола священные сосуды и запирали ихъ въ шкапы на замокъ. У насъ къ чашѣ со святыми дарами могутъ прикасаться только священникъ и дьяконъ; здѣсь же уборка ихъ возложена на прислугу, которая, кстати сказать, исправно переругивалась между собою на польскомъ языкѣ.

Отпѣваніе тянулось не долго. Гробъ вынесли на рукахъ всякаго званія люди, поставили на колесницу и долго возились, прикрѣпляя среди вѣнковъ, въ головахъ гроба накрестъ два епископскихъ, кардинальскихъ посоха. Впереди пошли факельщики и ксендзъ въ траурномъ облаченіи съ большимъ деревяннымъ крестомъ на древкѣ—и процессія тронулась. За гробомъ пошла тысячная толпа католиковъ. Всѣ они раскрыли молитвенники и, вслѣдъ за духовенствомъ, общимъ, нестройнымъ, какъ жужжаніе пчелъ, хоромъ запѣли заупокойныя молитвы. Грустны были эти похороны. Ни одного близкаго, любящаго человѣка, ни одного родственнаго или грустнаго лица. Умеръ холостякъ поневолѣ, хоронятъ его чужіе, на чужой сторонѣ, на чужой счетъ (на счетъ министерства) и почести посмертныя воздаютъ не по чувству, а по обязанности и по сану. И умеръ онъ на рукахъ своего секретаря, такого же холостяка-клирика, какъ и онъ самъ, безъ ласки, безъ соболѣзнованія... Словомъ, хоронили его официально и какъ официальное лицо.

Пройдя немного вмѣстѣ съ процессіей, я, къ своему удовольствію, встрѣтилъ репортера другой большой газеты Ивана Егоровича Кастальскаго, съ которымъ мы, несмотря на вражду нашихъ газетъ, были въ хорошихъ отношеніяхъ и дѣлились нерѣдко свѣдѣніями для хроники.

— Чего намъ тутъ толкаться? Тутъ намъ больше дѣлать нечего,—сказалъ онъ.—Поѣдемте вмѣстѣ впередъ на кладбище. Возьмемъ извозчика пополамъ.

— Ёдемъ.

Мы далеко опередили процессію и пріѣхали на кладбище—на Выборгской сторонѣ—ранѣе ея. Здѣсь мы уже застали того самаго чиновника департамента иностранныхъ исповѣданій, который у дверей коллегіи сортировалъ публику. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ и съ орденомъ, говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и, повидимому, заискивалъ въ насъ, представителей двухъ большихъ

газетъ. Онъ собственно для насъ приказалъ отворить подъ церковью дверь склепа, гдѣ укладываются на вѣчный покой умирающіе въ Петербургѣ католическіе епископы и знатныя паны. Склепъ занимаетъ собою весь подвальный этажъ и охватываетъ входящаго промозглой и затхлой сыростью. Стѣны, своды и поддерживающія ихъ колонны выбѣлены, но штукатурка отъ вѣчной сырости поднялась пузырями и облупливается. Тронешь рукою, или нечаянно задѣнешь рукавомъ—и на всемъ остается бѣлый, влажный слѣдъ съ кислой плѣсенью. Окна — высоко наверху, но свѣта достаточно, хотя въ общемъ тонъ грустный, холодный и влажный. Подпочвенныя воды такъ и ползутъ вверхъ сквозь поры стѣнъ, разрушая ихъ понемногу и наполняя воздухъ затхлой влагой. Кругомъ, по всему полу и по стѣнамъ разбросаны плиты—все могилы разныхъ metropolitan'овъ и магнатовъ съ польскими фамиліями. Свѣжая могила, приготовленная для Гинтовта, была внутри выложена камнемъ и на цѣлую четверть на днѣ засыпана сорванными съ деревьевъ листьями, чтобы замаскировать просочившуюся изъ почвы воду. Сдѣлано это было изъ чувства приличія и опрятности: непріятно опускать гробъ съ тѣломъ прямо въ воду. Есть что-то такое, что непременно зашевелится въ человѣкѣ, смотрящемъ на это со стороны. Невольно покажется, будто покойникъ ощущаетъ эту воду, будто чувствуетъ, какъ она пробирается сквозь щели гроба, проникаетъ черезъ платье и холодной струйкой охватываетъ сначала спину и затѣмъ все тѣло. Чувствуешь и сознаешь, что это вздоръ, но философія говоритъ одно, а внутреннее, невольное чувство другое. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ...

Въ склепѣ чиновникъ съ польскимъ акцентомъ разлиберальничался, свободно толкуя обо всемъ и даже о начальствѣ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе перебѣжчика изъ одного лагеря въ другой. Онъ полякъ. Его ближайшіе предки были католиками и благоговѣнно цѣловали руки тѣмъ же патерамъ и ксендзамъ, которыхъ онъ теперь бранилъ. Но самъ онъ оказался какими-то судьбами не только православнымъ, но и ярымъ противникомъ папы и его присныхъ. Ради департаментскаго оклада, ради чиновъ и крестика, ради кусочка хлѣба и копеечки онъ сталъ яримъ православнымъ человѣкомъ и даже гонителемъ вѣры своихъ предковъ и единоплеменниковъ. Говоря о русскихъ, онъ произносилъ: «мы», а о католикахъ—«они». Все это, конечно, неискренно и неумѣло. Но надо же было порисоваться передъ прессой въ надеждѣ, что авось гдѣ-нибудь въ уголку описанія митрополичьихъ похоронъ пристегнуть и его имя. Собственно для этого онъ и повторялъ намъ нѣсколько разъ кстати и некстати, съ удареніемъ:

— То я жъ распорядитель погребенія. Всѣ тень хлопоты министерство возложило на меня...

Несмотря однако на всѣ его старанія и заискиванія, фигурировать ему въ газетѣ не пришлось. Мы съ Кастальскимъ оба умолчали о немъ въ своихъ отчетахъ, какъ онъ ни силился выставить свой патріотизмъ, браня на чемъ свѣтъ стоитъ римскую курію.

— Я «имъ» въ коллегіи, въ самой залѣ засѣданій нашъ православный образъ повѣсилъ въ углу,—разсказывалъ онъ, само-довольно позируя.—Сначала «они» процестовали, а затѣмъ привыкли. А черезъ полгода я передъ этимъ же образомъ лампадку зажегъ. «Они» морщатся: непріятно. Но все—ничего. Такъ у нихъ въ католической коллегіи и горитъ православная лампадка.

Повѣствуя это, усердный чиновникъ потрогивалъ свой орденъ въ петличкѣ.

— Га, ежели бы вы знали, какъ «мы» «ихъ», всю эту коллегію, въ рукахъ держимъ!—продолжалъ онъ.—Здѣсь имъ—не Римъ! Живешь въ русскомъ государствѣ и подчиняйся русскимъ законамъ. А не хочешь—такъ уходи. «Имъ» папа изъ Ватикана бумаги и распоряженія посылаетъ исправно, да не всѣ эти бумаги доходятъ до нихъ.

— Какъ же это?—полюбопытствовали мы.

— А такъ же. Папскія бумаги значала идутъ въ министерство и значала «мы» ихъ прочтемъ. Которыя можно—передаемъ въ коллегію, а которыя нельзя—извините: остаются у насъ. Га, дай «имъ» все читать, что папа пишетъ и предписываетъ, такъ они такую волю заберутъ, что потомъ и не раздѣлаешься... Вы знаете, что патеры эти дѣлаютъ въ Испаніи; того же хотѣли бы дѣлать и у насъ; только—напрасно: министерство наше зорко слѣдитъ. Они и безъ того интриги заводятъ.

— Это монахи-то?

— А то кто, какъ не монахи. Кому жъ больше и интриговать, какъ не имъ! Ъдятъ сладко, пьютъ крѣпко, отъ женщинъ не бѣгаютъ. Больше имъ и дѣлать-то нечего, какъ противъ министерства итти и въ Римъ другъ на друга пасквили писать... Извините, то я какъ распорядитель, долженъ процессію у воротъ встрѣтить. Я побѣгу, а вамъ совѣтую остаться здѣсь, въ склепѣ, а то послѣ трудно будетъ съ толпой попасть — и погребеніе пропустите.

Чиновникъ ушелъ. Мы съ Кастальскимъ раздѣлили трудъ пополамъ: онъ пошелъ наверхъ встрѣчать гробъ, а я остался внизу присутствовать при опусканіи гроба въ могилу. Ожидать мнѣ пришлось около четверти часа. Было немножко скучно. Гдѣ-то, въ отдаленномъ, темномъ углу склепа постукивалъ каменщикъ; въ боковой нишѣ у могильной плиты застыла на колѣняхъ, со сложенными молитвенно руками какая-то дама; наверху, въ тусклыхъ отъ плѣсени окнахъ мелькали тѣни; иногда къ стеклу снаружи плотно прижималось любопытное лицо, старавшееся,

прищуривши глаза, разглядѣть полумракъ склепа. Судя по робкому выраженію, видно было, что оно искало чего-то таинственнаго, чего-то страшнаго, чуть ли не разставленныхъ вдоль стѣнъ черенгою мертвецовъ.

Наверху поднялась суета, тѣни въ окнахъ забѣгали быстро. Загромыхали запоры дверей, ворвалась струя свѣта и вмѣстѣ съ нею—пѣніе. Скоро показался ксендзъ съ распятіемъ на древкѣ, за нимъ внесли большой металлическій гробъ и потомъ хлынула толпа. Ксендзъ въ черной шапочкѣ и съ крестомъ сталъ сбоку могилы, пастыри пропѣли что-то заунывное, въ которомъ можно было разобрать: «*requiescat in pace*», и гробъ, покачиваясь на холстахъ могильщиковъ, грузно опустился на вѣчный покой. Раздались гулкіе удары комьевъ земли о металлическую крышку и все было кончено. Чиновникъ пригласилъ меня и И. Е. Кастаньскаго «помянуть покойнаго». Сначала я было отказался, но потомъ раздумалъ—и не раскаялся, что пошелъ.

Поминки были устроены въ кладбищенскомъ домѣ, въ двухъ шагахъ отъ церкви. Въ большой комнатѣ былъ накрытъ покоемъ столъ, уставленный дешевыми винами. Въ сторонѣ, между двухъ шкаповъ, стоялъ другой столъ, съ водками и закусками далеко не щедраго меню: селедка, колбаса, грузди, редисъ и еще кое-что. Пастыри, ксендзы и клирики взяли этотъ столъ приступомъ, перехватывали другъ у друга рюмки, толкались, протискивались и оттапывали другъ другу мозоли. Это, впрочемъ, было понятно: всѣ они участвовали въ мессѣ, всѣ съ утра ничего не ѣли и были голодны, какъ волки. Богъ вѣсть откуда набралась посторонняя, другъ другу незнакомая, публика и тоже выказала поползновеніе къ водкѣ и закускѣ. Однимъ, кто былъ почище одѣтъ, удалось, а другихъ—попроще—безъ церемоніи выпроводили. Впрочемъ, одна полька также безъ церемоніи взяла со стола бутылку пива, захватила пятернею хлѣба и колбасы и ушла на дворъ. Я ее видѣлъ потомъ на ступеняхъ крыльца, благодушно выпивавшей изъ горлышка и закусывавшей—ко всеобщей зависти тѣхъ многихъ, кому не удалось проникнуть на тризну.

Послѣ закуски пастыри и монахи усѣлись за обѣденный столъ. Кого попочетнѣе—усаживалъ секретарь покойнаго, здоровенный молодой дѣтина въ рясѣ, съ великолѣпными бѣлыми зубами. Онъ мало былъ похожъ на монаха. Отъ него такъ и вѣяло жизнью и свѣжестью. По первому же взгляду онъ производилъ впечатлѣніе откормленнаго, сытаго и избалованнаго красавца. Онъ суетился и бѣгалъ, показывая поминутно свои зубы. Видимо, онъ кокетничалъ ими.

— Вамъ сегодня много хлопотъ,—сказалъ секретарю кто-то.

— *Jesus-Maria!*—отвѣтилъ онъ. — Да онъ же умеръ на моихъ рукахъ! Я же его послѣдній вздохъ принималъ.

Монахи усѣлись по орденамъ: доминиканцы, францисканцы и т. д. Рядомъ со мною справа сидѣли два монаха въ бѣлыхъ суконныхъ рясахъ съ капюшонами на спинахъ, слѣва помѣщались тоже два монаха въ черныхъ рясахъ и съ выбритыми гугенцами на темени. Подбородки и усы были у всѣхъ гладко выбриты. Мой ближайшій сосѣдъ въ бѣломъ, уже сѣдой старикъ, щеголялъ большимъ фіолетовымъ носомъ. Онъ говорилъ только по-французски и, послѣ нѣсколькихъ стакановъ вина, оказался очень разговорчивымъ. Онъ пояснилъ мнѣ, что онъ и его товарищъ принадлежатъ къ ордену, обязывающему ихъ носить рясу прямо на тѣлѣ, безъ бѣлья, и ходить босикомъ. Но «*ce maudit climat septentrional, pays d'Hyperbore, pays du Nord*» заставляютъ ихъ относиться поневолѣ къ своему обѣту болѣе чѣмъ снисходительно. Это онъ и доказалъ, показавъ ногу въ дорогой и щегольской обуви. Пили эти святые отцы такъ усердно, что другого давно свалило бы, а они—ничего, только глаза сдѣлались масляные и носы красные. Пили они, такъ сказать, круговую порукой: каждый изъ нихъ наливалъ въ стаканъ вина не себѣ, а сосѣду; при этомъ сосѣдъ благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же—и въ результатѣ и стаканы, и глотки были постоянно полны. Если очередной наливатель увлекался ѣдою и забывалъ наполнить стаканы, то коллеги слегка подталкивали его подъ локоть и говорили:

— Domine...

Получивъ напоминаніе, dominus поднималъ глаза къ небу, наскоро шепталъ по-латыни, перебирая четки, покаянную молитву за забывчивость и быстро наполнялъ стаканы братія. На ихъ уголь едва успѣвали подавать бутылки. Мой собесѣдникъ съ сильнымъ носомъ пилъ съ наслажденіемъ, втягивая изъ стакана вино тоненькой струйкой, чтобы чувствовать вкусъ каждой капли. Пилъ онъ все: и красное, и портвейнъ, и мадеру, и крымское и при каждомъ почти глоткѣ вспоминалъ благословенную страну, гдѣ пьютъ *Lacrima Christi*... И какъ пьютъ?! И что это за вино?! Совсѣмъ не то, что эги гиперборейскія тощія вина безъ аромата. *Lacrima Christi* это... это вино, которое пьется не такъ, какъ здѣсь, а вотъ какъ... И онъ показывалъ на своемъ стаканѣ, какъ пьютъ вино его родины... При этомъ святые отцы кушали исправно, третируя воздержаніе, какъ отсталую рутину. Наконецъ, вино все вышло; выпиты были даже бутылки, перешедшія по воздуху съ другого конца стола. Отрѣшившіеся отъ мірскихъ благъ отшельники принялись за пиво и пили его до тѣхъ поръ, пока не началась поголовная икота.

— *Ça j'n'aime pas*,—пояснилъ мнѣ заплетающимся языкомъ сосѣдъ-монахъ,—*j'n'aime pas la bière, c'est le vin, que j'aime*...

Но это нисколько не мѣшало ему и его товарищамъ поглощать нелюбимый напитокъ стаканъ за стаканомъ, наполняя ихъ все

тѣмъ же круговымъ порядкомъ. Къ концу обѣда у честныхъ отцовъ покраснѣли даже бритыя лысины. Одинъ изъ нихъ затянулъ было духовную кантату, другіе попытались его поддержать, но голоса и языки отказались повиноваться, и кантата была закончена на полуфразѣ одинокимъ дребезжащимъ козлинымъ голоскомъ. Зато въ свѣтскомъ отношеніи языки развязались прекрасно, пошелъ всеобщій говоръ, и поминки приняли характеръ самой заурадной попойки.

— На чей счетъ мы пьемъ и ѣдимъ?—спросилъ я чиновника.— Кто насъ кормить?

— А кто жъ, какъ не министерство?! — отвѣтилъ онъ.— Ужъ не они же,—указалъ онъ презрительнымъ жестомъ на францисканцевъ.— Погодите, они еще не такъ похвастаютъ своей воздержностью... Вы еще увидите...

Но увидѣть мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось. Надо было спѣшить въ редакцію писать о похоронахъ. Я распрощался и ушелъ. На прощанье мой сосѣдъ-монахъ протянулъ мнѣ руку и, указывая на стаканъ глазами, спросилъ:

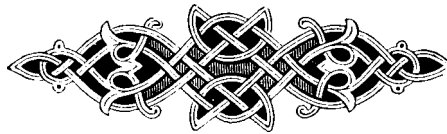
— Et encore?!

Я отказался. Когда я проходилъ по кладбищу мимо дома къ воротамъ, изъ открытыхъ оконъ доносился громкій говоръ и звонъ посуды.

Такъ похоронили и помянули католики своего почившаго митрополита.

Александръ Чеховъ. (А. Сѣдой).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА ¹⁾.

XLVII.

ЕЩЕ ОДНИМЪ взрывчатымъ веществомъ больше. Да здравствуетъ человѣческій геній! Ъздили въ Таицы. Поѣздка была совершена 19 января 1899 г. съ шикомъ, съ трескомъ и съ роскошью. Ровно въ 11 часовъ утра съ Балтійскаго вокзала отошелъ экстренный поѣздъ изъ трехъ вагоновъ перваго класса. Одинъ изъ нихъ—вагонъ-салонъ. Начинку поѣзда составляли: директоръ департамента торговли и мануфактуръ Владимиръ Ивановичъ Ковалевскій, профессоръ химіи Дмитрій Петровичъ Коноваловъ, нѣсколько профессоровъ технологическаго института, нѣсколько горнаго института, два-три горныхъ инженера и человѣкъ десять специалистовъ-техниковъ. Даже архихимикъ Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ прислалъ отъ себя представителя и замѣстителя—инженера г. Гусева. Все это былъ народъ очень милый и, какъ оказалось впослѣдствіи, очень теплый. Хозяиномъ поѣзда и поѣздки былъ Михаилъ Николаевичъ Соковнинъ. Ъздили мы пробовать новое взрывчатое вещество «Прометей», замѣчательное между прочимъ и даже главнымъ образомъ тѣмъ, что, обладая страшной взрывчатою силой, оно вполне безопасно не только въ рукахъ темнаго рабочаго, но, пожалуй, даже и ребенка. Эти-то свойства «Прометей» мы и ѣздили

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CX стр. 42.

зрѣть и доказывать. Я былъ приглашенъ въ качествѣ газетнаго человѣка Соковнинимъ, который, будучи не знакомъ со мною, но знакомъ по Москвѣ съ моимъ братомъ Антономъ Павловичемъ, прислалъ мнѣ пригласительное письмо и, независимо отъ этого, — пригласительный билетъ въ редакцію. Кромѣ меня, въ поѣздѣ были: Лесманъ отъ «Новостей», Юрьевъ — отъ «Виржевыхъ Вѣдомостей», Шимановскій — отъ «Торгово-Промышленной Газеты» и какой-то молоденькій студентикъ — отъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Мелкая пресса не была приглашена на это крупное событіе. Лесманъ почувалъ закуску и засѣлъ въ вагонъ-салонъ, гдѣ лакей сервировалъ столъ, а мы вчетверомъ засѣли въ другой вагонъ, въ купе 1 класса. Сидимъ и болтаемъ о томъ, какъ тяжело нашему брату — ночному работнику — вставать рано. Не успѣли мы перебраться и десяткомъ фразъ, какъ къ намъ въ купе пожаловалъ одинъ изъ инженеровъ съ водкой и за нимъ — лакей съ бутербродами и пирожками. Намъ пригласили выпить и закусить «пока начерно». Поѣздъ въ это время летѣлъ курьерскимъ ходомъ. Шимановскій и я на этотъ разъ отказались отъ выпивки: было еще очень рано, а студентикъ и Юрьевъ выпили по двѣ рюмки и отъ непривычки пить утромъ скоро захмелѣли довольно осязательно. Но хмель этотъ скоро прошелъ. Я отдалъ честь бутербродамъ и сѣлъ ихъ, кажется, штукъ пять. Оказалось потомъ, что эта закуска «начерно» была какъ нельзя болѣе кстати, потому что дальнѣйшая наша экскурсія происходила среди полярнаго холода и глубокихъ снѣговъ.

Въ Лиговѣ къ намъ подсѣлъ одинъ изъ заправилъ общества или товарищества «Прометей» и сталъ готовить насъ, начиная свѣдѣніями относительно состава и свойствъ новаго взрывчатаго вещества. Состоитъ это вещество изъ смѣси бертолетовой соли и перекиси марганца. Смѣсь горитъ, но не взрываетъ. Чтобы сдѣлать ее взрывчатой, нужно пропитать ее смѣсью нитробензола, нефти и скипидара. Но и пропитанный патронъ безопасенъ: его можно бросать объ землю, бить и всячески ковырять — и онъ взрыва все-таки не дастъ. Словомъ, онъ не даетъ воспламененія при тѣхъ условіяхъ, когда динамитъ давно бы уже воспламенился и взорвалъ. Рабочій можетъ смѣло носить съ собою сколько угодно патроновъ «Прометей» въ шахтѣ, падать съ ними, ронять ихъ и подвергать всевозможнымъ толчкамъ — и останется цѣлъ и невредимъ. Для иллюстраціи нашъ собесѣдникъ разсказалъ намъ слѣдующій «анекдотъ». Въ одной изъ шахтъ рабочій былъ посланъ въ штольню произвести взрывъ. Взялъ онъ съ собою потребное количество динамитныхъ патроновъ и спустился подъ землю. Черезъ нѣсколько времени изъ шахты послышался взрывъ, за нимъ — другой, третій и потомъ взрывы прекратились. Черезъ извѣстный промежутокъ времени спустились въ шахту и другія лица посмо-

трѣть результаты взрыва и — вмѣсто рабочаго нашли только маленький кусочекъ его уха. Не будь этого кусочка — невозможно было бы доказать, что въ штольнѣ былъ человѣкъ. Исчезновеніе объяснено было такъ: рабочій съ динамитными патронами въ жарманѣ шелъ по шахтѣ, споткнулся и упалъ. Этого было вполне достаточно, чтобы патроны взорвало. Мораль — случись этотъ пазусъ съ «Прометеемъ», который мы ѣхали испытывать, рабочій могъ спотыкаться и падать, сколько ему угодно и остался бы живъ. Однимъ словомъ, да здравствуетъ «Прометей», а динамиту рекомендуется отступить на задній планъ.

Во время этой бесѣды къ намъ въ купе не разъ вносили свѣжіе бутерброды и пирожки и пообѣщали принести еще вина — «чего-нибудь въ родѣ мадерцы», но это не осуществилось, потому что поѣздъ подошелъ къ станціи Таицы и намъ пришлось выльзать изъ вагоновъ.

Изобрѣтатели состава и устроители поѣздки были, повидимому, глубокими психологами и употребили самое вѣрное средство, чтобы размягчить души будущихъ судей «Прометея». При выходѣ изъ вагоновъ на платформу оказалось не мало лицъ, весьма благодушно настроенныхъ и склонныхъ отнести къ новому взрывчатому веществу самымъ благосклоннымъ образомъ, даже если бы оно оказалось и никуда негоднымъ. Одинъ молодой инженеръ съ слегка посоловѣвшими глазами и раскраснѣвшими щеками, вдохнувъ въ себя струю морознаго воздуха, воскликнулъ:

— Теперь бы хорошенькихъ дамочекъ да тройку съ бубенчиками!..

— Это, братъ, хорошо ночью, а не теперь, — отвѣтилъ ему степенно товарищъ.

— Днемъ не найдешь настоящей поэзіи. — А погода дѣйствительно недурная...

Было морозно, и этотъ морозъ далъ себя потомъ почувствовать. Опыты начались съ того, что Соковнинъ повелъ всю многочисленную компанію въ какую-то пустую и плохо вытопленную дачу и тамъ какой-то мастеръ при всемъ честномъ народѣ демонстративно смѣшалъ въ большомъ тазу бертолетову соль съ перекисью марганца и набилъ этой смѣсью нѣсколько бумажныхъ патроновъ. Кто-то изъ инженеровъ при этомъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Смотрите, господа, и поучайтесь... Все — очень просто... Мы изъ этого секрета не дѣлаемъ...

Потомъ всѣхъ насъ разсадили по два и по три человѣка на заранѣе припасенную вереницу деревенскихъ саней и повезли куда-то далеко по снѣжному полю, по сторонамъ котораго вправо и влево виднѣлись лѣса. Везли насъ довольно долго и затѣмъ остановили: стопъ! Предстоялъ опытъ номеръ первый. Всѣ выльзали изъ саней и столпились на дорогѣ. Мужики-возницы, очевидно,

уже предупрежденные, отъѣхали для безопасности немного подальше. Публика недоумѣвала:

— Въ чемъ дѣло? Что будетъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на это откуда-то выскочилъ новый мастеръ и, не говоря ни слова, началъ разматывать съ огромнаго вала и разстилать по снѣгу мѣдную проволоку длиною сажень въ сто, а можетъ быть и больше. Тутъ только мы замѣтили вдали, въ полѣ, какой-то небольшой темный предметъ. Это оказалась бочка, на дно которой былъ положенъ зарядъ «Прометей», а остальное пространство до самыхъ краевъ было засыпано плотно утрамбованной глиной. Проводники соединили съ бочкой и приладили Румкорфову спираль. По данному сигналу мастеръ соединилъ концы проволоки. Раздался легкій, сухой трескъ, бочка колыхнулась, и въ одинъ моментъ отъ нея не осталось и слѣда. Кто-то закричалъ: «браво».

Опять разсѣлись по санямъ и поѣхали дальше, куда-то въ лѣсъ, въ самую глубь и глушь. Морозъ началъ крѣпчать, и публика стала поеживаться. Приобрѣтенный въ поѣздѣ хмель испарился у всѣхъ. Везли насъ долго и завезли въ концѣ концовъ въ какія-то плохо проходимыя дебри. Дорога кончилась. Пришлось вылѣзть изъ саней и итти пѣшкомъ по какой-то снѣговой тропинкѣ, по бокамъ которой тамъ и сямъ попадались угрюмые черные камни.

— Куда насъ ведутъ?—раздавались голоса.

— Взрывать скалу.

— Однакоже, холодно... И дорога анаѣемская...

Подожли, наконецъ, и къ скалѣ. Скала дѣйствительно оказалась довольно солидной по размѣрамъ. Это былъ огромный черный камень, глубоко вросшій въ землю и даже кое-гдѣ покрытый мхомъ и лишаями. Такія скалы сплошь и рядомъ попадаются въ Финляндіи и въ шхерахъ. Тутъ насъ продержали довольно долго, и вся компанія промерзла порядочно. Дошло дѣло даже до того, что многіе начали приплясывать подъ вѣковыми, молчаливыми соснами, чтобы согрѣть озябшія ноги.

У скалы вышло маленькое недоразумѣніе. Изобрѣтатели заранѣе просверлили въ нѣсколькихъ мѣстахъ скалу каналами для того, чтобы начинить ихъ «Прометеемъ», но самую начинку, ради пущей торжественности и наглядности, оставили до прибытія гостей. При хорошей погодѣ изъ этого вышелъ бы интереснѣйшій экспериментъ, но тутъ подвернулся неожиданный морозъ и испортилъ общее настроеніе духа. Приходилось лишній часъ зябнуть. А мастера, какъ нарочно, начинали каналы долго-предолго: у нихъ зябли и плохо повиновались руки. Начинало уже вечерѣть, и небо помаленьку принимало темносвинцовый, зимній колоритъ. Кое-какъ однакоже сладили. Иззябшую и порядочно-таки продрогшую публику пригласили отодвинуться отъ скалы подальше, ибо сейчасъ произойдетъ взрывъ.

Взрывъ произошелъ. Сначала на глазахъ у всѣхъ съ легкимъ трескомъ скала подпрыгнула и менѣе чѣмъ черезъ секунду тяжело осѣла и улеглась на томъ же мѣстѣ въ видѣ раздробленныхъ крупныхъ и мелкихъ камней. Дыма при этомъ получилось немного.

Опять кто-то крикнулъ: «браво» и нѣсколько иззябшихъ рукъ попробовало зааплодировать.

— Видѣли, сила какая? — обратился къ публикѣ одинъ изъ инженеровъ.

— Да, сила дѣйствительно тово... Только очень холодно...

— Скалы какъ не бывало... А употреблено всего только нѣсколько патроновъ. Я, знаете ли, когда сюда ѣхали, сидѣлъ въ саняхъ на этихъ самыхъ патронахъ... Отъ толчковъ они не взрываютъ... Безопасны вполнѣ...

— Браво, браво...

Предполагался еще третій опытъ. Предстояло, выйдя изъ лѣса, сѣсть опять въ сани и ѣхать куда-то версты за двѣ взрывать какой-то мощный гранитный «карьеръ». Но сильно промерзшая компанія запротестовала такъ энергично, что Соковнинъ долженъ былъ уступить и отказаться отъ поѣздки. Судьи рѣшили, что репутація «Прометей» уже прочно установлена опытами съ бочкой и со скалой и что насчетъ карьера всѣ вѣрятъ Соковнину на слово.

— Взорвите его когда-нибудь безъ насъ, для собственнаго удовольствія и потомъ расскажите намъ о результатахъ. Мы вамъ на слово повѣримъ,—пошутилъ кто-то.—А теперь везите насъ ради Бога на желѣзную дорогу, на станцію... Дьявольски холодно.

Соковнинъ въ отвѣтъ молча поклонился. Выбравшись изъ лѣса, мы, почти окоченѣвшіе, снова усѣлись въ сани и уже совсѣмъ въ потемкахъ поѣхали по направленію къ станціи желѣзной дороги, заранѣе предвкушая тепло станціонныхъ печей. Но возницы неожиданно свернули куда-то вправо, опять въ какой-то лѣсъ или паркъ и остановились передъ большою деревянною дачей. Тутъ намъ предложено было выйти изъ экипажей. Черезъ двѣ-три минуты мы оказались въ большой, теплой и ярко освѣщенной залѣ съ роскошно сервированнымъ обѣденнымъ столомъ.

Обѣдъ былъ поданъ на славу—при томъ обѣдъ не въ Питерѣ и не въ первоклассномъ ресторанѣ, гдѣ все подъ рукою, а въ глуши, въ Тайцахъ, въ глухое, зимнее время. Послѣ обильныхъ и роскошныхъ закусокъ съ цѣлымъ моремъ всевозможныхъ водокъ, были поданы: рябчиковое пюре съ пирожками и дьяблями, таймень и форели съ соусомъ провансаль, оленье сѣдло, спаржа, мороженое, кофе, коньякъ и ликеры. Я нарочно выписываю это меню, чтобы показать, какъ кушаютъ и угощаютъ инженеры, если нужно пустить въ ходъ какое-нибудь дѣло... Шампанское текло въ

изобилии; мадеры, лафиты, рейнвейны высокихъ марокъ и шипучіе монтраше очень долго не сходили со стола. Рѣчей было столько же, сколько и винъ. «Прометею» сулилось славное будущее; динамитъ былъ похороненъ, какъ отжившій и опасный составъ. Сигары были такъ ароматны, что одинъ изъ моихъ сосѣдей запряталъ ихъ къ себѣ въ карманъ цѣлую коробку. Словомъ, проба взрывчатого вещества закончилась цѣлымъ взрывомъ рѣчей, пожеланій, восторговъ и удовольствій...

На обратномъ пути въ вагонахъ рассказывались анекдоты. Владимиръ Ивановичъ Ковалевскій—хохолъ и искренній украинофилъ—рассказывалъ очень остроумныя вещицы изъ малороссійской жизни. Сановникъ въ немъ пропалъ, и наружу выступилъ милый, добрый и остроумный собесѣдникъ. Другіе отъ него не отставали. Кто-то прочелъ недурное стихотвореніе на хохлацкомъ языкѣ. Въ вагонѣ до самаго Петербурга тоже поддерживали акцизъ изъ бутылокъ, оставшихся отъ пиршества и предусмотрительно захваченныхъ съ собою. Интересно было то, что вино взяли съ собою въ карманы не хозяева, чтобы предложить въ дорогѣ гостямъ, а сами гости. Къ концу обѣда всякія церемоніи на этотъ счетъ исчезли. До города доѣхали незамѣтно. На вокзалѣ разстались всѣ самыми искренними и преданнѣйшими другъ другу пріятелями. Судьи отнеслись къ «Прометею» болѣе, чѣмъ благосклонно. Будущее его можно было считать вполне обезпеченнымъ. Изобрѣтатели могли уже заранѣе смѣло рассчитывать на сотни тысячъ ежегоднаго барыша.

На свѣтѣ, однакоже, не обходится безъ превратностей. Послѣ только что описаннаго событія прошло довольно времени, а о «Прометѣѣ»—ни слуху, ни духу, и ни въ одной газетѣ нѣтъ о немъ ни объявленій, ни рекламъ, ни статей. Кто-то по этому поводу сострилъ, будто бы Соковнинъ и К^о, не получивъ поддержки со стороны департамента торговли и мануфактуръ, продали свое взрывчатое вещество въ Америку. По другой же версіи, они просто наплевали на него и занялись чѣмъ-то другимъ, болѣе доходнымъ. Гдѣ истина—мнѣ не извѣстно.

XLVIII.

Пріѣхалъ въ Петербургъ наслѣдникъ сербскаго престола, сынъ короля Милана—Александръ Обреновичъ. Былъ ли это дипломатическій визитъ съ цѣлью засвидѣтельствовать Россіи почтеніе Сербіи, или же просто добра-молодца папаша съ мамашей отпустили пошатаваться по бѣлу свѣту, людей посмотреть и себя показать—не знаю. Въ редакціи у насъ разговоръ объ этомъ не было ни политическихъ, ни частныхъ. Во всякомъ случаѣ для газетъ это было—событіе, и на мою долю выпало въ нѣкоторыхъ

случаяхъ слѣдовать за гостемъ по пятамъ (въ предѣлахъ Петербурга) и сообщать въ редакцію свѣдѣнія о немъ: гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Встрѣчали его у насъ, какъ наследника престола, и почести отдавали ему соотвѣтственныя, хотя «ура» не кричали. Для жительства отвели ему комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, и къ его услугамъ съ утра до ночи были готовы придворныя лошади и экипажи. Показывали ему столичныя достопримѣчательности, приглашали въ Петергофъ, но, по всѣмъ признакамъ, смотрѣли на него, какъ на несовершеннолѣтняго мальчика. Онъ и пріѣхалъ къ намъ на положеніи несовершеннолѣтняго: его сопровождали воспитатели и блюстители, не отступавшіе отъ него ни на шагъ и сопровождавшіе его повсюду.

Изъ всѣхъ экскурсій по Петербургу, которыя совершалъ гость и въ которыхъ издали принималъ участіе и я, особенно памятна мнѣ поѣздка королевича на острова и на тони. Дѣло было послѣ обѣда. Лѣтній, теплый петербургскій вечеръ былъ уже близко. По Каменноостровскому проспекту тянулись на острова цѣлыя вереницы экипажей. Бульварчики и скверы были многолюдны. На набережныхъ Невы было тоже не мало публики, спѣшившей воспользоваться хорошимъ вечеромъ и подышать.

Королевича Александра ждали у пристани, близъ Новаго Адмиралтейства. Онъ обѣдалъ въ Петергофѣ за царскимъ столомъ и, по программѣ, послѣ этого обѣда, долженъ былъ прокатиться по взморью и на острова. Для этой прогулки былъ приготовленъ казенный небольшой, но щегольской пароходикъ. У пристани народа было не особенно много—толклись большею частью обычные петербургскіе зѣваки и нѣсколько дамъ-психопатокъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ пріѣздъ сколько-нибудь значительнаго или любопытнаго лица. Городовые, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, были въ новой свѣжей формѣ. Въ такой же свѣженькой формѣ были и чины рѣчной полиціи. Последняя была въ особенно приподнятомъ настроеніи духа, потому что прогулка высокаго гостя должна была состояться на ея территоріи, т. е. по водѣ. Начальникомъ рѣчной полиціи былъ тогда полковникъ Васенко—милѣйшій, добродушнѣйшій человекъ, котораго я всегда вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Въ немъ не было того бурбонства и того напускного начальнически-важнаго тона, которымъ любятъ обдавать обывателя градоначальники и полицеймейстеры. Съ нимъ можно было разговаривать просто и быть увѣреннымъ, что всегда получится простой же, добродушный и вѣжливый отвѣтъ.

Полковнику Васенку предстояло сопровождать молодого королевича и его свиту и не только сопровождать, но даже и направлять его путь. Для этого былъ приготовленъ катеръ рѣчной полиціи.

Ко времени прибытія гостя изъ Петергофа у пристани собралось нѣсколько репортеровъ отъ разныхъ газетъ. Былъ въ числѣ ихъ и К—нъ, имѣвшій слабость при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ величать себя «корреспонданъ де ля куръ», т. е. придворный корреспондентъ. Званіе это онъ присвоилъ себѣ потому, что разъ или два ему удалось напечатать въ газетахъ о какихъ-то событіяхъ, близкихъ къ придворной сферѣ. Чаше же всего К—нъ доставлялъ въ редакціи свѣдѣнія о великосвѣтскихъ балахъ, вечерахъ и раутахъ и добывалъ ихъ довольно оригинальнымъ способомъ. Описывая эти балы въ газетахъ, онъ съ удивительною точностью не только перечислялъ всѣхъ великихъ міра сего, но и до тонкости изображалъ туалеты великосвѣтскихъ барынь, чѣмъ тѣ, конечно, были очень довольны. Довольны были и редакторы газетъ—не всѣхъ, впрочемъ. Нашъ редакторъ, напри- мѣръ, не безъ удовольствія говаривалъ не разъ, что К—нъ «какъ ни какъ, а оживляетъ хронику». К—на не всегда допускали на балы и вечера: не всякому великосвѣтскому хозяину или посланнику льстило видѣть среди своихъ гостей газетнаго репортера. Но К—нъ не смущался этимъ нисколько и описывалъ балы, на которыхъ не бывалъ, довольно правдиво. Для собиранія свѣдѣній у него были свои собственные приемы. Прежде всего онъ обходилъ всю вереницу экипажей, вытянутыхъ вдоль панели передъ ярко освѣщеннымъ фасадомъ того дома, въ которомъ давался великосвѣтскій балъ, и вступалъ въ бесѣды съ кучерами. Отъ нихъ онъ узнавалъ, кто именно изъ особъ пожаловалъ на балъ. Занеся при свѣтѣ уличнаго фонаря все это въ свою записную книжку, онъ подходилъ къ швейцару и начиналъ разспрашивать его, а иногда ему удавалось и лично увидеть тѣхъ особъ, которыя прибывали и выходили изъ экипажей. Мало-помалу онъ протискивался въ вестибюль и заговаривалъ съ лакеями. Тутъ онъ узнавалъ мельчайшія подробности не только о дѣйствующихъ лицахъ, но иногда даже о туалетахъ. Если добытыя свѣдѣнія, по его мнѣнію, были не достаточно полны, то онъ жертвовалъ собою и дожидался въ передней до конца бала и разѣзда и тутъ уже получалъ возможность всматриваться въ дамскіе туалеты, сколько душѣ было угодно. Въ товарищеской средѣ К—нъ особымъ расположеніемъ не пользовался. Друзей у него среди репортеровъ не было, а враги были. И эти враги разсказывали о немъ такого рода весьма правдоподобный анекдотъ. Дежурилъ онъ будто бы въ чѣмъ-то вестибюлѣ въ одной шеренгѣ съ лакеями, но такъ неудачно, что за всю ночь не могъ собрать свѣдѣній о дамскихъ туалетахъ. Пришлось ждать разѣзда. Особенно блестящимъ туалетомъ на этомъ балу отличалась и производила эффектъ какая-то графиня. Туалетъ былъ гвоздемъ вечера; а его-то именно К—нъ и не видѣлъ, и рѣшилъ

ждать до конца. На его бѣду, когда графиня выходила, лакей и мужъ набросили ей на плечи дорожную ротонду не вниз, въ вестибюль, гдѣ ждалъ К—нъ, а на верхней площадкѣ лѣстницы. Самопожертвованіе пропало даромъ. Но К—нъ не потерялъ присутствія духа. Когда графиня въ сопровожденіи мужа проходила черезъ вестибюль къ выходу, онъ смѣло подошелъ къ ней и, отрекомендовавшись корреспонданомъ де ла куръ, обратился къ ней съ жалостною просьбою:

— Экселянсъ, во имя всего святаго покажите вашъ туалетъ!

Дама была удивлена и даже слегка испугана. Тутъ вступился и супругъ съ грознымъ вопросомъ:

— Какъ вы смѣете приставать къ незнакомой женщинѣ? Вы — нахаль!

К—нъ прижалъ ладони рукъ къ груди своей накрахмаленной сорочки и еще жалостнѣе проговорилъ:

— Экселянсъ, мнѣ—для газеты... Вѣдь это—мой хлѣбъ...

Супругъ окинулъ его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ и, обратившись къ женѣ, самымъ уничтожающимъ тономъ сказалъ:

— Сними, та сѣге, на секунду тальму и покажись этому... Ему нуженъ твой туалетъ для какой-то газеты...

К—нъ былъ удовлетворенъ и благодарно распаркался, а на презрительный тонъ не обратилъ ровно никакого вниманія. Въ газетахъ потомъ было напечатано, что «прелестный туалетъ графини Х. былъ цвѣта сомонъ»...

Возвращаясь къ прогулкѣ наслѣдника сербскаго престола. Въ ожиданіи парохода, на которомъ долженъ былъ прибыть изъ Петергофа королевичъ Александръ, К—нъ уже успѣлъ познакомиться съ начальникомъ рѣчной полиціи полковникомъ Васенкой и, конечно, отрекомендовался корреспонданомъ де ла куръ, а главное—сумѣлъ устроиться на пристани на довольно выгодной позиціи, откуда можно было видѣть, какъ молодой гость съ своими воспитателями сойдетъ съ парохода и пересядетъ на пароходикъ для прогулки. Къ К—ну примкнулъ и я, тоже представился полковнику Васенкѣ и тоже занялъ позицію. Но этого было мало. Милѣйшій начальникъ рѣчной полиціи разрѣшилъ намъ обоимъ забраться въ каюту его пароходика и сопровождать гостя келейно, чтобы онъ ничего не зналъ о нашемъ присутствіи и соглядатайствѣ. Мы, конечно, воспользовались этимъ разрѣшеніемъ съ благодарностью. У насъ съ К—нымъ, значить, были впереди такія свѣдѣнія для газетъ, какихъ не будетъ у другихъ репортеровъ. Тѣ разойдутся по своимъ редакціямъ отъ пристани и напишутъ, только, какъ молодой Обреновичъ прибылъ изъ Петергофа и уѣхалъ на острова, а мы опишемъ и то, что онъ дѣлалъ на островахъ.

Ждали мы довольно долго. Лѣтнее солнце замѣтно склонилось къ западу, и на небѣ уже начала загораться пурпурная вечерняя заря. Наконецъ, пароходъ прибылъ. Королевичъ сошелъ съ него на пристань, сопровождаемый воспитателями, которые были всѣ въ черномъ и въ цилиндрахъ. Публика на берегу слегка зашевелилась, но осталась равнодушной и никакихъ признаковъ ни воодушевленія, ни привѣтствій не выказала. Одни только полицейскіе чины взяли, какъ слѣдуетъ, подъ козырекъ. Изъ публики послышался только одинъ лишь наивный бабій голосъ:

--- Батюшки, какой онъ черномазый!...

Наслѣдникъ сербскаго престола дѣйствительно выглядѣлъ черномазымъ: лицо смуглое и глаза и волосы—черные, какъ смоль; на верхней губѣ довольно замѣтно пробиваются черные усыки. Въ общемъ, лицо не располагающее, не особенно симпатичное и съ тѣмъ выраженіемъ, которое бываетъ у подростковъ, старающихся держать себя на манеръ взрослыхъ, но еще не отрѣшившихся отъ дѣтства. Лица воспитателей были важны, серьезны и снисходительно-степенны. Осанка, поступъ и вся фигура одного изъ нихъ такъ и говорили:

— На мнѣ лежитъ тяжелая обязанность воспитать будущаго короля Сербіи—и я выполняю ее. Страна будетъ довольна. Я высоко держу свое знамя...

Переходъ королевича съ парохода на пароходикъ совершился быстро и безъ всякихъ церемоній. Мы съ К—нымъ незамѣтно юркнули въ каюту полицейскаго катера и черезъ нѣсколько минутъ уже неслись по Невѣ. Сначала мы «сопровождали», но вскорѣ нашъ пароходикъ «по долгу службы» оказался впереди. Куда мы плыли, каковъ былъ нашъ маршрутъ—мы съ К—нымъ не знали, но вскорѣ выяснилось, что мы плывемъ на взморье, на тони, гдѣ въ присутствіи гостя долженъ быть закинутъ неводъ. Какъ мы плыли и долго ли плыли—это не важно. Главный интересъ заключается въ самомъ моментѣ, когда мы прибыли на тони и вышли на деревянный настилъ на сваяхъ, поднимающійся надъ водой. Взморье было тихо и почти зеркально. На западѣ, въ широкомъ просторѣ моря догорала кроваво-красная заря. На тонѣ кипѣла работа. Рыбаки за нѣсколько минутъ передъ этимъ вытащили неводъ и теперь разбирали его, приводили въ порядокъ и подготавливали къ новому забрасыванію. Когда мы прибыли, то оказалось, что здѣсь «кутить» опереточный пѣвецъ, артистъ Давыдовъ, знаменитый своими пепельно-синими щеками и подбородкомъ. Пароходикъ съ королевичемъ былъ еще далеко и приближался медленно. У полковника Васенки было еще достаточно времени для того, чтобы сообщить содержателю тони, кто къ нему сейчасъ прибудетъ въ гости и заказать неводъ.

Къ великому удовольствію полковника оказалось, что артисту Давыдову повезло и что предшествовавшій неводъ вытащилъ крупную лососку. Полковникъ сейчасъ же обратился къ счастливому артисту съ просьбой:

— Уступите лососку, голубчикъ... Мы ее обратно въ неводъ и тово...

— Съ какой стати я стану уступать,—заупрямился Давыдовъ.

— Ну, голубчикъ... Наслѣдникъ сербскаго престола... Надо показать, какая у насъ рыба водится...

— Мнѣ-то что за дѣло до того, что онъ—наслѣдникъ?.. Вѣдь не нашъ... Не уступлю...

— Голубчикъ...

— Съ какой стати...

Полковникъ дружески обхватилъ артиста обѣими руками за плечи и, топчась съ нимъ на одномъ мѣстѣ, началъ уговаривать его самымъ убѣдительнымъ тономъ и самыми ласковыми словами. Давыдовъ, чувствуя себя хозяиномъ лососки, упорствовалъ долго, но въ концѣ концовъ все-таки согласился и уступилъ.

— Ну, Богъ съ вами, берите...

Пароходикъ съ Александромъ Обреновичемъ уже подплывалъ. Королевичъ стоялъ на палубѣ и, видимо, любовался и вечеромъ, и закатомъ солнца, и моремъ. Когда онъ вышелъ на помостъ тони, гдѣ уже стояли мы, то все было готово: рыбаки успѣли принести въ корзины мертвую давыдовскую лососку, ловко и незамѣтно сунули ее въ мотню невода и самую эту мотню опустили въ воду. Послѣ всего этого въ присутствіи высокаго гостя и его воспитателей, не безъ любопытства смотрѣвшихъ на всю послѣдующую процедуру, закинули неводъ и, не спѣша, продѣлали все то, что на языкѣ веселящагося Петербурга называется закидываніемъ тони на счастье. Рыбакъ даже прибавилъ обычную формулу:

— Окромѣ осетра и стерляди...

Артистъ Давыдовъ стоялъ все время въ сторонкѣ и чуть-чуть посмѣивался. Полковникъ Васенко изображалъ на своемъ лицѣ ожиданіе, что авось, молъ, на счастье королевича и попадетъ въ неводъ какая-нибудь мелкая рыбешка, а одинъ изъ рыбаковъ счелъ за нужное предупредить высокаго гостя:

— Бываетъ такъ, ваше сіятельство, что и ничего не бываетъ.

Королевичу перевели эту фразу въ томъ смыслѣ, что нерѣдко неводъ приходитъ совершенно пустымъ и что гнѣваться на это нельзя: все, молъ, отъ Бога. Александръ Обреновичъ молча кивнулъ въ отвѣтъ головою.

Неводъ вытащили съ такою же торжественностью, съ какою и закидывали. Показалась и лососка. Рыбакъ, стоявшій у самаго края помоста, тотчасъ же прихлопнулъ ее, мертвую, по головѣ

колотушкой, быстро переложилъ въ заранѣе приготовленную корзинку и тотчасъ же съ важною преподнесъ ее королевичу. Александръ посмотрѣлъ на рыбу, длиною около аршина, но не выразилъ ни удивленія, ни удовольствія. Онъ имѣлъ видъ чело-вѣка, которому—все равно, мысли котораго гдѣ-то далеко и который, получивъ подарокъ, не знаетъ, что дѣлать дальше.

— *Mais rendez donc lui quelque chose!*—шепнулъ ему воспитатель и даже слегка, но довольно замѣтно подтолкнулъ сзади.

Будущій король торопливо полѣзъ въ карманъ, вынулъ какую-то монету и, не глядя на нее, протянулъ рыбаку. Рыбакъ почтительно поблагодарилъ и, отвернувшись, многозначительно улыбнулся и подмигнулъ глазомъ. Прочіе рыбаки тоже чуть замѣтно улыбнулись. Королевскій подарокъ оказался двугривеннымъ...

Лососку снесли на пароходъ. Полковникъ Васенко распрощался съ Давыдовымъ и, разставаясь, что-то шепнулъ ему. Артистъ отвѣтилъ улыбкой и махнулъ рукою. Мы съ К—нымъ опять юркнули въ нашу каюту и тѣмъ же порядкомъ поплыли обратно. Въ городъ мы прибыли уже поздно. Не знаю, подъ какимъ соусомъ подали потомъ Александру Обреновичу лососку, но въ неводъ она попала очень удачно, и сербскій наслѣдникъ могъ смѣло похвастать дома, что на петербургской тонѣ ему повезло...

Щедрая подачка рыбакамъ на чай напомнила мнѣ очень давній случай въ Москвѣ. Я былъ тогда еще молодымъ студентомъ. Приѣзжалъ въ Москву императоръ бразильскій донъ - Педро. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ же гастролировала и сводила съ ума москвичей своимъ голосомъ Аделина Патти. Въ ближайшій воскресный день донъ-Педро поѣхалъ слушать мессу во французскую католическую церковь. Богослуженіе было обставлено великолѣпно. На хорахъ пѣла Патти. Церковь была биткомъ набита избранной публикой. Въ опредѣленный моментъ мессы, когда производится церковный сборъ, Патти сошла съ хоръ, взяла тарелочку и начала обходить съ нею молящихся. Желая почтить императора, знаменитая пѣвица протянула тарелочку первому ему. Донъ-Педро галантно досталъ кошелекъ, порылся въ немъ и положилъ на тарелочку... двадцать копеекъ...

XLIX.

Скончался скоропостижно академикъ П. В. Еремѣевъ, горный инженеръ и минералогъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ здоровымъ и жизнерадостнымъ 29 декабря 1898 года передъ торжественнымъ засѣданіемъ академіи наукъ. Онъ былъ въ канцеляріи и здѣсь между прочимъ рассказывалъ одному изъ служащихъ о томъ, какъ онъ путешествовалъ въ шестидесятыхъ годахъ на казенный счетъ по Англіи и какое съ нимъ было въ Лондонѣ

приключеніе. Познакомился онъ тамъ съ однимъ русскимъ и обрадовался соотечественнику. Соотечественникъ, знавшій Лондонъ вдоль и поперекъ, предложилъ Еремѣеву быть его проводникомъ по Лондону за нѣкоторое вознагражденіе. Еремѣевъ согласился, и они начали производить экскурсіи вмѣстѣ, въ одномъ экипажѣ. Разговорились. Соотечественникъ назвалъ себя и объявилъ, что онъ эмигрировалъ изъ Россіи, благодаря своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

— Меня это смутило,—разсказывалъ Еремѣевъ.—Путешествую на счетъ русской государственной казны и вдругъ судьба связала меня съ политическимъ преступникомъ! Что если объ этомъ знакомствѣ узнаютъ въ Петербургѣ? Вѣдь меня это сильно скомпрометируетъ. Надо держать ухо востро!..

По счастью для почтеннаго академика, эмигрантъ оказался настолько благовоспитаннымъ, что не обмолвился ни однимъ «политическимъ» словомъ. Однакоже смущеніе его скоро перешло въ страхъ. Содержатель отеля, въ которомъ поселился Еремѣевъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы хорошо знакомы съ господиномъ, который васъ сопровождаетъ?

— Нѣтъ. Я познакомился съ нимъ случайно,—отвѣтилъ академикъ.—А что?

— Ничего. Я этого господина не знаю.

— Онъ говоритъ, что онъ—политическій...

— Я не говорю о немъ ни хорошаго, ни дурного,—продолжалъ хозяинъ отеля.—Я хочу только дать вамъ понять, что я его совершенно не знаю. Я счелъ себя обязаннымъ предупредить васъ.

Нашъ ученый струсилъ и сталъ выходить и выѣзжать на экскурсіи въ компаніи съ соотечественникомъ не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Но предосторожность эта была такъ же напрасна, какъ и тревоги. Когда Еремѣевъ покидалъ Лондонъ, соотечественникъ проводилъ его до станціи, и они расстались друзьями. По приѣздѣ въ Петербургъ нашъ академикъ разсказалъ гдѣ-то въ компаніи объ этомъ приключеніи и назвалъ имя соотечественника.

— Помилуйте,—возразилъ со смѣхомъ кто-то изъ компаніи.—Какой онъ политическій? Онъ просто укралъ консисторскія суммы и бѣжалъ въ Англію...

Другое приключеніе, бывшее съ Еремѣевымъ, разсказалъ мнѣ А. М. Хирьяковъ. Былъ Еремѣевъ въ Берлинѣ и осматривалъ тамъ знаменитый аквариумъ. Осматривали и двѣ незнакомыя ему русскія дамы. Случилось такъ, что нашъ ученый, самъ того не подозревая, все время шелъ по слѣдамъ дамъ. Вѣроятно, это надоѣло русскимъ барынямъ, и одна изъ нихъ неосторожно выпалила:

— И чего этотъ паршивый нѣмецъ за нами по пятамъ шатается?!

Еремѣевъ обидѣлся и счелъ необходимымъ реабилитировать свою національность.

— Сударыни,— отвѣтилъ онъ:—я, можетъ быть, и паршивый, но, увѣряю васъ, я—не нѣмецъ..

L.

Сподобился я пережить такой моментъ, который по всей справедливости будетъ считаться въ своемъ родѣ историческимъ. Присутствовалъ я на официальномъ открытіи телефоннаго сообщенія между Питеромъ и Москвою. Въ наши дни прямое сообщеніе на 600 съ хвостикомъ верстъ — штука не малая и при томъ дорого стоящая. Дороговизна междугороднаго телефона началась съ проволоки: она—мѣдная, и російскіе провинціальныя граждане преисправно срѣзывали по ночамъ въ глухихъ мѣстахъ цѣнный проводникъ и, такимъ образомъ, вводили почтово-телеграфное вѣдомство въ излишніе расходы, а становымъ и урядникамъ задавали хлопоты по розыску похитителей. Есть большое основаніе предполагать, что воровство проволоки будетъ продолжаться и впредь. По милости Неба мы, россияне, все еще невоспитаны и не доросли до настоящаго пониманія вещей, а потому и не считаемъ за грѣхъ во время неудачной охоты стрѣлять въ полѣ въ телеграфные стаканчики-изоляторы на столбахъ, или же портить проволоку тамъ, гдѣ она виситъ низко. Все это мы продѣлываемъ, какъ школьники, изъ вполне невиннаго желанія посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Цѣнную же мѣдную проволоку мы будемъ по ночамъ неукоснительно срѣзывать ради барыша.

Открытіе телефона между Питеромъ и Москвою состоялось не безъ торжества. На центральной станціи главный коммутаторъ былъ затянута желтой шелковой лентой. Среди комнаты, на коврѣ стоялъ столъ съ огромною чашей для водоосвященія. Инженеры, почтово-телеграфные чиновники и великіе сего вѣдомства долгое время толпились въ одномъ углу и поджидали министра внутреннихъ дѣлъ. Но онъ не прибылъ, такъ какъ былъ вызванъ къ государю въ Царское Село. Главную персону на торжествѣ изображалъ собою начальникъ почтъ и телеграфовъ въ Россіи генералъ Н. И. Петровъ, встрѣтившійся въ этомъ помѣщеніи съ своимъ портретомъ, висѣвшимъ на стѣнѣ (я думаю, что это—до нѣкоторой степени пріятно). Онъ весьма любезно и даже либерально подавалъ руку не только старшимъ, но и младшимъ своимъ подчиненнымъ, которые отъ почтительности превращались въ вытянутые и окаменѣлые столбы. Либеральность генералу Н. И. Петрову, новидимому, нравилась. Двѣ телефонистки все это время вели дѣловые

переговоры въ коммутаторъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, получено было извѣстіе о томъ, что министра не будетъ, и священнику разрѣшено было «приступить». Священникъ обратился къ присутствующимъ съ словомъ объ успѣхахъ науки и объ обращеніи сердецъ нашихъ къ Богу, а затѣмъ началъ молебенъ.

Во время молебна ко мнѣ подошелъ господинъ въ почтово-телеграфномъ мундирѣ, допросилъ меня, кто я таковъ, и, улыбнувшись, отрекомендовался строителемъ нынѣ открываемаго телефона А. А. Новицкимъ и пообѣщалъ сообщить мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія, въ которыхъ, къ слову сказать, я не нуждался, такъ какъ все необходимое для меня, какъ для репортера, было налицо. Прежде всего онъ попросилъ, чтобы я въ газетѣ упомянулъ о немъ, какъ о строителѣ, какъ можно скромнѣе, иначе начальство можетъ на него если не обидѣться, то во всякомъ случаѣ посматрѣть косо. Затѣмъ, подбѣгая ко мнѣ, улетучиваясь и снова подбѣгая, онъ сообщилъ мнѣ фамиліи начальника округа, почтъ-директора и другихъ великихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, настаивая, чтобы я заносилъ въ свою записную книжку и ихъ чины: тайный совѣтникъ, дѣйствительный статскій и т. д. По его словамъ, «высшее начальство это любитъ».

Пока шелъ молебенъ, я обошелъ квартиру. Въ двухъ комнатахъ молились, въ двухъ другихъ былъ сервированъ завтракъ, въ коридорѣ толпились лакеи во фракахъ, а въ пятой комнатѣ я закурилъ папиросу. Это была маленькая комната, назначенная для житія чиновнику. Въ ней стояла кровать, изъ-подъ которой видѣлись задки туфель и сапогъ. Далѣе — этажерка съ книгами служебнаго характера — инструкціями, тарифами и т. д. На столѣ — чернильница и такіе же инструкціи и тарифы. О жизни неслужебной свидѣтельствовали только коробка съ гильзами для папиросъ и пепельница. На время торжества эта комната была отведена для куренья. Сюда ко мнѣ раза два забѣгалъ предупредительно А. А. Новицкій и спрашивалъ, не нужно ли мнѣ какихъ-либо свѣдѣній, и оба раза приглашалъ остаться на завтракъ.

По окончаніи молебна хотѣли было провозгласить телефонъ открытымъ, но изъ Москвы извѣстили, что тамъ молебенъ еще не кончился. Пришлось немного подождать. Н. И. Петрову подали на подносѣ ножницы. Онъ ими перерѣзалъ ленту на коммутаторѣ и этимъ актомъ установилъ офиціально прямое междугородное сообщеніе. Телефонистка тотчасъ же объявила, что въ настоящую минуту съ Москвою говоритъ господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ и поздравляетъ московскаго почтъ-директора съ открытіемъ.

Подали шампанское. Н. И. Петровъ произнесъ обычные тосты и потомъ поблагодарилъ въ довольно пространной рѣчи строителей Новицкаго и Деревяткина. Начальникъ округа Глаголевъ также поднялъ бокалъ съ офиціальными тостами. Затѣмъ съ Москвою за-

говорилъ Петровъ, а за нимъ и всѣ, кому была охота. Далѣе слѣдовалъ завтракъ, отъ котораго я уклонился. Во время завтрака разговоры съ Москвою продолжались и, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, съ обѣихъ сторонъ говорились ничего не значащіе пустяки въ родѣ: какъ ваше здоровье и какова у васъ погода? Телефонная барышня, приглашая желающихъ къ коммутатору, изрѣдка повторяла:

— Сегодня разговоръ — бесплатно, а съ завтрашняго дня уже будетъ взиматься плата по тарифу.

Охотниковъ разговаривать бесплатно нашлось достаточно. Событіе это происходило 31 декабря 1898 года, наканунѣ Нового года. Торжество открытія состоялось на Большой Конюшенной, въ д. № 29, гдѣ для станціи была нанята особая квартира.

II.

Справляли 23 декабря 1898 г. юбилей К. О. Баранцевича. Человѣкъ двадцать пять лѣтъ писалъ и писалъ, успѣлъ сдѣлаться любимцемъ большого круга читателей и къ концу двадцати пятаго года своей дѣятельности оказался такъ же бѣденъ и неимущъ, какъ и въ началѣ перваго, когда онъ только еще брался за перо. Почти вся пишущая братія въ Петербургѣ, а отчасти и въ провинціи, всколыхнулась. Собрали денегъ и купили юбиляру американскій письменный столъ-бюро. Говорятъ, что Баранцевичъ, какъ писатель, чувствовалъ въ немъ большую надобность. На столъ прибили серебряную доску съ именами жертвователей, сирѣчь—почитателей.

Въ 6 часовъ вечера у Контана юбиляру давали обѣдъ или, какъ говорится официально, чествовали обѣдомъ. Писателей и и почитателей собралось 125—130 человѣкъ. Были и дамы-писательницы: Ольга Чюмина, Тюфяева-Толивѣрова, Эмилія Кирилловна Пименова, В. И. Ясевичъ-Бородаевская и еще кое-кто. Писателей пересчитывать не стану. Распорядителями и устроителями обѣда были Б. Б. Глинскій и Ф. Ф. Фидлеръ.

Собралась публика. Подписали адресъ юбиляру, разрисованный Николаемъ Ивановичемъ Кравченкою,—и всѣ ждуть. Пробыло шесть—юбиляра нѣтъ; прошло еще десять минутъ—нѣтъ. Всѣ голодны, а водки и закуски глядятъ такъ заманчиво и раздражающе. Наконецъ у многихъ начинается сказываться голодное раздраженіе. Владимиръ Тихоновъ совѣтуетъ послать телеграмму архангельскому губернатору съ запросомъ, не заѣхалъ ли юбиляръ въ его губернію... Проходитъ еще десять минутъ—юбиляра нѣтъ, какъ нѣтъ. Высказывается предположеніе, что юбиляръ просто-напросто завалился на диванъ и спитъ такъ, что его добудиться не могутъ: днемъ принималъ поздравленія, депутаціи, ну и...

Наконецъ, въ половинѣ седьмого распорядители разрѣшили приступать къ закускѣ, а сами послали поскорѣе на извозчикѣ за Баранцевичемъ.

— Приступайте, господа, къ закускѣ: семеро одного не ждутъ... А юбиляръ тѣмъ временемъ подъѣдетъ...

Столъ съ закусками былъ взятъ приступомъ, и въ какія-нибудь десять минутъ на немъ не осталось «камня на камень». Наконецъ пріѣхалъ и Баранцевичъ съ женою. Остановила ихъ публика у дверей первой комнаты, начала аплодировать во всю, и затѣмъ Н. Θ. Анненскій прочелъ адресъ. Все это время юбиляръ съ супругою стояли у притолки двери подъ ручку и изображали собою двухъ неподвижныхъ жертвъ юбилея. Положеніе—далеко не эстетическое. Наконецъ громъ аплодисментовъ затихъ, К. В. Назарьева взяла подъ руку Баранцевича, одинъ изъ распорядителей подалъ руку его женѣ, и ихъ кое-какъ протискали въ залу, при продолжающихся аплодисментахъ, прямо къ закусочному столу, гдѣ кое-кто еще допивалъ и дожевывалъ остатки недавняго величія. Сѣли, наконецъ, за столъ форменно, по настоящему. Моимъ сосѣдомъ справа былъ Вл. Тихоновъ, изощрявшій во все время обѣда свое остроуміе насчетъ ближняго. Усадили юбиляра съ супругою и тотчасъ же принялись за рѣчи, такъ что злополучный Баранцевичъ не успѣвалъ проглотить ложку супа или положить въ ротъ кусокъ. Первымъ открылъ фонтанъ своего краснорѣчія А. Н. Сальниковъ, сказавшій длинную рѣчь, въ которой прежде всего указалъ на свою давнишнюю дружбу съ юбиляромъ. Тихоновъ не утерпѣлъ и отпустилъ про себя нѣсколько остроумныхъ и очень ѣдкихъ колкостей по адресу оратора. Говорилъ затѣмъ какой-то «товарищъ дѣтства» юбиляра—почтамтскій чиновникъ. Онъ разсказалъ, какъ «мы съ Баранцевичемъ не играли въ дѣтскія игры, а читали Пушкина, въ то время, когда сверстники жарили въ бабки». Въ рѣчахъ обоихъ ораторовъ на самомъ первомъ планѣ стояло собственное «я», пристегнутое къ имени юбиляра. Нашелся молодецъ, который ни съ того, ни съ сего провозгласилъ тостъ за Н. К. Михайловскаго, на что послѣдній скромно отвѣтилъ, что на юбилеяхъ личные тосты неумѣстны. В. П. Острогорскій тоже не совсѣмъ умѣстно «раскрылъ свой либеральный клапанъ» и безъ всякой надобности ругнулъ современнаго «студента». За студентовъ вступился А. А. Ходневъ и за нимъ одинъ изъ студентовъ, подносявшихъ утромъ Баранцевичу адресъ отъ студентовъ. (Объ этомъ адресѣ писать въ газетѣ было запрещено, чтобы не навлечь на студентовъ непріятностей). Мало-по-малу подогрѣтыя виномъ и краснорѣчіемъ страсти разгорѣлись. Острогорскій говорилъ еще разъ пять или шесть. Говорили многіе, кому только не было лѣнь. Говорилъ даже психіатръ Томашевскій, даже дамы говорили. Наконецъ, къ девяти часамъ поданъ былъ кофе, кое-гдѣ задыми-

лись сигары (хотя папиросы, несмотря на присутствіе дамъ, дымились еще во время супа), и всѣ полегоньку и помаленьку стали вставать изъ-за стола. Ф. В. Черниговецъ (Вишневскій) сказалъ экспромтъ:

Не каждому данъ Божій даръ,
Инымъ же все дается даромъ...
Но нашъ почтенный юбиляръ
Владѣетъ настоящимъ даромъ
И свой посильный гонораръ—
Наперекоръ судьбы ударамъ—
Онъ получалъ всегда не даромъ.

Экспромтъ понравился всѣмъ. Черниговцу заплодировали и заставили повторить. Лавры Черниговца возмутили поэтический покой Фофанова. Онъ поднялся и тоже сказалъ экспромтъ:

Любезный Казиміръ!
Мои экспромты всѣ неловки.
Но пусть же знаетъ Божій міръ,
Что мы—не Божіи коровки... (?)

Фофанова со смѣхомъ тоже попросили повторить—и онъ повторилъ...

Послѣ обѣда А. Н. Сальниковъ повторилъ мнѣ то, что говорилъ до обѣда, т. е. предложилъ напечатать въ газетѣ его застольную рѣчь. Я вторично и категорически отказался отъ этого удовольствія, и онъ тотчасъ же заговорилъ о своемъ катаррѣ желудка. Тихоновъ во время его застольной рѣчи не разъ язвительно замѣчалъ, что Баранцевичъ въ своемъ «Нашъ общій другъ» вывелъ именно его, Сальникова.

Скоро татары убрали столы, и публика разбилась на группы съ бутылками и сифонами. Г-жа Янова, которой я до сихъ поръ не зналъ и нигдѣ не видѣлъ, пропѣла подъ аккомпаниментъ піанино «Въ минуту жизни трудную» и еще нѣсколько вещицъ. Спросилъ я кого-то о ней, но не получилъ опредѣленнаго отвѣта.

— Кто она? Пѣвица? Артистка?

— Нѣтъ.

— Такъ кто же она?

— Такъ себѣ, никто.

Обратился я съ этимъ же вопросомъ къ И. Н. Потапенкѣ, но тотъ мнѣ вмѣсто отвѣта повѣдалъ:

— Этимъ романсомъ я когда-то бездну дамъ съ ума сводилъ. Я вѣдь консерваторію кончилъ и пѣлъ когда-то... Не знали?

Послѣ пѣнія организовались танцы. Ф. Ф. Фидлеръ сѣлъ за піанино и заигралъ вальсъ. Къ нему пристали, чтобы онъ, послѣ вальса, сыгралъ и мазурку.

— Мазурку?—взмолился Фидлеръ. Да этакъ вы, ребята, меня совсѣмъ затѣдите...

Все-таки и вальсъ и мазурка были даны. Пары завертѣлись. Въ первой парѣ трясъ стариною почтенный папаша Н. И. Позняковъ. Въ мазуркѣ отличался былой удалю и чисто польской граціей психіатръ Томашевскій.

Я не дождался конца «дружеской, затянувшейся за полночь бесѣды» (любимое и въ то же время шаблонное выраженіе репортеровъ) и ушелъ въ половинѣ десятого въ редакцію писать. Ночь была славная, морозная, и я прошелся пѣшкомъ съ большимъ удовольствіемъ. Но въ редакціи я былъ весьма афраппированъ. Обѣдалъ я не на свой, а на редакціонный счетъ: деньги были выданы редакціей вмѣстѣ съ строгимъ порученіемъ поѣхать, пообѣдать и поподробнѣе описать юбилей. Это было днемъ. Написалъ я и передаю свою рукопись ночью дежурному заправилѣ, выпускающему газету за редактора Р. Тотъ вдругъ выпалилъ:

— Что такое Баранцевичъ? Чѣмъ онъ знаменитъ? Что онъ такое сдѣлалъ, чтобы писать о немъ? Да стоитъ ли вообще писать о немъ? Сократите пожалуйста вашу рукопись и какъ можно сократите.

Скрѣпя сердце, я сократилъ, но Р. сократилъ и это и вышелъ на другой день юбилей въ газетѣ куцый и кургузый, а главное—безцвѣтный. Редакторъ накинута на меня же:

— Что вы такъ мало и такъ плохо написали? Сердиты на Баранцевича, что ли?

Я только рукою махнулъ. Разногласіе въ редакціи — штука скверная, но если у заправилъ нѣтъ журнальнаго нюха, то дѣло обстоитъ еще хуже.

ЛII.

Двѣнадцатаго декабря 1898 года открылся въ залѣ городской думы первый по счету въ Россіи бальнеологическій съѣздъ.

Какъ жаждали, какъ хотѣли, какъ домогались этого съѣзда! Съ его помощью надѣялись создать свою собственную, отечественную Ниццу и цѣлый рядъ цѣлебныхъ мѣстъ и курортовъ. Сотни тысячъ рублей, которыя каждый годъ вывозятся русскими за границу, остались бы дома на своихъ собственныхъ «теплыхъ водахъ». Много, очень много возлагалось надеждъ и упованій на этотъ первый бальнеологическій съѣздъ...

Возникъ онъ такимъ образомъ. Членъ государственнаго совѣта, онъ же и врачъ Н. С. Абаза, профессора военно-медицинской академіи Ѳ. И. Пастернацкій и А. И. Лебедевъ, профессоръ-метеорологъ А. И. Воейковъ и еще кое-кто изъ свѣтилъ науки открыли неожиданно для всей Россіи обѣтованную землю—восточное побережье Чернаго моря на Кавказѣ. Профессоръ Ѳ. И. Пастернацкій такъ увлекся этимъ побережьемъ, что во всякомъ, даже дикомъ

уголкѣ его видѣлъ огромный букетъ всеисцѣляющихъ и укрѣпляющихъ климатическихъ силъ природы. Посади сюда мертвеца — и онъ воскреснетъ. Нужно только, чтобы во все это увѣровало министерство государственныхъ имуществъ во главѣ съ министромъ А. С. Ермоловымъ и оказало бы нравственную и матеріальную поддержку.

Вышепоименованные профессора вкупѣ съ членомъ государственнаго совѣта Н. С. Абазою организовали изъ себя особую комиссію и прошлымъ лѣтомъ проѣхались официально по этому побережью отъ Новороссійска до Сухума въ поискахъ за климатолечебными пунктами и дѣйствительно нашли ихъ не одинъ, а нѣсколько. На каждомъ изъ нихъ можно бы основать и Ниццу, и Виши, и свою собственную Ривьеру. Хорошее и полезное дѣло было начато. Но нужно было повести его такъ, чтобы о немъ знали не одно только министерство государственныхъ имуществъ и комиссія, а чтобы оно прогремѣло на всю Россію и чтобы, главнымъ образомъ, въ него увѣровали всѣ русскіе врачи. А для выполнения этой задачи самое лучшее средство—всероссійскій сѣздъ. Во главѣ начинанія стали люди энергичные и убѣжденные, правительство свое согласіе дало, министръ А. С. Ермоловъ отнесся сочувственно—и все пошло какъ по маслу. А тутъ еще на счастье подвернулось само собою облегчающее событіе—столѣтній юбилей императорской военно-медицинской академіи. На этотъ юбилей все равно сѣзхалось бы много врачей, стало быть и бальнеологическій сѣздъ можно было пристегнуть къ юбилею. Такъ и сдѣлали. Инициативу созыва сѣзда взяло на себя такое компетентное юридическое лицо, какъ русское общество охраненія народнаго здравія. Почетнымъ предсѣдателемъ послѣдняго состоитъ великій князь Павелъ Александровичъ, значить, вѣрить можно, что это — не праздная затѣя. Въ предсѣдатели правленія сѣлъ профессоръ А. И. Лебедевъ, въ товарищи предсѣдателя почетный лейбъ-медикъ Л. Б. Бертенсонъ и въ секретари докторъ В. О. Губертъ—лица извѣстныя на всю медицинскую Россію. Обстоятельства и персонажи сложились счастливо, и мечты инициаторовъ объ осуществленіи «обѣтованной земли» могли, пожалуй, вылиться и въ реальную форму. Много, много надеждъ возлагалось на этотъ сѣздъ. Ѳ. И. Пастернацкій уже видѣлъ во снѣ русскую Ниццу на берегу Чернаго моря; единомышленники его—тоже...

Открытіе сѣзда состоялось съ надлежащимъ торжествомъ и помпой. Открывалъ великій князь Павелъ Александровичъ. Украшенная флагами зала городской думы была полнехонька. Для представителей печати былъ отведенъ столъ сбоку. Почетнымъ предсѣдателемъ сѣзда сейчасъ же избрали министра земледѣлія А. С. Ермолова и сдѣлали это по многимъ причинамъ: во-первыхъ, изъ деликатности, такъ какъ въ сущности альфою и омегою сѣзда

былъ онъ; во-вторыхъ, потому, что самый, такъ сказать, гвоздь съѣзда—улучшеніе положенія кавказскихъ минеральныхъ водъ—зависѣлъ всецѣло отъ него; и, въ-третьихъ, черезъ него же заправи́лы съѣзда уповали провести въ жизнь многія благія начинанія и пожеланія, считая въ томъ числѣ и проектированную русскую Ниццу.

Торжество протекло какъ слѣдуетъ. А. С. Ермоловъ произнесъ рѣчь, которая тутъ же, безъ замедленія, была передана на столъ печати для списыванія. За нимъ говорилъ профессоръ А. И. Лебедевъ. Его задачею было познакомить врачей съ «обѣтованною землею». Онъ пустился въ описаніе черноморскаго побережья и своей поѣздки и нагромоздилъ такъ много красотъ природы, что его рѣчь вышла очень длинною и даже слегка утомила слушателей. Отъ этого половина эффекта ея пропала. Городской голова П. И. Леляновъ привѣтствовалъ съѣздъ по разъ заведенному для такихъ случаевъ шаблону и пригласилъ отъ имени города дорогихъ гостей пожаловать на раутъ и откусать хлѣба-соли. За нимъ выступилъ почетный академикъ Л. Б. Бертенсонъ съ рѣчью академическаго характера и окончательно испортилъ общее настроеніе духа. Рѣчью его никто не интересовался. Читалъ же онъ ее ровно часъ съ четвертью и не только утомилъ, но даже и переутомилъ всю публику. Несмотря на это, однакоже, программа торжественнаго открытія была выполнена вся, безъ пропусковъ. Закончилось засѣданіе довольно поздно, и одинъ изъ врачей, пріѣхавшихъ изъ провинціи, спускаясь по лѣстницѣ, не безъ основанія проговорилъ:

— Проморили, анаемы, чтобъ имъ пусто было!..

Выдающимся событіемъ было что-то въ родѣ пожара при самомъ началѣ засѣданія. Откуда-то потянуло запахомъ горящаго войлока, и потянуло такъ сильно, что въ публикѣ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе. Экзекуторъ думы Н. П. Ѳедотовъ вышелъ изъ залы съ озабоченнымъ лицомъ, и черезъ двѣ минуты на хорахъ загудѣлъ электрическій вентиляторъ. Запахъ гари исчезъ—и все успокоилось.

Намъ, газетнымъ работникамъ, этотъ день пришлось отнести къ числу тяжелыхъ дней. Послѣ засѣданія пришлось много писать на голодный желудокъ и отложить всякое попеченіе объ обѣдѣ. Нужно было къ тому же и спѣшить съ работою, потому что въ 9 часовъ вечера слѣдовало попасть на раутъ, который городъ давалъ въ этой залѣ съѣзду и на который приглашалъ гостей П. И. Леляновъ. Въ означенное время мы, репортеры, были уже на мѣстѣ, но утомленные, голодные и порядочно измученные. Раутъ, какъ и всѣ этого рода собранія вообще, вышелъ скучнымъ и монотоннымъ, несмотря на музыку и ужинъ. Гости угрюмо слонялись изъ угла въ уголъ, сталкивались и расходились. Обычные тосты произносилъ голова, и по лицу его было

видно, что онъ волновался въ своей новой роли муниципального оратора. Когда послѣдовало приглашеніе приступить къ столу, всѣ точно обрадовались и стали брать блюда приступомъ. Пресса при этомъ оказалась дальновидной. Сотрудники газетъ, во главѣ съ А. А. Ходневымъ («Правительственный Вѣстникъ») стали на сторожѣ группою у зернистой икры еще задолго до начала спектакля. Какъ только послѣдовало разрѣшеніе вина и елѣя—черезъ минуту отъ икры остались только «краткіе очерки», похожіе на одно только воспоминаніе. Въ этомъ походѣ на икру я не принималъ участія изъ опасенія отравиться салициловой кислотой; но зато я стоялъ сторожемъ подлѣ блюда съ поросенкомъ, куда вскорѣ нахлынули и товарищи, дожевывавшіе икру. Взялъ было я себѣ на тарелку очень аппетитно выглядывавшей рыбы, но она оказалась очень сомнительнаго качества. Пришлось ругнуть въ душѣ ресторатора и удовольствоваться однимъ «свинствомъ». Фрукты были хороши.

Изъ думы, конечно, пришлось опять итти въ редакцію и опять писать. Въ эту ночь я легъ въ постель только около 4 часовъ утра съ тѣмъ, чтобы завтра встать въ восемь и ѣхать на засѣданія съѣзда.

Военно-медицинская академія радушно отвела свои обширныя помѣщенія въ распоряженіе съѣзда, и засѣданія начались въ нихъ на другой же день послѣ открытія. День былъ воскресный, но его не праздновали: нужно было спѣшить, потому что на всѣ обширныя занятія съѣзду дано было всего только три дня. Предстояло закончить всѣ работы къ 18-му декабря, ибо въ этотъ день начинался уже столѣтній юбилей академіи. Врачей на первое засѣданіе собралось много. Былъ и министръ государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ. Въ него сейчасъ же и запустили заранѣе приготовленныя стрѣлы. Профессоръ Ө. И. Пастернацкій началъ читать, или, вѣрнѣе, говорить свой докладъ о Черноморскомъ побережѣ. Все въ его докладѣ оказывалось прекраснымъ и самую природою предназначеннымъ для устройства на Кавказѣ русской Ривьеры. Остановился онъ между прочимъ на такъ называемомъ Верецагинскомъ участкѣ близъ Сочи, предлагая казнѣ выкупить его какъ можно скорѣе, пока еще не захватили его иностранцы. На этомъ участкѣ можно было бы основать превосходнѣйшую климатическую станцію. Министръ слушалъ внимательно. Онъ былъ уже подготовленъ и заранѣе зналъ и объ участкѣ и о томъ, какіе виды возлагаютъ на него, какъ на лицо, отъ котораго зависитъ дать то или другое направленіе вопросу о климатическихъ станціяхъ. Но ему хотѣлось выслушать мнѣніе съѣзда. На бѣду профессора Пастернацкаго былъ посаженъ въ предсѣдатели «скорбный главою», какъ его называли, профессоръ Мочутковскій, не умѣвшій руководить

преніями (таковъ былъ о немъ отзывъ большинства недовольныхъ, по окончаніи засѣданія). Стали подниматься одинъ за другимъ ораторы и заговорили о кавказскихъ ужасныхъ лихорадкахъ и о маляріи. Профессоръ Пастернацкій изо всей мочи утверждалъ, что съ проведеніемъ дренажей и съ осушкою болотъ лихорадки исчезнутъ. Бояться ихъ нечего. Но тутъ поднялся профессоръ Скворцовъ и указалъ на итальянскую малярную Кампанью, которую стремятся оздоровить дренажами еще со временъ римлянъ и за тысячи лѣтъ ничего не могли сдѣлать. То же будетъ и съ нашимъ Кавказомъ: сколько его ни дренажируй, какъ ни осушай, а отъ маляріи не избавишься...

Для Ѳ. И. Пастернакаго это былъ острый ножъ, воткнутый безжалостно въ самое сердце. Сраженіе было проиграно болѣе, чѣмъ на половину. Если бы съѣздъ согласился съ нимъ и съ его докладомъ, то онъ тотчасъ же предложилъ бы А. С. Ермолову купить Верещагинскій участокъ на казенныя деньги по телеграфу — и мѣсто для будущей климатической станціи было бы готово. (Это онъ самъ мнѣ говорилъ). Но съѣздъ внялъ голосу Скворцова и испугался маляріи... Надежда на Ермолова и на казну исчезла.

Но тутъ началась частная агитація, подготовленная, кажется, втихомолку. Былъ кликнуть кличъ и открыта подписка между врачами: собрать побольше денегъ, купить Верещагинскій участокъ частнымъ образомъ и потомъ разверстать его пропорціонально взносамъ. Не хочетъ казна—мы сами купимъ... Подписной листъ пошелъ по рукамъ и быстро покрылся подписями. Перья и чернила въ толпѣ передавались изъ рукъ въ руки черезъ головы. Чѣмъ окончилась подписка—не знаю, но дѣло Абазы, Лебедева и Пастернакаго прогорѣло.

Очень интересны условія съѣзда: къ слушанію и обсужденію было назначено 144 доклада, а времени на это дано было всего только три дня—болѣе сорока докладовъ въ день. Было заявлено поэтому, что на чтеніе каждаго доклада полагается только 15 минутъ, а на возраженія—по три минуты на каждаго оратора безъ права говорить вторично. Правило это по возможности соблюдалось, и каждый изъ председательствующихъ клалъ передъ собою часы. Ораторъ, заболтавшійся долѣе положеннаго срока, получалъ напоминаніе и долженъ былъ либо приканчивать свою рѣчь на полусловѣ, либо просить у собранія позволенія продолжать, на что получалось въ отвѣтъ или «просимъ! просимъ!» или очень обидное для самолюбія «довольно!»

Вечернее засѣданіе было тоже очень многолюдно, но большинство докладовъ осталось незаслужаннымъ: не хватило времени.

Во второй день съѣзда повторилась та же исторія, что и въ первый. Интересно было развѣ только то обстоятельство, что

профессоръ Скворцовъ, сразившій идею профессора Пастернацкаго маляріей, оказался въ этотъ день сраженнымъ въ свою очередь и при томъ очень обидно. Онъ оказался умѣющимъ говорить на всякую тему и по какому угодно вопросу, приплетая къ бактериологіи политическую экономію и къ вопросу о климатѣ — социологію. Сначала онъ сдѣлался было общимъ фаворитомъ сѣзда и по его адресу не разъ раздавалось «просимъ! просимъ!» но потомъ его раскусили, и онъ сподобился обиднаго «довольно!..»

Заключительное собраніе состоялось на слѣдующій день въ залѣ думы при той же торжественной обстановкѣ, какъ и открытіе, только безъ великаго князя. Предсѣдательствовалъ министръ А. С. Ермоловъ. Онъ же въ заключительной рѣчи подвелъ и итоги работамъ сѣзда. Засѣданіе кончилось вполнѣ благополучно и спокойно. Послѣ этого мы съ Лесманомъ («Новости») подошли къ А. С. Ермолову, и я спросилъ его, нѣтъ ли у него черновика его рѣчи. Онъ добродушно отвѣтилъ, что говорилъ экспромтомъ и посоветовалъ намъ составить для газетъ его рѣчь по записямъ и «по памяти» и, если угодно, прислать ему корректуру. Мы съ Лесманомъ тотчасъ же взошли на опустѣвшую эстраду, усѣлись на предсѣдательскихъ мѣстахъ и тутъ же вдвоемъ сочинили рѣчь. Лесманъ отдалъ въ своей типографіи въ наборъ и послалъ въ гранкахъ министру и мнѣ. Министръ прислалъ Лесману очень любезное письмо, удостоверяющее, что рѣчь была составлена правильно и хорошо.

Обстоятельство это невольно заставило меня вспомнить одинъ давній фактъ. Во времена моего студенчества въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ былъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, нынѣ уже покойный. Ему, какъ «хозяину Первопрестольной», не разъ приходилось въ торжественныхъ случаяхъ произносить официальные рѣчи. Черновики этихъ рѣчей онъ никогда не давалъ репортерамъ. Ихъ записывали «по памяти» и ему на утверждение представляли въ гранкахъ. Если рѣчь не была искажена, то онъ писалъ на поляхъ свою фамилію, и эта подпись служила разрѣшеніемъ печатать. Если же замѣчалось ощутительное отступление, то онъ пропускалъ и въ этомъ случаѣ, но всякій разъ прибавлялъ:

— Кажется, я этого не говорилъ... А впрочемъ, Богъ съ ними; пусть печатаютъ...

Разсказывали это въ кружкѣ московскихъ газетныхъ людей Н. И. Пастуховъ и Н. П. Кичеевъ. Первый былъ издателемъ «Московского Листка», а второй — редакторомъ «Будильника» и московскимъ фельетонистомъ «Новостей». Сочинять небылицу имъ не было надобности.

Возвращаюсь къ сѣзду. Всю дѣловую и самую спѣшную и даже, можно сказать, проклятую сторону сѣзда—записываніе, со-

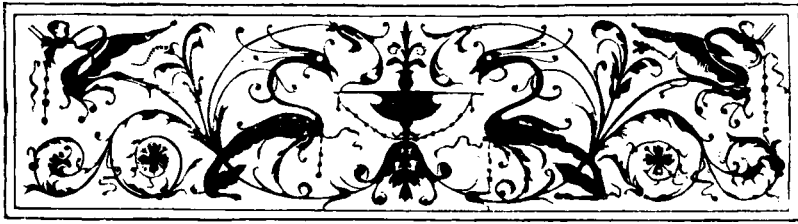
ставленіе отчетовъ, объясненія съ публикою и членами, раздачу брошюръ, собираніе докладовъ и т. д. вынесли на своихъ плечахъ только два человѣка: д-ръ В. О. Губертъ и д-ръ М. М. Мандельштаммъ. Досталось имъ, какъ секретарямъ, на орѣхи здорово. Не желалъ бы я быть въ ихъ шкурѣ, хотя быть секретаремъ съѣзда и почетно. Выполнили они свои обязанности превосходно и съ честью и, что всего удивительнѣе, ни одинъ изъ нихъ не захворалъ отъ непосильной работы.

Этотъ съѣздъ страшно утомилъ насъ, газетныхъ работниковъ. Приходилось работать не менѣе 8—9 часовъ въ сутки, а зарабатывать—гроши. Наша редакція по какимъ-то особымъ соображеніямъ пришла внезапно къ заключенію, что съѣздъ этотъ не заслуживаетъ того, чтобы занимать въ газетѣ много мѣста, и изъ трехдневной моей работы было выпущено въ свѣтъ въ назиданіе публики только полтора строка.

Александръ Чеховъ (Сѣдой).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА.¹⁾

ЛИІІ.

ОЕННО-медицинская академія праздновала свой столѣтній юбилей. Если о человѣкѣ говорится: вѣкъ прожить — не поле перейти, то къ высшему учебному заведенію это приложимо еще съ большимъ правомъ: не мало за сто лѣтъ академія пережила всякихъ пертурбацій.

На юбилей были приглашены почти всѣ западно-европейскіе свѣтила медицины — и многіе изъ нихъ пріѣхали и присутствовали на всѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ, хотя по-русски и не понимали. Юбилейное торжество началось актомъ въ актовомъ залѣ академіи 17 декабря 1898 года. Актъ обыкновенно празднуется 18 декабря, на этотъ разъ его провели днемъ раньше. Публики собралось очень много, и здѣсь мы, петербуржцы, никогда не бывавшіе въ Парижѣ, впервые увидѣли «безсмертнаго», т. е. члена французской академіи наукъ. Его форма—черный фракъ, обшитый по бортамъ зеленой ниточкой въ видѣ разводовъ, орденская ленточка—и только. Просто и изящно. Представитель медицинскаго факультета въ Парижѣ былъ въ ярко-красной мантии и въ беретѣ на головѣ. Англичане явились просто въ сюртукахъ; бельгіецъ—въ раззолоченномъ мундирѣ. Всѣ они важно засѣдали въ креслахъ и съ большимъ терпѣніемъ слу-

¹⁾ Окончаніе. См. Историческій Вѣстникъ», т. СХ, стр. 408.

шали. А терпѣніемъ вооружиться было необходимо: профессоръ Гундобинъ прочелъ обычную на этомъ актовомъ торжествѣ академическую рѣчь. Онъ прочелъ ее прекрасно, внятно и наизусть, но читалъ такъ долго и такъ злоупотребилъ терпѣніемъ публики, что она въ глубинѣ души посылала его къ самому Вельзевулу, а я грѣшный—и дальше.

Начальника академіи В. В. Пашутина на этомъ актѣ, къ общему удивленію, не было вовсе: онъ захворалъ. Говорили, будто бы причиною его хвори въ такой торжественный моментъ были юбилейныя огорченія и хлопоты. Общій говоръ сводился къ тому, что онъ будто бы повелѣлъ дѣло такъ, что не угодилъ ни военному министру, ни профессорамъ, ни студентамъ, ни гостямъ—и этимъ всѣхъ сумѣлъ возстановить противъ себя. Насколько это вѣрно—не знаю, но слышалъ я это отъ одного изъ профессоровъ и не вѣрить не имѣю основаній. Вообще, насколько можно судить по отзывамъ, Пашутинъ ничьей любовью не пользуется, и лицъ, имъ недовольныхъ, множество. Его часто сравниваютъ съ покойнымъ начальникомъ академіи Байковымъ и при этомъ Байкова, какъ бы въ пикъ Пашутину, превозносятъ до небесъ.

— Образцовый былъ начальникъ покойничекъ, а для студентовъ былъ прямо заступникъ и отецъ родной. Къ нему студентъ смѣло шелъ со всякою нуждою и виною. Является студентъ съ поникшей головою и начинаетъ разговоръ запинаясь. — «Съ чѣмъ пожаловать изволили - съ? — спрашиваетъ Байковъ. — Набѣдокурили?» — «Виноватъ, ваше превосходительство, въ нетрезвомъ видѣ городского съ ногъ сшибъ и бока ему намалялъ...» — «То-то: бока намалялъ... Академію только конфузите, сударь! Учиться надо, а не бока полиціи мять... Объ вашемъ подвигѣ уже бумажка отъ градоначальника есть-съ». — «Виноватъ, ваше превосходительство...» — «Вы виноваты, а я за васъ отвѣчать долженъ - съ... Стыдно-съ... Подъ судъ слѣдовало бы отдать васъ... Идите-съ...» — Уходитъ студентъ, а начальникъ на полицейскую бумагу отвѣчаетъ офиціально: «Такой-то студентъ, такого-то курса за свой поступокъ уже отбываетъ наказаніе, о чемъ и имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство... Вотъ каковъ былъ покойничекъ. Теперешнему далеко до него... Какъ небо отъ земли.

Этотъ рассказъ я слышалъ изъ устъ одного изъ почтенныхъ профессоровъ, называть котораго не считаю себя въ правѣ.

Всѣ необходимыя для газеты свѣдѣнія любезно были намъ сообщены въ канцеляріи. Нужно отдать полную справедливость: и профессора, и канцелярія, и студенты были съ представителями печати замѣчательно любезны, предупредительны и хороши. Профессоръ В. Н. Сиротининъ передалъ мнѣ билетъ въ кресло на юбилейный, парадный спектакль, а Н. П. Симановскій—билетъ на товарищескій обѣдъ профессоровъ въ залѣ Кононова. Такіе же

билеты, по моей просьбѣ, онъ далъ Лесману («Новости») и Ходневу («Правительственный Вѣстникъ»), прося ихъ однакоже, чтобы они не проболтались, такъ какъ «билетовъ больше не хватитъ». Мнѣ лично было очень пріятно пообѣдать въ средѣ профессоровъ академіи, изъ которыхъ многіе были моими друзьями, но меня этотъ обѣдъ не очень манилъ: я былъ очень утомленъ. Въ академіи актъ кончился, по обычаю, поздно, люди добрые поѣхали обѣдать, а я долженъ былъ, забывая о желудкѣ, отправляться въ редакцію, гдѣ и проработалъ часа полтора надъ отчетомъ о юбилейномъ актѣ. Къ профессорскому обѣду я пріѣхалъ почти разбитымъ и попалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда закуска была уже почти расхищена, и на мою долю остались однѣ] только рыбы косточки да нетронутыя колбасы.

Кстати, по поводу колбасъ. Участвуя въ огромномъ числѣ всевозможныхъ парадныхъ обѣдовъ, я замѣтилъ два постоянныхъ и непреложныхъ явленія. Въ числѣ закусокъ къ водкѣ подаются всегда простыя, дешевыя колбасы и ихъ, между прочимъ, никто никогда не ѣстъ: предпочитаютъ болѣе пикантные деликатессы. Тарелки съ вареной и копченой колбасою прислуга уноситъ нетронутыми. Спрашивается, для чего онѣ подаются и куда потомъ дѣваются? Всего вѣроятнѣе, что эти неизбежные ломтики переходятъ по наслѣдству отъ юбилея къ юбилею и отъ обѣда къ обѣду. Иначе рестораторы были бы въ прямомъ убыткѣ...

Карточка-меню была иллюстрирована. Наверху—зданіе академіи, а внизу—студенты въ различныхъ обмундированіяхъ, мѣнявшихся въ теченіе ста лѣтъ. Первоначальная форма была въ видѣ военного фрака, какъ у гоголевскаго городничаго въ «Ревизорѣ», на головѣ — треуголка. Теперешняя, позднѣйшая извѣстна всѣмъ. Между этими двумя формами помѣщена третья—молодой человекъ въ широкополой шляпѣ, съ длинными, до плечъ волосами, въ статскомъ пальто и съ пледомъ, небрежно накинутомъ на плечи. Эта фигура выхвачена изъ того короткаго времени, когда студенты не носили никакой формы. На рисункѣ она вышла симпатичнѣе всѣхъ.

Обѣдъ прошелъ, какъ и подобаетъ. Сначала тосты и рѣчи говорились по заранѣе составленному расписанію, но затѣмъ вскорѣ вино подогрѣло сердца и языки—стали говорить всѣ, кто хотѣлъ и кто во что гораздъ. Профессоръ-хирургъ М. С. Субботинъ произнесъ такой курьезный тостъ:

— Пью за врача обоого пола!..

Ему замѣтили, что за гермафродита публично пить какъ-будто и не совсѣмъ подобаетъ, но онъ не придалъ этому замѣчанію никакого значенія. «Gaudeamus» пѣли безъ конца съ оркестромъ и безъ оркестра. Зала была декорирована сообразно съ празднествомъ: въ нишахъ среди зелени были поставлены бюсты корифеевъ академіи: Боткина, Зинина, Руднева и Пирогова.

На этомъ обѣдѣ не было ни одного иностранца. Делегатовъ и иностранныхъ «безсмертныхъ» рѣшено угощать обѣдомъ здѣсь же завтра. Обѣдъ обѣщаетъ быть интереснымъ, но я отъ него отказался, такъ какъ дошелъ почти до переутомленія. Ночью я долго не могъ сомкнуть глаза отъ усталости. Нужно замѣтить, что для газетнаго человѣка официальные обѣды, какъ бы вкусны и изысканы они ни были,—одно только сплошное мученіе. Обѣдать, т. е. ѣсть спокойно и весело болтать съ сосѣдомъ или съ сосѣдкой о пустякахъ — одна статья; но обѣдать и въ то же время быть постоянно, отъ начала до конца, на сторожѣ, чтобы не пропустить ни одного тоста и ни одной рѣчи — совсѣмъ иное дѣло. Кто не испыталъ, что значитъ держать въ одной рукѣ вилку и ножикъ, а другой наскоро записывать на бумажкѣ карандашомъ, да еще—держа записную книжку подъ скатертью, чтобы работа не была видна,—тотъ не можетъ понять, какъ тяжелы обѣды для репортеровъ. При этомъ репортеру пить не полагается изъ предосторожности. Я пробовалъ пить и въ такихъ случаяхъ записывалъ не все и возлагалъ надежды на память, но въ результатѣ описанія выходили въ газетѣ плохи: либо цвѣтисты, либо глупы. Когда выпьешь—критическое чувство притупляется, все кажется окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ и въ отчетѣ отмѣчаешь и подчеркиваешь подчасъ совсѣмъ не то, что нужно.

Самый гвоздь торжества—торжественное собраніе въ залѣ дворянскаго собранія—состоялось 18 декабря. Зала полна и блеститъ. Электрическій свѣтъ, звѣзды, мундиры, дамскіе туалеты, «безсмертные», смертные, делегаты, профессора, гости, городской голова, представители учреждений, жара, духота и т. д. Для прессы отведенъ столъ на эстрадѣ — и этотъ столъ быстро набился репортерами, какъ боченокъ сельдями. Температура поднялась страшно. Для трехъ тысячъ грудей не хватало воздуха. Военный министръ А. Н. Куропаткинъ прочелъ высочайшій рескриптъ, и за нимъ профессоръ Беллярминовъ затянулъ ровно на два часа длиннѣйшій и скучнѣйшій историческій очеркъ академіи. Его, т. е. профессора Беллярминова, костили въ душѣ на чемъ свѣтъ стоитъ. Очеркъ, конечно, былъ неизбеженъ, но впереди было не болѣе, не менѣе, какъ двѣсти пятьдесятъ восемь депутацій, изъ которыхъ каждая должна была произнести, по крайней мѣрѣ, хоть по одному слову. Публика потѣла, кисла, ругалась въ душѣ, но потомъ слегка повеселѣла, когда на эстраду, на которой сидѣла in согроге академія, потянулись одна за другою депутаціи.

Мы, печать, утомленные и изможденные, не дождались конца пріема депутацій и разбѣжались по своимъ редакціямъ писать и писать. Впереди была уйма работы...

Юбилейный день я, какъ репортеръ, началъ не дворянскимъ собраніемъ, а ранѣе. Утромъ я былъ въ академической домовой

церкви. Тамъ, по программѣ торжества, служилась обѣдня. Было нѣсколько профессоровъ, которымъ было вовсе не до службы, и два-три иностранца. Но иностранцевъ профессоръ Н. Г. Егоровъ—милѣйшій и симпатичнѣйшій человѣкъ—выпроводилъ изъ церкви, увѣряя ихъ, что служба протянется долго, что они устанутъ и что имъ, навѣрное, пріятнѣе будетъ покурить. Иностранцы сначала изъ вѣжливости упорствовали, ссылаясь на желаніе познакомиться съ благолѣпіемъ православнаго богослуженія, но потомъ вышли покурить, а затѣмъ и совсѣмъ уѣхали. И они не потеряли ничего: богослуженіе было самое заурядное и благолѣпіемъ не отличалось. Нашелся, впрочемъ, раззолоченный бельгіецъ, который выстоялъ всю обѣдню и молебень до конца; но что онъ вынесъ изъ этого—не знаю.

Тутъ же я узналъ и легенду, связанную съ академическою церковью. Первоначально ее предполагалось устроить въ томъ помѣщеніи съ куполомъ, гдѣ теперь находится актовъ залъ. Залъ этотъ громаденъ, вмѣстителенъ и какъ разъ годился бы для храма, который теперь пріютился гдѣ-то сбоку, въ длинной четырехугольной комнатѣ. Первоначальный планъ пришлось, однакоже, измѣнить, потому что при постройкѣ зданія академіи въ куполѣ теперешняго актовъ зала повѣсилъ архитекторъ и этимъ осквернилъ мѣсто будущей церкви. По каноническимъ же правиламъ на оскверненномъ самоубійствомъ мѣстѣ ставить церкви нельзя. Буде же самоубійство совершится въ готовомъ уже храмѣ, то послѣдній подвергается очистительному богослуженію. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ рассказывали, самъ же я этого не провѣрялъ. Есть, впрочемъ, у меня въ памяти примѣръ, указывающій на то, что только что рассказанное—похоже на правду. Въ Москвѣ передъ постройкою нынѣшнихъ грандіозныхъ Теплыхъ рядовъ купцы долго не покидали Старыхъ рядовъ и этимъ тормозили постройку. Приказомъ генераль-губернатора ряды въ одинъ прекрасный день были очищены черезъ полицію. Одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ объявилъ себя по этому поводу разореннымъ, пошелъ въ одинъ изъ кремлевскихъ соборовъ и тамъ зарѣзался между гробницами великихъ князей и прежнихъ царей. Послѣ этого событія, по распоряженію синода, храмъ стоялъ «впустѣ» до тѣхъ поръ, пока не было произведено очистительное освященіе. Объ этомъ печаталось въ тогдашнихъ московскихъ газетахъ.

Въ предпоследній день юбилейнаго празднества, 19 декабря, въ Маріинскомъ театрѣ былъ данъ парадный спектакль. Поставили оперу «Игорь». Это былъ подарокъ дирекціи императорскихъ театровъ академіи въ честь ея юбилея. Все было обставлено парадно. Публика была во фракахъ, мундирахъ и при полныхъ регаліяхъ. Для иностранныхъ гостей либретто было переведено на французскій языкъ параллельно съ русскимъ. Выбрали для постановки

«Игоря» потому, что эта опера написана композиторомъ Бородинымъ — покойнымъ профессоромъ военно-медицинской академіи. Обстановка была восхитительная. Декорація и свѣтовые эффекты вечерней зари, ночи и разсвѣта были дивные. Публика требовала безпрестанныхъ повтореній и это затянуло спектакль настолько, что пришлось выбросить цѣликомъ весь третій актъ. Отмѣнно хороши были въ четвертомъ актѣ хоръ поселянъ и гудочники (дуэтъ). Ихъ тоже заставили повторить. Спектакль прошелъ на славу. Иностранные делегаты были всѣ въ сборѣ. Я слѣдилъ за ихъ лицами. Выраженіе на нихъ было очень довольное и удовлетворенное. Видно было, что они сравнивали молча свои европейскіе театры съ нашимъ и находили, что и мы въ сценическомъ отношеніи не отстали отъ Запада... Патріотически разсуждая—недурно, что иностранныхъ гостей познакомили съ русской, да еще вдобавокъ національной оперой, хотя бы и временъ 1185 года. Все же они меньше будутъ думать, что мы — медвѣди. Если ужъ во времена князя Игоря и хана Кончака Русь была такъ хороша. какъ ее изображаютъ на сценѣ, то теперь... и толковать нечего...

Послѣдній день, 20 декабря, былъ посвященъ осмотру учрежденій академіи. Прибыли иностранные делегаты и русскіе врачи къ назначенному часу. Разбили ихъ на группы, посадили въ кареты и въ экипажи и развезли, куда надо. Я и сотрудникъ «Сына Отечества» Ю. Н. Лавриновичъ затесались въ физическій кабинетъ Н. Г. Егорова, видѣли новый фонарь Цейса, электрическій приборъ д'Арсонваля и знаменитые опыты съ жидкимъ воздухомъ. Послѣ этого я написалъ въ редакціи и сдалъ въ типографію послѣдній отчетъ о юбилеѣ, пришелъ домой и съ облегченіемъ произнесъ: «Уфъ! Кончено! Довольно! Измыкался! Еще одинъ такой же юбилей—и меня не хватитъ»!.. Это былъ послѣдній, заключительный аккордъ юбилея. То же самое, какъ я узналъ потомъ, произнесли и профессора академіи отъ всей души и полной грудью...

LIV.

Катавасія съ хоругвями. Иначе трудно озаглавить рѣчь, которая пойдетъ дальше. Россія недавно утопала въ восторгахъ отъ франко-русскаго союза. Плавалъ нашъ флотъ въ Тулонѣ, сдѣлали визитъ французскіе броненосцы въ Кронштадтъ, одну изъ набережныхъ въ Петербургѣ переименовали во «Французскую». Восторги эти, однакоже, скоро поостыли и улеглись. Началось мирное и спокойное переживаніе дружескихъ отношеній между двумя великими державами. Въ обществѣ все помаленьку стало сводиться къ сознанію, что у насъ, на случай войны съ Германией, есть надежный союзникъ—и все потекло спокойно. И въ газетахъ, и въ литературѣ вообще наступила, какъ говорится,

тишь да гладь. Но этой глади, нѣсколько времени спустя, суждено было всколыхнуться. Произошло маленькое и мало кому видимое международное обстоятельство, которое, съ одной стороны, косвенно задѣло меня и задало мнѣ работу, а съ другой—лишній разъ доказало, что съ нашимъ чиновно-канцелярскимъ міромъ не дай Богъ никогда имѣть дѣло. Міръ этотъ въ самое живое и интересное дѣло способенъ внести удушающую сухость и мертвечину. Въ настоящую минуту, когда я записываю эти строки подъ свѣжимъ впечатлѣшемъ,—я злюсь.

Въ 1854 году, во время Крымской войны, союзная армія, во главѣ которой стояли французы, высадилась въ Евпаторіи и, какъ извѣстно, отсюда и начала военныя дѣйствія, закончившіяся Севастополемъ. Евпаторія сдѣлалась военной добычей непріятеля, и французы вывезли изъ нея къ себѣ домой не мало добра. Увезли они въ Парижъ между прочимъ, въ качествѣ трофеевъ, и пару хоругвей, взятыхъ изъ какой-то мѣстной приходской церкви. На что понадобились имъ эти хоругви, не имѣющія ни рыночной, ни воинской цѣнности—рѣшить трудно. Какимъ-то чудомъ онѣ однакоже, сохранились во Франціи до нашихъ дней въ полной неприкосновенности. Съ ними-то и произошла исторія, о которой идетъ теперь рѣчь.

Всякому православному извѣстно, что еще со временъ Отечественной войны 1812 года въ нашихъ храмахъ 25 декабря, въ день Рождества Христова, служится благодарственный молебенъ, установленный по случаю избавленія Россіи отъ нашествія французовъ и съ ними—двадцати языкъ. Молебенъ этотъ долженъ щекотать французское самолюбіе не очень пріятно. Поэтому недавно въ печати было высказано—довольно робкое, впрочемъ,—мнѣніе о томъ, что разъ теперь мы заключили съ французами дружественный союзъ, то не мѣшало бы святѣйшему синоду это богослуженіе, касающееся «нашествія», отмѣнить, ибо нынѣ оно стало противорѣчащимъ смыслу союза анахронизмомъ. Робкій голосъ въ печати такъ и остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и синодъ на него и не вздумалъ откликнуться. Но вѣсть объ этомъ, благодаря проживающимъ въ Петербургѣ иностраннымъ корреспондентамъ, попала въ Парижъ, и мѣстныя газеты разнесли ее по всей Франціи. Наши друзья-французы оказались любезнѣе нашего синода и тотчасъ же откликнулись. Они сдѣлали намъ подарокъ—возвратили Россіи хоругви, вывезенныя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ Евпаторіи.

Кажется, чего бы лучше? Взаимныя симпатіи еще горячи, французы поступили очень мило, значить, объ этомъ событіи слѣдовало бы протрубить въ газетахъ на всю Россію, чтобы еще болѣе подогрѣть симпатіи нашего народа къ новымъ союзникамъ и политическимъ друзьямъ. Дурного въ этомъ нѣтъ ничего, а хорошее,

пожалуй, есть. Пресса такъ и хотѣла поступить, но господа чиновники разсудили иначе.

— Возьмите вашъ фотографическій аппаратъ,—сказалъ мнѣ сегодня редакторъ,—и, будьте добры, поѣзжайте съ нимъ сейчасъ же, пока еще свѣтло, во французское посольство. Оттуда только что любезно дали знать по телефону, что прибыли хоругви и что ихъ можно сфотографировать для газеты. Поѣзжайте, снимите и опишите ихъ. Это будетъ интересная вещьца для читателя.

Черезъ пять минутъ я уже былъ на извозчикѣ и ѣхалъ изъ редакціи къ себѣ домой за аппаратомъ, а потомъ, зарядивъ его, я быстрымъ аллюромъ, на какой только способна кляча питерскаго извозчика, мчался въ посольство. Но тутъ меня постигла неудача. Въ посольствѣ приняли меня очень любезно, но тономъ искренняго сожалѣнія заявили:

— Увы, хоругвей у насъ уже нѣтъ. Онѣ отправлены въ министерство иностранныхъ дѣлъ и отправлены всего только какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ. Если бы вы пріѣхали немножко пораньше, мы могли бы задержать ихъ отправку... Жаль, очень жаль, но что же дѣлать? Спѣшите скорѣе въ министерство: можетъ быть, тамъ вамъ удастся сдѣлать снимокъ. А это было бы интересно для русской печати и для русской читающей публики. Поспѣшите, можетъ быть, успѣете...

Распростившись съ любезнымъ аташе посольства и погоняя извозчика въ хвостъ и въ гриву, я помчался въ министерство. Тутъ меня по первому же абцугу подвергли цѣлому ряду допросовъ. Первый допросилъ швейцаръ:

— Что угодно?

Я объяснилъ.

— Это касаето дежурнаго чиновника. Пожалте на верхъ, а ящичекъ оставьте здѣсь.

Дежурный чиновникъ, въ воротничкахъ, подпиравшихъ и оттопыривавшихъ уши, выслушавъ меня, сообщилъ, что хоругви дѣйствительно прибыли, но что едва ли мнѣ позволятъ сдѣлать съ нихъ снимокъ.

— Позволь вамъ, такъ могутъ явиться и изъ другихъ газетъ,—глубокомысленно замѣтилъ онъ.

— Тѣмъ лучше. Скорѣе и обширнѣе распространятся свѣдѣнія о любезномъ поступкѣ французовъ,—отвѣтилъ я.

— Такъ-то оно такъ. Но кто его знаетъ, можетъ быть, этого разглашать и не захотятъ... Впрочемъ, это зависитъ не отъ меня, а отъ его превосходительства. Я сейчасъ доложу его превосходительству.

— Будьте добры, прихватите съ собою мою визитную карточку. На ней обозначено, кто я и отъ какой газеты.

Дежурный чиновникъ неохотно взялъ протянутую карточку, поднесъ ее близко къ глазамъ, прочелъ и еще неохотнѣе отвѣтилъ:

— Хорошо, я доложу... Но только едва ли вамъ удастся... Отчего не сняли фотографію, когда хоругви были еще въ посольствѣ, а не у насъ?

— Развѣ это не все равно?

— Конечно, не все равно. Въ случаѣ чего-либо неладнаго— отвѣтственность лежала бы на посольствѣ, а не на насъ... Тамъ—экстерриториальность... А здѣсь—другое дѣло. Потрудитесь подождать.

Чиновникъ медленно ушелъ, а я остался ждать, поминутно поглядывая черезъ окошко на хмурое небо, дававшее очень мало свѣта для фотографированія. Ждать мнѣ пришлось довольно долго, и мысленно я уже рѣшилъ снимать при вспышкѣ магнія.

— Пожалуйста къ его превосходительству,—послышался сзади меня голосъ чиновника.—Я сдѣлалъ для васъ и для редакціи все, что могъ, и въ случаѣ неудачи на меня не пеняйте.

— Мерси.

— Проводите ихъ... въ кабинетъ...

Послѣдняя фраза относилась уже не ко мнѣ, а къ другому чиновнику, который, оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, показалъ мнѣ рукою дорогу по коридору и пошелъ со мною рядомъ.

— Вы насчетъ хоругвей?—заговорилъ онъ.

— Да.

— Отъ редакціи такой-то газеты?

— Да.

— Гм... Хотите снять фотографію?

— Да.

— Гм...

Меня ввели въ обширный кабинетъ съ огромнымъ письменнымъ столомъ, за которымъ засѣдалъ его превосходительство—небольшого роста старичокъ, вертѣвшій въ рукахъ мою визитную карточку. Старичокъ, не поднимаясь съ кресла и не подавая мнѣ руки, величественно, хотя и немножко нервно, пригласилъ меня сѣсть на стулъ, стоявшій сбоку у другого конца стола, и началъ прямо съ плеча.

— Не могу, положительно не могу... Почему вы не снимали, пока хоругви были въ посольствѣ, а не у насъ? Тогда посольство въ случаѣ чего и отвѣчало бы... У нихъ—экстерриториальность...

— Странно,—подумалъ я:—его превосходительство говоритъ точно подъ диктовку дежурнаго чиновника.

— Хоругви присланы президентомъ Франціи государынѣ императрицѣ,—продолжалъ его превосходительство:—Богъ ее вѣдаетъ, куда ей угодно будетъ опредѣлить ихъ... Можетъ быть, она отошлетъ ихъ обратно въ Евпаторію... А можетъ быть, она вовсе не

пожелаетъ, чтобы ихъ снимали для газетъ... Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не могу позволить снимать ихъ... Теперь на это нужно просить высочайшаго соизволенія, а я испрашивать не берусь и не желаю... Отчего не снимали въ посольствѣ? Такъ и скажите въ своей редакціи. Не могу, не могу... Да-съ.

Старичокъ произнесъ послѣднія слова такъ рѣшительно и твердо, что я понялъ, что аудіенція кончена, и откланялся, не возражая ни слова. Говорить что-либо было бы бесполезно. Что напѣлъ дежурный чиновникъ, то пропѣло и начальство слово въ слово, какъ по нотамъ...

Его превосходительство величественно кивнулъ мнѣ головою и предупредительно посмотрѣлъ на выходную дверь. И этотъ знакъ былъ понятенъ: уходи, молъ, поскорѣе и не отнимай дорогого времени—оно нужно для государства...

Въ передней швейцаръ, подавая мнѣ пальто, полюбопытствовалъ:

— Что это у васъ за ящичекъ?

— Фотографическая камера.

— Снимаете, значитъ? У меня зять тоже фотографіей балуется... Самое пустое занятіе. Одна пачкотня.

Вернувшись въ редакцію, я рассказалъ о своихъ похожденіяхъ.

— Чинодралы! — проговорилъ съ досадою редакторъ, махнулъ рукою, сплюнулъ и пошелъ сообщать объ этой исторіи издателю.

LV.

Одинъ изъ довольно высокопоставленныхъ знакомыхъ издателя, отчасти даже и сотрудникъ нашей газеты, толкуя въ редакціи о внутреннихъ дѣлахъ Сербіи, сообщилъ между прочимъ, что недавно привезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ сынъ кандидата на сербскій престолъ—князя Карагеоргіевича. Разсказчикъ прибавилъ при этомъ, что молодой княжичъ отвезенъ учиться не въ Парижъ и не въ Берлинъ потому, что его папенька тяготеетъ къ Россіи и дорожитъ расположеніемъ русскаго двора. Этого сообщенія было вполне достаточно для того, чтобы я получилъ фотографическую командировку.

-- Будьте добры, возьмите вашу камеру, поѣзжайте въ такой-то кадетскій корпусъ, представьтесь директору и снимите фотографію съ молодого князька. Мы помѣстимъ его портретъ.

Порученіе это было мнѣ не особенно по нутру и вотъ почему. Военныя учебныя заведенія—учрежденія закрытыя, и доступъ въ нихъ для обыкновеннаго смертнаго, приходящаго съ улицы, не особенно легокъ. Пока доберешься до кого слѣдуетъ—приходится выдержать цѣлый рядъ допросовъ и передопросовъ. Я уже испыталъ это однажды на себѣ лѣтъ пять тому назадъ. Понадобилось

редакціи узнать—не помню, по какому случаю,—начались ли въ такомъ-то кадетскомъ корпусѣ занятія послѣ рождественскихъ каникулъ. Поручили это мнѣ. Приѣхавъ въ корпусъ, я засталъ группу воспитанниковъ на прогулкѣ, на дворѣ. Во главѣ ихъ былъ воспитатель. Я обратился къ нему, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что безъ разрѣшенія начальства не можетъ сообщить мнѣ, начались ли занятія. При этомъ онъ допросилъ, кто я таковъ и отъ какой газеты, и затѣмъ направилъ меня въ канцелярію. Въ канцеляріи мнѣ сдѣлали новый подробный допросъ и отвѣтили, что хотя занятія и начались именно сегодня, послѣ молебна, но официально, безъ разрѣшенія директора, мнѣ этого сказать не могутъ.

Я поблагодарилъ и собрался уходить. Но тутъ нелегкая дернула меня сказать, что официальнаго отвѣта мнѣ ни на что не нужно и что я вполне удовлетворенъ тѣмъ неофициальнымъ, который мнѣ дали. Съ меня совершенно достаточно знать, что занятія начались сегодня, послѣ молебна. Больше мнѣ ничего не требуется.

Проговоривъ это, я раскланялся; но меня не отпустили. Оказалось, что о моемъ посѣщеніи необходимо доложить директору, такъ какъ, по закону, безъ его разрѣшенія печатать въ газетахъ о началѣ занятій и о томъ, что происходитъ въ кадетскомъ корпусѣ вообще—нельзя. Я пристально посмотрѣлъ въ лицо господина, ставшаго по поводу такого пустяка на «законную» почву, и старался разгадать, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ душевно-больнымъ, съ маніакомъ-формалистомъ, или же съ человѣкомъ, у котораго въ головѣ не хватаетъ винтика?

— Послушайте,—сказалъ я:—безпокойте директора докладомъ о моемъ посѣщеніи надобности нѣтъ никакой, потому что газета можетъ напечатать требуемыя свѣдѣнія о корпусѣ и безъ вашихъ официальныхъ разрѣшеній. Редакція о началѣ занятій у васъ уже знаетъ отъ отца одного изъ вашихъ воспитанниковъ.

Лицо, говорившее со мною, задумалось. Оно, повидимому, никакъ не ожидало такого оборота.

— А какъ фамилія этого отца?

— На что вамъ? Впрочемъ, я вамъ скажу правду: не знаю. Разговоръ отца съ редакторомъ былъ не при мнѣ. Я же приѣхалъ къ вамъ для того, чтобы провѣрить полученное извѣстіе и очень удивленъ тѣмъ, что вы дѣлаете секретъ изъ того, что знаетъ весь Петербургъ. Теперь вы мнѣ позволите откланяться и уйти?

— Нѣтъ, ужъ лучше, будьте добры, подождите одну минутку: я все-таки доложу его превосходительству. А то боюсь, какъ бы чего не вышло...

Изъ любопытства я остался. Меня занимало, чѣмъ этотъ курьезъ кончится. Мнѣ было и досадно и смѣшно. Дѣло не стоитъ выѣденнаго яйца, а изъ него дѣлаютъ цѣлаго слона. Неужели пмѣ

больше заниматься нечѣмъ? Или же у нихъ дисциплина такъ строга, что безъ вѣдома директора корпуса даже и муха пролетѣть не смѣетъ?..

Ждать мнѣ однакоже пришлось не долго. Минуть черезъ пять представитель канцеляріи корпуса, ходившій съ докладомъ, вернулся съ довольнымъ лицомъ и сообщилъ:

— Его превосходительство директоръ корпуса приказалъ сказать, что объ открытіи занятій въ корпусѣ въ газетахъ печатать можно безъ испрошенія особаго разрѣшенія.

— Скажите пожалуйста,—не утерпѣлъ я:—у васъ изъ-за всякаго пустяка беспокоятъ начальство?

— Ничего не подѣлаешь, служба,—получилъ я въ отвѣтъ.— Намъ, видите ли, строго запрещено сообщать что-либо въ газеты.

Послѣ этого откровеннаго объясненія я понялъ, почему меня такъ строго допрашивали и почему воспитатель на дворѣ не отвѣтилъ мнѣ прямо на мой вопросъ, а послалъ въ канцелярію.

Памятуя этотъ случай, я принялъ предложеніе съѣздить съ камерою въ корпусъ не особенно охотно. Я предвидѣлъ цѣлый рядъ допросовъ, выпытываній и проволочекъ. Но на этотъ разъ, къ величайшему своему удовольствію, я жестоко ошибся. Я позвонился прямо къ генералу на квартиру, передалъ его слугѣ свою карточку и былъ принятъ тотчасъ же, безъ замедленія. Директоръ корпуса оказался милѣйшимъ, образованнымъ и очень доступнымъ генераломъ. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ пригласилъ меня сѣсть на диванъ, самъ сѣлъ на другомъ его концѣ и отвѣтилъ мнѣ:

— Что у насъ въ корпусѣ воспитывается молодой Карагеоргіевичъ — это правда, но въ то же время и секретъ. И я прошу васъ передать редакціи, чтобы объ этомъ, пожалуйста, не печатали по возможности ни одной строчки. Дѣло, видите ли въ томъ что родные мальчика не просто привезли его въ Петербургъ, а для того, чтобы спрятать его. Его здѣсь скрываютъ и оберегаютъ отъ происковъ короля Милана. Мальчугана легче и удобнѣе было бы отдать учиться въ какой-нибудь крупный европейскій центръ. Но это оказалось невозможнымъ. Миланъ уже отравилъ его старшаго брата и теперь добирается и до него. Въ Петербургѣ же, и тѣмъ болѣе въ кадетскомъ корпусѣ, молодой Карагеоргіевичъ находится въ большей безопасности, чѣмъ былъ бы въ Парижѣ, въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ. Эти подробности я сообщаю вамъ въ полной увѣренности, что вы и ваша редакція поймете, до какой степени это—большой секретъ и не обмолвитесь ни однимъ словомъ. При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы снимать съ мальчика портретъ... Для линіи Карагеоргіевичей Миланъ съ его покладистой совѣстью—человѣкъ очень опасный...

Проводилъ меня генералъ такъ же любезно, какъ и встрѣтилъ, и при прощаньи просилъ передать поклонъ издателю, съ которымъ былъ знакомъ. Желаніе редакціи выступить передъ читателями съ портретомъ сербскаго князька такимъ образомъ не осуществилось и о князькѣ въ газетѣ промолчали совѣмъ. Я же лично слегка призадумался. Изъ рассказовъ и изъ иностранныхъ газетъ я зналъ, что Миланъ—кутила, мотъ, игрокъ, пьяница и развратникъ; но что онъ въ то же время и отравитель, я узналъ только теперь.

LVI.

Сегодня, придя въ редакцію, по обыкновенію около двухъ часовъ дня, я попалъ на довольно интересный разговоръ. Рѣчь шла о митрополитѣ Палладіи, и одинъ изъ весьма почтенныхъ и пожилыхъ сотрудниковъ дѣлалъ его характеристику. Сравнивая его съ предшествовавшими и нынѣ здравствующими въ своихъ епархіяхъ митрополитами, сотрудникъ между прочимъ сказалъ такую фразу:

— Съ Палладіемъ ладить можно. Онъ не то, что покойный Исидоръ. Тотъ иногда упорствовалъ и вступалъ нерѣдко въ распри съ сильными міра сего. А этотъ—царедворецъ...

Вѣрно или не вѣрно только что высказанное мнѣніе—я судить не берусь и на чемъ оно основано — не знаю. Ни съ личностью Палладія, ни съ его дѣятельностью я близко знакомъ не былъ. Не вѣдаю также, чѣмъ кончился разговоръ, потому что меня вызвали въ другую комнату. Но этотъ разговоръ живо напомнилъ мнѣ бесѣду съ однимъ, нынѣ уже покойнымъ, дьякономъ. Этотъ честной отецъ былъ очень высокаго мнѣнія о покойномъ митрополитѣ Исидорѣ и страшно благоговѣлъ передъ его стойкостью.

Возвращался я изъ Александро-Невской лавры съ чьихъ-то важныхъ похоронъ и шелъ себѣ по Невскому, не спѣша, какъ говорится, нога за ногу. Слышу, сзади окликнули меня. Оглянулся—знакомый дьяконъ.

— Погоди чуточку; дѣло есть!..

— Здравствуйте, отче. Радъ васъ видѣть.

— Мое почтеніе. Эка вы какъ шагаете; точно версты отсчитываете... Слышали новость? Теперешній викарій переводится въ другую епархію на самостоятельную кафедру, а на его мѣсто назначенъ —скій преосвященный. Говорю вамъ истинную правду. Можете смѣло печатать въ газетѣ.

— Спасибо, отче, за извѣстіе. Воспользуюсь. По какой же причинѣ теперешній викарій уходитъ?

— Съ владыкою митрополитомъ въ чемъ-то не ладили, а въ чемъ именно — доподлинно не знаю. Владыка у насъ — сами знаете — кремень. Что разъ сказалъ,—отъ того ужъ не отступится,

хоть весь свѣтъ кверху ногами перевернись. Хоть ты тутъ тресни, а онъ поставитъ все-таки на своемъ. И никого онъ не боится. Страхъ не имѣетъ ни передъ кѣмъ. Да что и слова тратить попустому?! Самый лучший примѣръ—это 17-е октября.

— Какое 17-е октября?

— Ну, чудесное спасеніе въ Боркахъ... Крушеніе-то знаменитое...

— А-а, это знаю. Такъ въ чемъ же дѣло?

Дьяконъ остановился на панели, остановилъ меня и съ особенной важностью на лицѣ произнесъ:

— Вѣдь «чудесное» спасеніе?

— Считается чудеснымъ.

— Ну, а владыка Исидоръ ни за что не хотѣлъ признать его чудомъ. Это, говоритъ, счастливая случайность и можетъ произойти одинаково и со мною, и съ простымъ солдатомъ, и съ статскимъ совѣтникомъ. Ни за что, говоритъ, по совѣсти признать этого чудомъ не могу и не желаю. Долгое время упорствовалъ. Синодъ съ Константиномъ Петровичемъ прямо въ ужасъ пришелъ и всячески его уламывали...

— Все-таки уломали же...

У дьякона по лицу пробѣжало скорбное и досадливое выраженіе.

— Сила солому ломить, и одинъ въ полѣ не воинъ... Съ Константиномъ Петровичемъ трудно дѣло вести, особенно если противъ рожна прати... Махнулъ рукой владыка, вздохнулъ и отвѣтилъ:—«Ну васъ! Дѣлайте, что хотите!..» А насчетъ перемѣщенія викарія все-таки тисните въ газетѣ. Духовенству интересно будетъ прочесть... Мое почтеніе, будьте здоровы. Миѣ надо налѣво...

LVII.

По городу распространился слухъ о томъ, что петербургскій градоначальникъ П. А. Грессеръ умираетъ и умираетъ отъ нечаяннаго самоотравленія. Къ великому моему удивленію, печальная вѣсть эта вызвала не сожалѣніе, а, наоборотъ, радость. Первые обрадовались дворники и извозчики, для которыхъ онъ былъ грозою.

— Богъ дастъ, помретъ... безъ него при другомъ, можетъ быть, легче станетъ, — говорили дворники въ интимной бесѣдѣ, но все-таки съ оглядкою.

Извѣстіе это сообщилъ мнѣ утрѣмъ дворникъ, принесшій обычную вязанку дровъ. Старшій дворникъ, котораго я встрѣтилъ на дворѣ нѣсколько времени спустя, подтвердилъ этотъ слухъ и тоже отъ всей души и съ великою надеждою на лучшее будущее пожелалъ заболѣвшему скорѣйшаго и удобнѣйшаго переселенія въ лучшій міръ.

— Замучилъ службою,—прибавилъ онъ:—ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. И штрафами доѣхалъ совсѣмъ.

Ближайшій городской, къ которому я обратился съ вопросомъ, аппетитно зѣвая и крестя ротъ, отвѣтилъ самымъ равнодушнымъ и безучастнымъ тономъ:

— Говорятъ, что боленъ, а только не знаю. Я только сейчасъ сталъ на часы...

— Слухъ идетъ, будто бы такъ боленъ, что и не встанетъ...

— Не могу знать...

Въ редакціи у насъ знали гораздо больше. Одинъ за другимъ являлись репортеры и приносили вѣсти о томъ, что состояніе здоровья градоначальника съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже. Наконецъ, принесено было сообщеніе, что дѣло почти безнадежно. Докторъ, или, по другой версіи, цѣлый консилиумъ докторовъ, вынесъ будто бы весьма неутѣшительный выводъ: если-де сама натура возьметъ верхъ надъ ядомъ, то больной, пожалуй, выздоровѣетъ. Но этого ждать трудно и даже невозможно, потому что началось уже разложеніе зараженной крови.

Отравился Грессеръ нечаянно, впрыскивая себѣ въ ногу буро-глицеринъ, изобрѣтенный Гачковскимъ. Но въ отравленіи виноватъ не буро-глицеринъ, а загрязненный шприцъ. По рассказамъ, которые я записываю подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, впрыскиванія подобнаго рода градоначальникъ производилъ себѣ не разъ. Онъ и до Гачковского употреблялъ всякія возбуждающія.

Само собою разумѣется, что болѣзнь градоначальника, да еще такая трагическая, стала сейчасъ же злобою дня. Большая часть вопросовъ и интересовъ отодвинулась на второй планъ, и всѣ заговорили только о Грессерѣ. Начались неизбежныя сужденія о его дѣятельности, какъ администратора, облеченнаго громадною властью. Одинъ изъ товарищей-сотрудниковъ рассказалъ при этомъ, какъ онъ чуть было не подвергся изгнанію изъ столицы въ двадцать четыре часа.

— Вызванъ я былъ,—началъ онъ,—повѣсткою, приглашавшею меня явиться къ градоначальнику въ извѣстный день, къ девяти часамъ утра. Въ чемъ дѣло и зачѣмъ меня вызываютъ—не знаю. Вины за собою не чувствую никакой, но все-таки ночь провелъ безпокойно. На утро къ назначенному часу являюсь въ градоначальство: Оказывается, что тамъ меня уже ждутъ. Дежурный полицейскій офицеръ немедленно провелъ меня въ кабинетъ къ генералу и при входѣ назвалъ мою фамилію, а самъ вышелъ. Грессеръ стоялъ у письменнаго стола и, не отвѣчая на мой поклонъ, какъ-то особенно, не то строго, не то по-звѣрски уставился на меня глазами, секундъ двадцать инквизиторски помолчалъ, должно быть, для эффекта, а затѣмъ рявкнулъ: «Потрудитесь укладывать вашъ чемоданъ! Сегодня же вечеромъ мои люди посадятъ васъ въ

поѣздъ—и можете ѣхать, куда вамъ будетъ угодно!.. У меня душа ушла въ пятки.

— За что, ваше п—во?

— Прошу не разсуждать. Укладывайте чемоданъ и будьте готовы къ вечернему поѣзду Николаевской дороги. Если добровольно не уѣдете изъ Петербурга, куда вамъ угодно, то я вышлю васъ туда, куда будетъ мнѣ угодно. Поняли?

— Ничего не понялъ, ваше п—во. Ничего я предосудительнаго не сдѣлалъ и ни въ чемъ не провинился. Если вы меня высылаете въ двадцать четыре часа, то хоть скажите пожалуйста, за что? Полагаю, что я имѣю право знать это...

— За что? Вы это лучше меня знаете. Увертки не помогутъ. Готовьтесь къ отъѣзду, и хорошо сдѣлаете, если не станете разсуждать...

Окончивъ этой грозной и безапелляціонной фразой, Грессеръ сталъ надавливать то одну, то другую кнопку электрическаго звонка. Вошелъ тотъ же дежурный офицеръ.

— Распорядитесь,—обратился къ нему начальнически Грессеръ,—изготовить необходимыя бумаги, касающіяся этого господина, и чтобы онъ былъ отправленъ сегодня же по Николаевской дорогѣ изъ столицы. О выѣздѣ донести мнѣ...

Дежурный поклонился, но вмѣсто того, чтобы уйти или выпроводить меня, не безъ нѣкотораго смущенія подошелъ къ градоначальнику и что-то почтительно доложилъ ему шопотомъ. По лицу Грессера пробѣжало что-то похожее на досаду и на удивленіе. Онъ опять строго и пытливо посмотрѣлъ на меня.

— Ваша фамилія?—спросилъ онъ.

Я назвалъ.

— —скій мѣщанинъ?

— Нѣтъ, дворянинъ.

— Гдѣ вы пишете?

— Въ такой-то газетѣ.

— И больше нигдѣ?

— Работаю въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданіяхъ и корреспондирую за границу.

— Есть у васъ однофамильцы?

— Не знаю навѣрное. Должно быть, есть. Моя фамилія—самая обыкновенная.

— Гм. Въ такомъ случаѣ все, что вы здѣсь слышали, къ вамъ не относится. Можете идти. Произошла ошибка. Васъ нечаянно смѣшали съ другимъ...

Разсказчикъ закончилъ свое повѣствованіе досадливыми словами:

— Отпустилъ и даже не извинился. А что я пережилъ за это время—можете судить сами. Обошелся онъ со мною, какъ самый грубый и неотесанный бурбонъ...

Всѣ согласились, что бурбонства у Грессера хоть отбавляй. Прибавлено было нѣсколько энергичныхъ выраженій и вѣскихъ словъ.

— И я чуть было не вылетѣлъ ни за что, ни про что изъ Петербурга,—отозвался второй товарищъ.

— А вы за что?

— Чортъ его знаетъ. Ужиналъ въ Зоологіи съ репортеромъ одного изъ мелкихъ листковъ К—мъ, съ тѣмъ самымъ, на котораго содержатель сада пожаловался за вымогательство... Вамъ всѣмъ извѣстно это дѣло... Вытребовали на другой день К—го и меня. К—му досталось на орѣхи по заслугамъ, а мнѣ, за компанію, приказано было укладывать чемоданъ. Но у меня дѣло кончилось комичнѣе, чѣмъ у васъ. Васъ просто отпустили и не извинились за беспокойство, а меня такъ простили, какъ школьника. Когда выяснилось, что я ни въ чемъ не замѣшанъ и никакихъ взятокъ не бралъ, то Грессеръ, отпуская меня, милостиво прибавилъ:

— На этотъ разъ я васъ прощаю...

— Оказывается, что онъ облеченъ властью не только высылать изъ столицы безъ объясненія причинъ, но даже и прощать людей, ни въ чемъ не повинныхъ. Я съ улыбкою замѣтилъ ему это. Онъ тоже улыбнулся, сознавая, что сказалъ бурбонскую глупость, и уже гораздо мягче прибавилъ:

— Для ужиновъ въ садахъ выбирайте компанію почище и почистоплотнѣе. Можете итти.

— III—на изъ «Газеты» знаете?—заговорилъ третій сотрудникъ.—Онъ, несчастный, тоже побывалъ на строгомъ допросѣ, но во время допроса претерпѣлъ настоящее издѣвательство надъ собою. Описалъ III—нъ въ своей газетѣ случай жестокаго обращенія съ лошадыю. Жестокосердствовалъ ломовикъ. III—нъ въ своемъ описаніи прибавилъ, что стоявшій на посту городской № 000 не обратилъ на это происшествіе никакого вниманія. За это его, раба Божія, т. е. не городского, а репортера, вызвали. Градоначальникъ началъ съ нимъ разговоръ безъ обиняковъ:

— Это вы писали?

— Я.

— Вы откуда родомъ?

— Изъ такого-то уѣзднаго города.

— А газеты тамъ выходятъ?

— Не знаю. Кажется, нѣтъ. Не для кого издавать. Читателей нѣтъ.

— Ну, такъ поѣзжайте туда и пишите въ тамошнихъ газетахъ для мѣстныхъ читателей. Укладывайте чемоданъ.

III—нъ струсилъ не на шутку, но въ концѣ концовъ былъ помилованъ и ушелъ, вытерпѣвъ порядочную головомойку. Впро-

чемъ, онъ скоро утѣшился, потому что, по привычкѣ, пошелъ прямо въ портерную, гдѣ и разсказалъ не безъ нѣкоторой гордости первому попавшемуся собутыльнику о только что пережитомъ событіи...

Бесѣда въ этомъ духѣ тянулась у насъ въ редакціи довольно долго. Упомянуто было и о связи Грессера съ небезызвѣстною по своей антрепренерской дѣятельности актрисою. При этомъ былъ разсказанъ анекдотъ о томъ, какъ дама эта, афишировавшая свою связь съ такимъ важнымъ въ городѣ лицомъ, послала однажды одному изъ полицейскихъ чиновъ свою визитную карточку съ собственноручной надписью: «Прошу арестовать такого-то господина». Карточка, какъ говорятъ, надѣлала не мало шума, но вызвала не арестъ неугоднаго дамѣ лица, а смущеніе полицейскаго чина, недоумѣніе и общій смѣхъ...

— Вообразила себя градоначальницей,—смѣялись тогда въ Петербургѣ и довольно долгое время на вопросъ: въ какомъ театрѣ вы будете сегодня?—получался отвѣтъ: думаю побывать у градоначальницы...

Со мною лично Грессеръ тоже обошелся однажды, какъ бурбонъ, безъ всякаго съ моей стороны вызова и повода. Я, какъ репортеръ, выѣзжаю на большинство значительныхъ пожаровъ и на пожарахъ держусь всегда около брандмайора А. П. Паскина, отношенія съ которымъ у меня самыя прекрасныя. Случился однажды ночью въ отдаленной части города пожаръ, принявшій довольно серьезные размѣры. Приѣхалъ на пожаръ и Грессеръ. Паскинъ при его появленіи поднесъ руку къ каскѣ, а я приподнял шляпу и поклонился. Грессеръ при красномъ свѣтѣ пожара строго посмотрѣлъ на меня—видно было по глазамъ, что его подняли прямо съ постели,—и почти крикнулъ:

— Что?

— Я сказалъ: здравствуйте, ваше п—во,—отвѣтилъ я.

— А?—уже люто проревѣлъ Грессеръ.

— Я поздоровался съ вами, ваше п—во,—повторилъ я.

— Какъ?—совсѣмъ свирѣпо накинулся онъ на меня.

Но тутъ вмѣшался А. П. Паскинъ.

— Это сотрудникъ такой-то газеты,—шепнулъ онъ Грессеру.— Онъ всегда хорошо...

Что именно я «хорошо» дѣлаю, разслышать мнѣ не удалось, но слова брандмайора, очевидно, успокоили расходившееся начальство, потому что Грессеръ еще разъ повернулся ко мнѣ и крикнулъ:

— Чтobъ не было!..

Вслѣдъ за этимъ онъ пошелъ за брандмайоромъ обозрѣвать пожаръ, а я остался на мѣстѣ, стараясь разгадать, что обозначала послѣдняя ничего не выражающая фраза. Когда онъ уѣхалъ съ пожара, я спросилъ Паскина:

— Что это сегодня съ градоначальникомъ, какая муха его укусила?

— Не выспался... Со сна подняли... Онъ и брандмейстера сейчасъ ни за что распекъ, — отвѣтилъ брандмайоръ. — Не обращайтесь вниманія...

Вниманія особеннаго на этотъ случай я не обратилъ, но, по совѣсти сказать, озлобился за то, что онъ въ отвѣтъ на мой вѣжливый поклонъ набросился на меня, какъ бѣшеная собака. А что значитъ это: «Чтобъ не было!»—я и до сихъ поръ понять не могу. Просто бурбону нечего было больше сказать, а сознать свою ошибку и выйти съ достоинствомъ изъ глупаго положенія онъ не сумѣлъ.

Подошли еще товарищи-сотрудники, и рамки разговора и воспоминаній расширились. Заговорили между прочимъ и о необычайно обширной власти, которою былъ облеченъ Грессеръ. Его административныя взысканія не разъ граничили съ самодурствомъ. Обиженныхъ имъ было много, а суда искать на него было негдѣ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Случился однажды вечеромъ большой пожаръ за Невскою заставой, въ Шлиссельбургскомъ участкѣ. Грессеръ выѣхалъ на него на собственныхъ лошадахъ, но, доѣхавъ до Знаменской площади и вспомнивъ, что за лаврой дорога плоха, пожалѣлъ лошадей и экипажъ, приказалъ отцѣпить отъ поѣзда паровой шлиссельбургской конки паровозъ и укатилъ на немъ на пожаръ, нисколько не заботясь о томъ, что вагоны, отъ которыхъ онъ отнялъ двигатель, были переполнены и что пассажиры остались, какъ раки на мели. Интереснѣе всего при этомъ было то, что одураченная публика не только не дерзнула протестовать, но даже не осмѣлилась и роптать громко.

— А все-таки, господа,—вмѣшался редакторъ,—Грессеръ, несмотря на свое бурбонство и крупные недостатки, сдѣлалъ и доброе дѣло: подтянулъ полицію и далъ Петербургу армію дисциплинированныхъ дворниковъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ кто-то съ сарказмомъ:—квартильный можетъ продержатъ васъ день въ клоповникѣ и потомъ извиниться, сказавъ, что онъ ошибся; а дворникъ можетъ смѣло схватить васъ за шиворотъ и оскорбить, какъ ему будетъ угодно. И оба останутся безнаказанными. Нынче полиція и дворники обывателя въ бараній рогъ согнули. Подтянулъ и дисциплинировалъ Грессеръ не своихъ подчиненныхъ, а ни въ чемъ не повиннаго обывателя...

Скоро одинъ изъ репортеровъ переступилъ черезъ порогъ комнаты съ лицомъ челоуѣка, принесшаго важную и неопровержимую вѣсть, и коротко произнесъ:

— Умеръ... *Finita la comedia*... Пишите некрологъ...

— Уже написанъ и отправленъ въ типографію,—отвѣтилъ секретарь редакціи.

— Предусмотрительно...

На одной изъ панихидъ у гроба пришлось побывать мнѣ. Картина—обычная погребальная и сотни разъ описанная. Молящихся много, но ни одного искренно озабоченнаго утратой или печальнаго лица. Полицейскіе чины въ формѣ и присутствуютъ и молятся по обязанности и тоже по формѣ. Всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ каждый изъ этихъ чиновъ трепеталъ передъ Грессеромъ, теперь же всѣ учтиво-равнодушно держатъ въ рукахъ восковыя свѣчи и смотрятъ на заgrimированное лицо покойнаго. Теперь ужъ онъ не страшенъ. Можно даже пари держать, что въ числѣ стоящихъ у гроба есть такіе бывшіе подчиненные, которые въ глубинѣ души даже благословляютъ эту смерть и думаютъ:

— Авось, Богъ дастъ, при новомъ служить будетъ легче...

Въ слѣдующіе дни у гроба служились, по обычаю, панихиды отъ разныхъ учреждений, обществъ и сословій, съ которыми покойный имѣлъ, при жизни, какъ администраторъ, какое-либо соприкосновеніе—и обо всѣхъ этихъ панихидахъ докладывалось репортерами въ газеты. Отслужили одну такую панихиду даже обитатели ночлежныхъ домовъ—люди, которыхъ почившій градоначальникъ высылалъ изъ столицы сотнями и преслѣдовалъ безъ устали за попрошайничество. Но о ночлежникахъ рѣчь впереди.

Похороны лежали не на мнѣ, и потому я ихъ описываю кратко, со словъ товарища, на котораго была возложена редакціей эта повинность.

Невскій проспектъ до самой лавры былъ очищенъ отъ экипажей и отъ публики, и хозяева и квартиранты домовъ, расположенныхъ по пути процессіи, были заранѣе предупреждены полиціей, что изъ оконъ смотрѣть на улицу можно, но открывать окна—Боже сохрани нельзя, потому что за гробомъ пойдутъ высочайшія особы. По этой же причинѣ и фотографировать процессію безъ особаго разрѣшенія, къ великому огорченію многихъ любителей, было запрещено. Процессія вышла торжественной и длинной. Внушительный и очень протяженный хвостъ составляли семьсотъ человѣкъ ночлежниковъ, важно шествовавшихъ во всякихъ рубищахъ...

О послѣднихъ часахъ покойнаго градоначальника извѣстно не много. Дня черезъ два послѣ похоронъ я разговорился съ начальникомъ «стола приключеній» изъ канцеляріи градоначальника—Офтрахтомъ. Столомъ приключеній называется то отдѣленіе, куда ежедневно и ежечасно стекаются со всего города полицейскія свѣдѣнія объ утонувшихъ, искалѣченныхъ и раздавленныхъ разными способами людяхъ, о дракахъ, пожарахъ, паденіяхъ изъ оконъ, убійствахъ, кражахъ, самоубійствахъ и т. д. Офтрахтъ состоялъ у редакцій на жалованьи и каждый вечеръ присылалъ въ

газеты гектографированные листки съ описаніемъ происшествій, случившихся за день. Описанія эти по стилю весьма курьезны и пестрятъ такими фразами: «крестьянка Иванова съ цѣлю отравленія выпила нашатырнаго спирта», «купеческій племянникъ Синебрюховъ съ цѣлю самоубійства усмотрѣнъ повѣсившимся», «крестьянинъ Ефимовъ по собственной неосторожности утонулъ въ Невѣ» и т. под. Причина, вызвавшая печальное происшествіе, всегда обозначалась точно, хотя и безъ того понятно, что если человѣкъ вѣшается, то ужъ, конечно, съ цѣлю самоубійства и если тонетъ, то по неосторожности... Для печати эти гектограммы приходится всегда передѣлывать и сглаживать, потому что нерѣдко расходившаяся рука утомленнаго полицейскаго писца катала по шаблону что-нибудь въ родѣ того, что пожаръ возникъ отъ опрокинувшейся лампы и тутъ же прибавляла по привычкѣ: «причина пожара не выяснена, производится слѣдствіе».

Нечаянно уклонился въ сторону. Разговорился я съ Офтрахтомъ и между прочимъ спросилъ его, сильно ли страдалъ покойный Грессеръ, умирая. Офтрахтъ сердито отмахнулся.

— До самой смерти не терялъ сознанія и все злился. За два часа до кончины я явился къ нему съ ежедневнымъ рапортомъ государю — для подписи. Онъ лежалъ въ постели и съ трудомъ держалъ перо въ рукахъ. Долго не въ силахъ былъ подписать бумагу: рука не повиновалась... И ужъ онъ меня мылилъ, мылилъ... Тошно даже вспомнить...

Еще черезъ день посчастливилось мнѣ узнать, почему ночлежники проявили столько теплаго чувства къ своему гонителю. Существуетъ въ Петербургѣ Общество ночлежныхъ домовъ — учрежденіе благотворительное, въ извѣстной степени пекущееся о ночлежникахъ. Покойный Грессеръ состоялъ, кажется, почетнымъ членомъ въ этомъ обществѣ. Встрѣчаю я на Невскомъ одного изъ главныхъ заправилъ этого учрежденія (онъ же и секретарь Славянскаго общества), Василя Ивановича Аристовъ.

— Какимъ это манеромъ, — спрашиваю, — ночлежники расчувствовались до того, что панихиду у гроба отслужили и даже за гробомъ шли?

— Очень просто, — отвѣтилъ В. И. Аристовъ, улыбаясь со свойственнымъ ему юморомъ. — По доброй волѣ никто изъ нихъ не пошелъ бы молиться и хоронить. Многіе прямо даже ругались. Ночлежники съ Грессеромъ жили, какъ вы сами знаете, далеко не въ дружбѣ. Но я употребилъ маленькую хитрость и еще наканунѣ приказалъ объявить по ночлежнымъ домамъ: — «Ребята, кто пойдетъ на панихиду и кто захочетъ участвовать въ похоронной процессіи, тѣ получаютъ даромъ миску щей и безплатный ночлегъ». — Какъ видите, набралось семьсотъ человѣкъ... Вотъ какъ устраиваются трогательныя для потомства событія. Надо умѣть задѣть человѣка за живое...

Я вовсе не сентименталенъ, но мнѣ до нѣкоторой степени жаль Грессера: при жизни его всѣ за глаза бранили, и послѣ смерти никто не сказалъ о немъ искренняго добраго слова...

LVIII.

При обществѣ охраненія народнаго здравія открыла свои дѣйствія «алкогольная» комиссія. Это—ея уличная, вульгарная кличка, настоящее же названіе ея — «комиссія по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ». Цѣль ея—изыскивать научнымъ и практическимъ путемъ всякія средства и всевозможные способы для противодѣйствія пьянству. Само собою разумѣется, что въ число членовъ этого новаго отдѣленія общества вошли такія лица, которыя глубоко убѣждены въ томъ, что спиртъ вреденъ, и которыя сами его не употребляютъ. Попалъ дѣйствительнымъ членомъ и я, грѣшный, за которымъ давно уже утвердилась стойко репутація человѣка, запойнаго по части пива. Пригласили меня, при такой моей репутаціи въ комиссію потому, что я написалъ и напечаталъ въ нашей газетѣ нѣсколько фельетоновъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ и вмѣстѣ съ докторомъ Викторомъ Васильевичемъ фонъ-Ольдерогге пропагандировалъ устройство лечебницы для алкоголиковъ въ финляндскихъ шхерахъ, на островѣ Куусаари. Основной контингентъ комиссіи составляютъ врачи — психіатры, просто врачи, юристы и затѣмъ свѣдущіе люди, т. е. знатоки дѣла.

Учрежденіемъ этой комиссіи общество охраненія народнаго здравія откликнулось на злобу дня, т. е. на введеніе въ Россіи казенной винной монополіи, которая народилась будто бы для того, чтобы развить въ народѣ правильное и умѣренное потребленіе водки и вытѣснить пьянство. Эта идея легла въ основу «манифеста», опубликованнаго министерствомъ финансовъ, или, вѣрнѣе,—самимъ С. Ю. Витте. Но фальшь этой идеи была ясна для всѣхъ, алкоголиковъ и не алкоголиковъ. Всѣмъ было ясно, что государству нужны деньги, что министръ финансовъ намѣренъ извлекать ихъ изъ водки и что, слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ продано зелена вина, тѣмъ казнѣ будетъ выгоднѣе. Сладкая же пѣсенка насчетъ правильнаго и умѣреннаго потребленія — одинъ только звукъ пустой и маска, къ слову сказать, весьма прозрачная. Въ благія цѣли и намѣренія монополіи не вѣрилъ никто и члены новой комиссіи, подобно древнимъ римскимъ авгурамъ, только дѣлали видъ, будто бы вѣрятъ въ благія идеи С. Ю. Витте, а на дѣлѣ не вѣрили, а потому и рѣшили въ первомъ же засѣданіи смотрѣть на алкоголь какъ на страшное зло и, по мѣрѣ силъ и возможности, разработавъ вопросъ всесторонне, вступить съ алкоголемъ въ борьбу. Это было и прямо, и честно

Въ первомъ засѣданіи преобладали врачи-психіатры, и потому, естественно, все засѣданіе было посвящено научно-медицинскому опредѣленію: что такое пьянство и кого собственно слѣдуетъ считать пьяницей; кого изъ пьющихъ считать субъектомъ больнымъ, и кого—злостнымъ. Предлагались всевозможныя опредѣленія и редакціи, и разговоръ принялъ часа на два интересный, но довольно скучноватый для людей непосвященныхъ академическій характеръ.

Присутствовалъ въ этомъ засѣданіи и извѣстный юристъ и ораторъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони. Сидѣлъ онъ на концѣ стола, въ уголку, терпѣливо слушалъ, какъ ломали копья врачи-специалисты, и все молчалъ. Отверзалъ онъ уста свои лишь въ томъ случаѣ, когда приходилось научно-медицинскія воззрѣнія переводить на житейскій и юридическій языкъ. Пока представители медицины въ потѣ лица своего трудились надъ опредѣленіемъ понятія «пьяница», онъ сидѣлъ, какъ человекъ, набравшій въ ротъ воды. Но зато впослѣдствіи, когда врачи уже устали, онъ въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ то, надъ чѣмъ ученые мужи работали цѣлый вечеръ. Сдѣлалъ онъ это просто, но такъ удачно, что всѣ ему зааплодировали. Когда засѣданіе было объявлено закрытымъ, онъ скромно и безъ всякихъ претензій на научность и серьезность привелъ коротенькую историческую справку изъ области законодательства.

Справка эта оказалась немудрой, но она сразу рѣшила трудный вопросъ: кто изъ пьющихъ есть истинный пьяница?

— Дополню наши нынѣшнія разсужденія маленькой справкой,—сказалъ А. Ѳ. Кони.—Въ нашемъ законодательствѣ всего только нѣсколько лѣтъ отмѣнена статьи, касающаяся пьянства. Статья эта гласитъ: «Кто злообыченъ въ пьянствѣ и болѣе дней въ году пьянъ, нежели трезвъ, бываетъ, того брать за крѣпкій караулъ»...

Все собраніе было поражено неожиданностью. Опредѣленіе пьяницы нашлось краткое и ясное и въ то же время точное. Раздались аплодисменты и самый веселый и искренній смѣхъ...

— Вѣдь вотъ поди же ты, какъ просто и хорошо,—сказалъ мнѣ психіатръ А. Е. Черемшанскій, когда мы одѣвались въ передней.—Предки-то наши, сочинявшіе законы, были не глупѣ насъ, потомковъ... Вы не помните буквально этой статьи? Нѣтъ? Надо будетъ въ слѣдующій разъ спросить Кони и записать... Интересная, очень интересная формулировка. Коротко и ясно... А мы-то бились...

LIX.

Въ Кіевѣ собрался водопроводный съѣздъ. Съѣзды эти — все-россійскіе и, по установившемуся обычаю, собираются послѣдовательно въ разныхъ городахъ. Съѣхались на этотъ разъ въ Кіевѣ

водопроводные инженеры, техники, строители и почетные гости со всѣхъ концовъ Россіи, но болѣе всего было представителей водопроводнаго дѣла изъ Петербурга и изъ Москвы. Во главѣ москвичей стоялъ инженеръ Н. П. Зиминъ—строитель тѣхъ самыхъ двухъ водонапорныхъ башенъ въ Москвѣ, за Крестовской заставой, которыя дали знаменитыя трещины, напумѣвшія на всю Россію и давшія обильную пищу газетамъ.

На этотъ сѣздъ поѣхалъ въ Кіевъ и я въ качествѣ корреспондента отъ нашей газеты. Кіевляне приняли насъ, членовъ сѣзда, очень радушно. Генераль-губернаторъ, онъ же и командующій войсками кіевского округа, М. И. Драгомировъ и городская дума сдѣлали все отъ нихъ зависящее для того, чтобы пріѣзжимъ гостямъ жилось въ Кіевѣ какъ можно лучше и веселѣе. Какъ водится, были организованы и экскурсіи, и одна изъ нихъ получила курьезное названіе «вонючей». Объ этомъ я скажу ниже. Городской голова Проценко—врачъ по профессіи и человѣкъ весьма образованный и интеллигентный—оказался ко времени сѣзда только что выбраннымъ въ головы и еще не привыкшимъ къ своей новой роли. Это однако не помѣшало ему употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы быть ласковымъ и предупредительнымъ хозяиномъ. Положеніе городского головы на сѣздахъ—не изъ легкихъ. Онъ прежде всего долженъ обладать тактомъ, выдержкой, терпѣніемъ, умѣніемъ распорядиться, поговорить почти съ каждымъ гостемъ, сказать каждому привѣтливое слово, соответствующее рангу, и т. д. Чуть что не такъ, чуть кому невзначай не угодили,—въ отвѣтъ прежде всего городской голова. Такъ ужъ у насъ на Руси водится. Докторъ Проценко, нужно отдать ему справедливость, держалъ себя съ достоинствомъ и съ тактомъ, хотя и не безъ нѣкоторой оглядки, какъ новичокъ на своемъ лордъ-мэрскомъ креслѣ. Видимо, онъ слѣдилъ за каждымъ своимъ шагомъ и за каждымъ своимъ словомъ.

О работахъ сѣзда распространяться я не стану. Онѣ не входятъ въ планъ моихъ записокъ. Меня гораздо болѣе интересовала такая крупная личность, какъ популярный въ военной и административной средѣ генералъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, о которомъ мнѣ приходилось не мало слышать и читать въ Петербургѣ. Его хлесткія статьи по военнымъ и нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ всегда производили впечатлѣніе и охотно перепечатывались столичными органами печати. Особенно хороши его приказы, всегда написанные простымъ, но сильнымъ языкомъ. Въ Питерѣ на него смотрѣли какъ на въ своемъ родѣ богатыря, мощнаго духомъ и сильнаго умомъ. Говорили о немъ, что онъ въ то же время и очень остроуменъ. Его-то именно мнѣ и хотѣлось повидать поближе. Быть въ Кіевѣ и невидѣть Драгомирова,—говорили мнѣ,—то же, что быть въ Римѣ и не видѣть папы.

При всякихъ сѣздахъ въ большихъ городахъ принято устраивать отъ имени города рауты, завтраки или ужины, съ оркестрами и безъ оркестровъ. Последнее обыкновенно зависитъ отъ личнаго взгляда городского головы на сѣздъ и отъ наличности городскихъ суммъ. Кіевъ на этотъ разъ тряхнулъ стариною и мощною и устроилъ завтракъ и раутъ. На мое счастье я узналъ, что на завтракъ, сервированный съ большою роскошью и торжественностью, приглашенъ, какъ хозяинъ города, и М. И. Драгомировъ, и такимъ образомъ для моихъ наблюденій открывалось обширное поле при самой удобной обстановкѣ.

Завтракъ дѣйствительно былъ роскошный. Сервированъ онъ былъ *à la fourchette*, съ множествомъ отдѣльныхъ столиковъ. Большой, длинный столъ былъ только одинъ и предназначался онъ — само собою разумѣется — для наиболѣе почетныхъ лицъ. За этотъ столъ и пригласили сѣсть М. И. Драгомирова, прибывшаго въ сопровожденіи своего лейбъ-медика. Страдалъ ли чѣмъ-нибудь генералъ-богатырь, или же появленіе профессора лейбъ-медика одновременно вмѣстѣ съ нимъ было простою случайностью — сказать не берусь. Но послѣ завтрака лейбъ-медикъ подошелъ къ генералу и весьма заботливо и почтительно заговорилъ съ нимъ, при чемъ М. И. Драгомировъ отвѣтилъ ему что-то слегка досадливымъ и успокоительнымъ жестомъ. Съ стороны казалось, будто бы представитель медицины почтительно спрашивалъ, не понадобятся ли его превосходительству врачебныя услуги, а генералъ отвѣтилъ, что все обстоитъ благополучно, что желудокъ работаетъ прекрасно и что пріѣзжать къ нему съ медицинскимъ визитомъ надобности нѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось это всѣмъ.

За столомъ М. И. Драгомировъ оказался умнѣе всѣхъ, дѣйствительно поддержалъ свою славу остроумнаго человѣка и кольнулъ членовъ сѣзда не въ бровь, а прямо въ глазъ. Кольнулъ больно и ядовито.

Дѣло было такъ. Къ завтраку собрались всѣ страшно голодными и первымъ дѣломъ набросились на выпивку и на ѣду съ тѣмъ эгоистическимъ чувствомъ, которое можетъ продиктовать только пустой желудокъ. Закуски и водки уничтожались съ лихорадочной поспѣшностью. Ни тостовъ, ни рѣчей не произносилъ никто до тѣхъ поръ, пока по организмамъ не разлилось чувство сытости и виннаго благодушія. Члены сѣзда сидѣли за тѣсно разбросанными отдѣльными столами, заполнявшими собою огромную залу. Драгомировъ, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ вмѣстѣ со сливками сѣзда и города за большимъ столомъ. Мало-по-малу языки развязались, то тамъ, то здѣсь стали подниматься ораторы и начались тосты и рѣчи. Благодарили Кіевъ за гостепріимство, пили за сѣздъ, за его предсѣдателей и членовъ, поднимали бокалы за городского голову, за мѣстнаго богача еврея Бродскаго

и за многихъ менѣе значительныхъ лицъ. Вино дѣлало свое дѣло, и тосты лились рѣкою. Сначала ораторы чуть не перебивали другъ друга, но затѣмъ, черезъ какой-нибудь часъ, выболтались— и наступила передышка; наступилъ моментъ, когда въ залѣ были слышны только говоръ и гулъ общей массы и стукъ и звонъ посуды.

Въ этотъ-то моментъ затишья и произошелъ казусъ, подавшій поводъ М. И. Драгомирову выказать свое остроуміе и пребольно колынуть съѣздъ.

За однимъ изъ столиковъ, стоявшихъ довольно далеко отъ главнаго стола, засѣдала компанія москвичей во главѣ съ московскимъ водопроводнымъ инженеромъ и воротилою Н. П. Зиминымъ. Слушалъ, слушалъ почтенный инженеръ тосты и словоизверженія— и стало ему досадно. Пьютъ за всѣхъ, чуть ли даже не за водопроводныхъ смазчиковъ и слесарей, а за хозяина губерніи Драгомирова никто не догадался выпить. Не выдержало сердце москвича и наполнилось негодованіемъ. Улучивъ удобную минуту, онъ постучалъ вилкою о свою тарелку, поднялся съ мѣста и съ бокаломъ въ рукѣ провозгласилъ тостъ за М. И. Драгомирова.

Тутъ только съѣздъ и его ораторы поняли, какой громадный и невѣжливый промахъ сдѣлали они, позабывши своевременно выпить за самое главное лицо въ ихъ обществѣ. Поняли и всполошились. Грянуло такое «ура», что задрожали стекла, но въ звукахъ этого «ура» чувствовалась и нѣкоторая виноватость передъ маститымъ генераломъ.

М. И. Драгомировъ, въ свою очередь, поднялся съ мѣста, вѣжливо поблагодарилъ за вниманіе и, какъ бы нутя, прибавилъ:

— Этотъ тостъ напомнилъ мнѣ, господа, одинъ случай изъ полковой жизни. Былъ въ одномъ полку какой-то праздникъ съ такимъ же вотъ обѣдомъ, какъ и этотъ, и, конечно, съ тостами. Началось по порядку: выпили сначала за высшихъ—за полкового командира, а потомъ и за всю родословную. Словомъ, выпили за всѣхъ. Наступилъ моментъ, что уже больше пить не за кого. А выпить хочется... Стали придумывать и искать, за кого бы выпить. Искали долго, но въ концѣ концовъ все-таки нашли: — за полкового ветеринара!..

Члены съѣзда громко и весело разсмѣялись.

— Такъ вотъ и меня сейчасъ здѣсь почтили, — прибавилъ М. И. Драгомировъ.

Члены съѣзда сразу всѣ смутились, хотя и отвѣтили генералу новымъ сочувственнымъ смѣхомъ. Генералъ же, послѣ своей рѣчи, положилъ салфетку, отодвинулъ отъ себя кресло, на которомъ сидѣлъ, вышелъ изъ-за стола, сталъ прощаться и направился къ выходнымъ дверямъ. Это послужило сигналомъ, что завтракъ конченъ даже для тѣхъ, кто еще не успѣлъ окончить его. Волей-

неволей зашевелились и встали всѣ и почтительно и виновато проводили его не только до дверей, но даже и по лѣстницѣ.

Сознаніе виноватости и чувство неловкости прошли не скоро. Не успѣлъ Драгомировъ уѣхать, какъ многіе набросились на Н. П. Зимина съ упреками, зачѣмъ онъ произнесъ тостъ такъ несвоевременно.

— Забыли за Драгомирова выпить, и Богъ съ нимъ,—заговорили со всѣхъ сторонъ. — Не зачѣмъ было поднимать здравицу послѣ Бродскаго... Такъ бы оно и обошлось... Забыли, виноваты, каемся, но не къ чему было въ самомъ концѣ завтрака. Неумѣстно...

— Извините-съ,—оправдывался горячо и нѣсколько взволнованно Н. П. Зиминъ.—Такъ нельзя-съ... За всѣхъ пили, за еврея Бродскаго пили, а Драгомирова проморгали... Такъ нельзя-съ. Такъ не полагается... Это — не по-русски-съ... Надо было кому-нибудь...

Долго продолжались разговоры на эту тему. Но потомъ все улеглось. Сытое настроеніе духа взяло верхъ. Засѣданія вечерняго въ этотъ день не было, и всѣ мирно разбрелись заниматься на свободѣ пищевареніемъ. Но колкое словцо Драгомирова осталось надолго въ памяти почти у всѣхъ. Вышелъ недурной урокъ съ маленькимъ конфузомъ.

Интересной вышла экскурсія, прозванная «вонючей». Съ водопроводнымъ дѣломъ тѣсно связаны канализація и отводъ городскихъ нечистотъ, а съ канализаціей—поля орошенія. Гигіена гласитъ, что тотъ городъ, который обладаетъ полями орошенія, счастливъ вдвойнѣ: во-первыхъ, въ немъ начисто удаляются нечистоты, а, во-вторыхъ, нечистоты эти, служа удобреніемъ, не пропадаютъ даромъ, а приносятъ городу вещественную пользу. Въ Кіевѣ съ грѣхомъ пополамъ устроена канализація, и сточныя воды отводятся на поля, расположенныя на берегу Днѣпра. На эти-то поля орошенія и ѣздилъ съѣздъ. Къ услугамъ гостей были предоставлены бесплатно вагоны конки. Поѣздка началась съ Подола и закончилась какъ разъ около этихъ самыхъ полей. Проѣзжать приходилось мимо очень интереснаго въ археологическомъ отношеніи мѣста, а именно — мимо открытой однимъ изъ мѣстныхъ профессоровъ стоянки первобытнаго человѣка. На этомъ мѣстѣ, лежащемъ недалеко отъ рельсовъ конки, мы не были, потому, вѣроятно, что водопроводчики и археологія — двѣ вещи разныя. Намъ только показали пальцами на какой-то ничего не говорящій участокъ синей глины и пояснили при этомъ, что стоянка эта тщательно охраняется, чтобы современный цивилизованный человѣкъ не уничтожилъ варварски слѣдовъ первобытнаго. Къ слову сказать, мѣстность, на которой расположенъ теперешній Кіевъ, оказывается, судя по слѣдамъ, весьма излюбленнымъ мѣстопробываніемъ доисторическихъ людей, оставившихъ по себѣ память

не только въ видѣ разныхъ стоянокъ, но и въ видѣ пещеръ, разсѣянныхъ по кручѣ Днѣпра. Въ «Путеводителѣ» по Кіеву не разъ упоминается о томъ, что эти пещеры существуютъ, но что, къ сожалѣнію, большая часть ихъ еще не изслѣдована и, во избѣжаніе порчи, засыпана до болѣе благопріятныхъ временъ...

Поездка началась раннимъ утромъ, по холодку, и никакими особенностями и прелестями не отличалась—ни ландшафтовъ, ни красотъ не встрѣчалось. На самомъ же концѣ, когда публика еще сидѣла въ вагонахъ, легкій вѣтерокъ подсказалъ обонянію довольно безошибочно, что поля орошенія—уже недалеко. Былъ съ нами, между прочимъ, и городской голова В. Н. Проценко, посѣтившій эти мѣста, обещающія со временемъ быть «злачными», кажется, впервые.

Самыя поля орошенія представляютъ собою покатуку къ Днѣпру и разбитую на большіе четырехугольники площадь. Четырехугольники эти, какъ намъ сообщили, «планированы», т. е. выравнены такъ, что поверхность ихъ горизонтальна, и обнесены невысокими валами. Вслѣдствіе этого сточныя воды, поступающія сюда по особымъ трубамъ и желобамъ, разливаются ровнымъ слоемъ и равномерно орошаютъ всю площадь. Отработавшія грязныя воды просачиваются сквозь землю, оставляютъ наверху ея твердыя плодородныя частицы и въ концѣ концовъ уходятъ въ Днѣпръ, пробиваясь гдѣ-то въ обрывѣ въ видѣ свѣтлаго, прозрачнаго родника. Для большей убѣдительности изъ этого родника зачерпнули водицы стаканомъ и стали разсматривать ее на свѣтѣ. Она оказалась совершенно безъ запаха. Отсюда съѣздъ вывелъ, что Днѣпра она не оскверняетъ, хотя городской голова, какъ врачъ, и засвидѣтельствовалъ публично, что въ настоящее время «въ Днѣпрѣ гораздо больше злокачественныхъ и вредныхъ бактерій, нежели золотистыхъ осетровъ». Когда этой водой въ стаканѣ любовались на свѣтѣ, изъ группы раздался чей-то наивный голосъ:

— На видъ водица чиста, а интересно было бы знать, какова она на вкусъ?

— Попробуйте, тогда и мы всѣ узнаемъ,—послѣдовалъ чей-то насмѣшливый отвѣтъ.

Всѣ разсмѣялись, а наивный господинъ слегка сконфузился и, какъ бы оправдываясь, пробормоталъ:

— Я задалъ вопросъ съ научной точки зрѣнія...

Осмотръ полей затянулся довольно долго, и все время экскурсантовъ окружалъ запахъ, оскорблявшій не на шутку обоняніе и вызывавшій у нѣкоторыхъ легкую тошноту и даже головную боль. Солнышко поднялось довольно высоко. Приближался адмиральскій часъ. Почти у всѣхъ защекотало подъ ложечкой и въ головахъ возникли помыслы о томъ, какъ бы поскорѣ навести лыжи

въ городъ и приступить къ завтраку. Но городской голова, которому слегка и не разъ намекали на это обстоятельство, повидимому, и въ усъ себѣ не дулъ и только загадочно улыбался.

— Успѣте, господа, — отшучивался онъ. — Надо хорошенько осмотрѣть. Сооруженіе, вѣдь, стоитъ большихъ денегъ...

Публика, однакоже, оставалась къ этимъ большимъ деньгамъ довольно равнодушной и отъ скуки стала разсматривать унылыя окрестности. Вдали, въ концѣ полей орошенія, стоялъ небольшой домикъ, созерцаніе котораго вызвало цѣлый рядъ вопросовъ и восклицаній, которыя сводились къ одному:

— Неужели этотъ домикъ обитаемъ? Неужели въ немъ можно жить среди этой ужасной вони? Если да, то вѣдь это—чистое самоубійство... Какой несчастный и злополучный человѣкъ обреченъ дышать здѣшнимъ отравленнымъ воздухомъ?...

Стали наводить отъ нечего дѣлать справки и оказалось, что въ домикѣ живетъ администрація, завѣдующая полями орошенія. Съѣздъ рѣшилъ, что это варварство...

Какъ бы въ отвѣтъ на это порицаніе городской голова пригласилъ всѣхъ осмотрѣть и самый домикъ. Пошли не особенно охотно, но когда вошли—разинули рты отъ неожиданности и отъ удивленія. Въ небольшихъ комнатахъ былъ сервированъ прекрасный завтракъ и чай. Ужасный, отравляющій запахъ былъ тотчасъ же забытъ и, несмотря на страшную тѣсноту и толкотню, столъ съ яствами и питіями былъ немедленно взятъ приступомъ. Ъли съ жадностью и съ наслажденіемъ, а въ открытыя окна врывался вѣтерокъ прямо съ полей...

Городской голова протискивался между гостями, угощалъ ихъ и ехидно улыбался, а въ концѣ концовъ гости познакомились и съ обитателями домика. Имъ наперерывъ всѣ спѣшили высказать свои сожалѣнія и соображенія насчетъ «воздуха».

— Иногда пахнетъ, особенно ежели вѣтеръ съ той стороны, — получился отвѣтъ. — Но это не суть важность. Привыкли...

Члены съѣзда только пожали плечами и за стаканами чая завели ученый разговоръ о приспособляемости человѣка ко всевозможнымъ, даже и пагубнымъ для здоровья, условіямъ. Больше говорить было не о чемъ...

Поѣздка назадъ по той же конкѣ совершилась уже гораздо веселѣе. На сытый желудокъ было пріятнѣе и легче обсуждать достоинства и недостатки полей орошенія, какъ техническаго и дорого стоящаго сооруженія. Въ нѣкоторыхъ вагонахъ даже заспорили. Споръ былъ научный, хотя два-три спорщика и сопровождали его, хотя и невольной, но довольно частой икотой. Самую же экскурсію, въ отличіе отъ другихъ экскурсій по Кіеву, прозвали прозаически — «вонючей».

Быль произведенъ и смотръ пожарной командѣ, имѣющей тѣсную связь съ водопроводомъ города. Публики собралось очень много. Для обычныхъ эволюцій команды площадь при Софійской церкви оказалась тѣснотой, но это не помѣшало успѣху праздника. Все обошлось прекрасно, торжественно и эффектно, если не считать маленькаго конфуза: въ самый поразительный моментъ, когда обозъ летѣлъ подъ звуки музыки самымъ быстрымъ аллюромъ, который называется у пожарныхъ маршъ-маршемъ, у одной изъ бочекъ разлетѣлось вдребезги колесо, и она на ходу накренилась на бокъ и зацарапала мостовую. Ее вывели изъ строя и все обошлось благополучно. Публика отнеслась къ этому благодушно: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ не случается подобныхъ непріятныхъ мелочей?.. Въ мірѣ вѣдь идеальнаго совершенства не полагается...

LX.

Пришлось мнѣ въ качествѣ корреспондента побывать въ Орлѣ на пожарномъ всероссійскомъ съѣздѣ. Который это былъ по счету съѣздъ—не помню. Было ихъ нѣсколько и всѣ они созывались и созываются императорскимъ россійскимъ пожарнымъ обществомъ, а въ сущности—княземъ Александромъ Дмитріевичемъ Львовымъ и его другомъ и сотрудникомъ, капитаномъ Дмитріемъ Петровичемъ Струковымъ. Какъ бы плодотворна ни была дѣятельность этого пожарнаго общества, а если говорить по совѣсти, то нужно сказать, что и общество это, и все вообще пожарное дѣло въ Россіи вывозятъ на своихъ плечахъ только эти два человѣка. Все дѣлается по ихъ инициативѣ и всему тонъ и направленіе задаютъ они. Не будь князя Львова и Струкова, не существовало бы общества и не было бы и тѣхъ капиталовъ и особыхъ преимуществъ (страхованіе жизни, пенсіи, пособія и т. д.), которыми пользуются теперь вольные пожарные дружинники, а отчасти и пожарныя городскія команды. Князь Львовъ фанатически помѣшанъ на пожарномъ дѣлѣ, а другъ его Струковъ не менѣе фанатично помогаетъ ему. Отсюда получилась та частая сѣть вольныхъ пожарныхъ обществъ и дружинъ, которая охватила въ нѣсколько лѣтъ всю матушку соломенную Русь.

О князѣ А. Д. Львовѣ пожарные остряки сочинили даже басню, будто бы онъ родился съ пожарною каскою на головѣ и въ мундирѣ пожарнаго вмѣсто сорочки, въ которой рождаются счастливые люди. О Струковѣ пока не слыхать никакихъ басенъ. Пожарные его очень уважаютъ и даже, насколько я могъ замѣтить, слегка побаиваются, потому что онъ — большая умница и безкорыстно хлопочетъ о поднятіи ихъ матеріальнаго и нравственнаго уровня. Они это чувствуютъ инстинктивно даже въ самыхъ захолустныхъ

уголкахъ и чтутъ его за это. А между тѣмъ эти два дѣятеля пожарнаго дѣла работаютъ такъ скромно, тихо и незамѣтно, что о нихъ и не слышно нигдѣ, и въ періодической печати ихъ имена попадаютъ болѣе чѣмъ рѣдко...

Итакъ, въ Орлѣ былъ созванъ пожарный съѣздъ. Открыли его съ помпой и съ торжествомъ. Молебенъ служилъ архіерей, а почетное предсѣдательство принялъ на себя губернаторъ Александръ Николаевичъ Трубниковъ, блиставшій своимъ расшитымъ золотомъ камергерскимъ мундиромъ. А это въ глазахъ провинціальной публики значитъ не мало. Устраивались князю Львову почетныя встрѣчи и проводы, совершались экскурсіи, заданъ былъ обѣдъ и т. д. Словомъ, все шло, какъ и подобаетъ.

Заносу я воспоминанія объ этомъ съѣздѣ не для того, чтобы толковать о его результатахъ и значеніи, а для того, чтобы отмѣтить одно неожиданное и въ то же время интересное совпаденіе.

У Диккенса въ его «Пикквикскомъ клубѣ» есть дѣйствующее лицо—мистеръ Топманъ, человѣкъ, отъ роду не державшій въ рукахъ ружья и совершенно не умѣвшій стрѣлять, а между тѣмъ убившій на охотѣ съ зажмуренными глазами куропатку. Бѣдная птичка сама налетѣла подъ выстрѣлъ. Такое же почти событіе случилось и во время орловскаго съѣзда.

Занятія съѣзда, сколько мнѣ помнится, подходили къ концу. Всякіе маневры и смотры, на которыхъ пожарные показываютъ свое удалство, были окончены. Не хватало только одного — внезапной провѣрки дѣятельности команды. На парадахъ видна лишь казовая сторона: мѣдныя части инструментовъ блестятъ, платье на пожарныхъ—съ иглочки, лошади прилизаны и все прекрасно. Другое дѣло видѣть команду въ настоящей, заправской работѣ, видѣть быстроту ея запряжки и выѣзда на пожаръ. И вотъ, чтобы провѣрить именно эту сторону дѣла въ организаціи и жизни городской пожарной команды въ Орлѣ и показать ее съѣхавшимся со всей Россіи дружинникамъ и общественникамъ, губернаторъ А. Н. Трубниковъ и князь А. Д. Львовъ условились между собою произвести ночью фальшивую тревогу.

Мы съ Дм. П. Струковымъ стояли въ гостиницѣ «Берлинъ» и помѣщались въ одномъ номерѣ. Въ тотъ вечеръ, когда начальствующія лица составили въ своемъ родѣ заговоръ противъ пожарной команды, я сидѣлъ въ номерѣ одинъ и, кажется, строчилъ корреспонденцію. Засидѣлся я за работой до полуночи. Въ первомъ часу ночи возвратился Д. П. Струковъ и сообщилъ мнѣ, что губернаторъ, князь Львовъ и многіе дружинники ужинаютъ въ городскомъ саду. Онъ, Струковъ, тоже ужиналъ съ ними, а теперь покинулъ компанію и явился домой для того, чтобы, буде я не сплю, сообщить мнѣ секретъ, а именно: губернаторъ, князь

и Струковъ условились между собою келейно, на ушко, ровно въ часъ ночи, минута въ минуту, дать сигналъ къ фальшивой тревогѣ. Объ этомъ условіи до настоящей минуты знали только эти три лица, а теперь узнало и четвертое, т. е. я.

Я искренно поблагодарилъ милѣйшаго Дмитрія Петровича за вниманіе, и оба мы, раскрывъ окошко нашего номера, приготовились ждать тревоги и наблюдать съ часами въ рукахъ, какъ и съ какою быстротою пролетитъ мимо нашей гостиницы пожарная команда.

— Смотри на часы,—сказалъ Дмитрій Петровичъ.—Трубниковъ рѣшилъ подать сигналъ ровно въ часъ.

— Ты отправишься на этотъ смотръ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ. Сегодня я очень усталъ, да и интереснаго для меня въ этомъ мало,—отвѣтилъ онъ.—Посмотрю на проѣздъ команды изъ окна и лягу спать. Завтра придется вставать рано.

— Еще бы тебѣ не устать, коли ты работаешь, какъ волъ...

— Ничего не подѣлаешь: работы много... А ты все-таки посматривай на часы.

Я усѣлся на подоконникъ съ часами въ рукахъ. До условленнаго момента оставалось еще четверть часа. Но стрѣлка не дошла еще десяти минутъ до часа, какъ съ улицы донесся до насъ рожокъ ночного сторожа. Вдали гдѣ-то откликнулся другой, за нимъ третій, и въ какихъ-нибудь 40 — 50 секундъ весь Орелъ заигралъ на рожкахъ.

— Вотъ и тревога!—проговорилъ Д. П. Струковъ.—Но только странно: зачѣмъ Трубниковъ далъ ее десятью минутами раньше? Условлено было ровно въ часъ...

Изъ домовъ стали понемногу высыпать встревоженные обыватели. Мимо нашихъ оконъ во весь опоръ промчалась пожарная часть. Съ улицы стали доноситься голоса: «Пожаръ! Гдѣ-то горитъ!»

Д. П. Струковъ вытянулъ шею и сталъ прислушиваться. Рожки на разные тона заливались по всѣмъ улицамъ.

— Послушай, ужъ не пожаръ ли въ самомъ дѣлѣ?

— А я почему знаю,—отвѣтилъ я.

— Народъ бѣжитъ... Нужно будетъ узнать, въ чемъ дѣло.

Мы оба поспѣшно одѣлись и спустились внизъ, въ швейцарскую, а черезъ какихъ-нибудь двѣ-три минуты уже мчались на ночномъ извозчикѣ въ невѣдомую мнѣ часть города. Вдали горизонтъ былъ окрашенъ багровымъ заревомъ.

— Вспыхнуло, какъ свѣчка,—пояснилъ намъ возница, нахлестывая лошадь.

Довольно далеко отъ центра города пылалъ большой деревянный домъ. Когда мы пріѣхали на пожаръ, князь А. Д. Львовъ былъ уже тамъ и распоряжался тушеніемъ. Мѣстный брандмей-

стеръ почелъ за честь для себя уступить на этотъ разъ свои права столь почетному пожарному гостю.

Вернулись мы домой уже почти подъ утро и, лежа въ постеляхъ, долго еще толковали о странномъ совпаденіи: вмѣсто фальшивой тревоги судьба подготовила съѣзду настоящій пожаръ...

— Такіе случаи рѣдки, — проговорилъ Д. П. Струковъ, гася свѣчку.

— Да, — промычалъ я сквозь сонъ.

Александръ Чеховъ. (Сѣдой).

